

# СТАНИЦА

общеказачья газета - журнал

издается в России с января 1992 г.

№ 1 (49) июнь 2007 г.



На фронтах 1-й Мировой войны сражались казаки всех войск. На фото - встреча Уральцев с Кубанцами. Одни - только из боя, другие - в бой...

## Примеры беззаветной храбрости

казаки были  
достойны победы  
в Великой войне -  
победы, которой  
Россию лишили в  
1917 году...

стр. 24 - 27

## 20 лет в походе

у истоков нынешнего  
казачьего движения  
стоял ансамбль  
"Казачий Кругъ"

стр. 42 - 43

## В номере:

- \* *Записки пессимиста*  
некоторые итоги казачьего движения
- \* *Чёрные клобуки*  
история народа, ставшего одним  
из прародителей казачества
- \* *"Казачи - разбойники"*  
Терские и Кубанские перебежчики к горцам
- \* *Якутское Войско*  
неизвестные страницы освоения  
казаками Восточной Сибири
- \* *Победитель Чапая*  
легендарный полковник Уральского  
Казачьего Войска Тимофей Сладков
- \* *"Об атамане  
замолвите слово..."*  
возможный соавтор и вдохновитель  
Шолохова - его тесть Пётр Громославский
- \* *"Байки деда Игната"*  
очередные истории, рассказанные  
кубанским казаком Радченко



Московский фольклорный коллектив  
несколько десятилетий остаётся  
визитной карточкой казачьей культуры

# 20 лет спустя, или Записки пессимиста



В январе 2007 года исполнилось 15 лет со дня выхода в свет первого номера "Станицы".

Конечно, это всего лишь некая формальная дата - сам первый номер был подготовлен в 1991 году, а работу над собственно "Станицей" предвзяли несколько выпусков "Яицкой Воли" (газеты, зарегистрированной Валерием Александровичем Шуковым). А можно вспомнить ещё и наших предшественников из 30-х годов во Франции во главе с донским офицером - есаулом Петром Гусевым, или изданный им ещё в 1928 году в Болгарии первый номер той "Станицы" - ведь намерения продолжать линию именно того журнала, белоэмигрантского и интеллигентского, мы никогда не скрывали!..

Тем не менее - редакция с благодарностью принимает все присланные поздравления. Сразу извинимся, что не смогли вовремя "отметить событие", как того ждали многие. Хотели, ещё перед Новым Годом - помешала смерть главного редактора. Но, будем надеяться, мы ещё соберёмся...

Весной вот думали - даже вместе с "Казачьим Кругом", как раз отмечающим своё 20-летие. Не вышло. Зато наши друзья из фольклорного ансамбля смогли не просто организовать юбилейное мероприятие "на уровне", но и пригласить на него несколько десятков коллективов со всей страны.

Между тем, 20-летие "Казачьего Круга" - это не просто значимая веха на пути российского фольклорного движения. Возникший в конце 80-х годов столичный казачий ансамбль сыграл важнейшую роль и в организации движения за возрождение казачества. Я бы лично считал за начало этого движения как раз 1987 год - с момента, когда на первых концертах ансамбля в Москве стали собираться и знакомиться между собой потомки казаков.

20 лет - всё-таки уже срок. Можно бы и итоги определённые подвести - к чему пришли казаки, что из задуманного тогда удалось, что вообще задумано неверно было?.. Но, откровенно говоря, **особых итогов как бы и нет!** Почти ничего, о чём думали-мечтали, так мечтами несбыточными и остаётся. Как движение находилось в стадии становления, пытаюсь определить, куда идти, так, по большому счёту, и осталось...

## Уж какие тут результаты!?

До сих пор неясно - ни самим казакам нынешним, ни окружающей публике - что же такое было казачество историческое (**сословие, народ ли?**) - и, самое главное, что такое есть казачество современное. Придумали учёные неплохой термин - "**этно-сословная общность**" - да вот объяснить его толком не смогли, и властям сообщить позабыли. А без такой ясности - как решать, куда двигаться? Любая концепция "**возрождения казачества**" тут повиснет в воздухе!

Нет этой ясности - нет и чашею многими единства. В казаках нынче всяк, кому не лень, и отнюдь не всегда с какими-то казачьими корнями. Оттого-то вот - словами старой песенки - "**все друэ на друга так страшно кричат!**"..

Нет единства - нет и силы, чтобы всем вместе на власть давить, с общих позиций. А тут уже и власти самой - с чего бы особенно чечаться? Вот и не спешит она разбираться с "**казачьим вопросом**". Не желает (не может?) вообще решить для себя - **нужно ли ей это самое казачество**, а если да, то **в какой форме?** Есть ли для него вообще место в современной жизни?..

Потому и "**законы о казачестве**" выходят сплошь дурные - недоделанные. **Недодуманные**. Все пытаются буд-то совсем что-то новое породить, без прошлого. Ни земли своей (своей! собственной!), ни культуры, ни общины со старинными традициями самоуправления, хозяйствования и землепользования...

Власти-то оно, конечно, как и при царе-батюшке - всё одно подавай: **службу!** Хоть казаком назовись, хоть гусаром - только служи да не вякай. Вот и получается: только примется власть что про казаков сочинять - выходит нечто служилое... Да ведь и не сословие даже, а **общественное объединение** (при том всех подряд), именуемое, правда, по старинному - "**реестровое каза-**

**че общество**". ДОСААФ, если одним словом. Бутафория некая в псевдоказачьих одеяниях.

Оно и понятно. Заговори о традициях всяких, о восставлении настоящих Войск (территориальных автономно-самоуправляемых областей) - какое слово дальше произнести придётся? **Реституция!** То есть - возвращение потомкам обобранных незаконно отобранного большевиками: гражданских прав, земли, домов, имущества, денежных вкладов... Но вот ведь этого самого потомки комиссаров никогда не допустят - чтоб кому чего вернуть! Какой ещё угодно "**-изм**" объявят - лишь бы ни с кем не делиться. И проблема эта далеко не только казачества касается - а всех россиян. У всех ведь в семьях что-то отобрали и возвращать не хотят.

Ну, а раз казачества как бы и нет до сих пор (хотя оно как бы и "есть" - да только лучше бы такого не надо!) - покинули его организации многие из самых боевых, грамотных, толковых потомков казаков, не сгинувших в мутных потоках перестройки интеллигентов, предпринимателей, деятелей культуры. Не нашлось в этом ДОСААФе нового розлива места и женщинам-казачкам.

Зато поспешили возгласить его - это уже второй волной после чиновников от органов и КПСС - вообще непонятно кто, вплоть до самых откровенных проходимцев. Казачье происхождение тут не самое главное, да и образование тоже.

При том кажется, что никаких твёрдых взглядов на жизнь и политику у нынешних господ атаманов вовсе не наблюдается. Они просто неким случайным образом рассредоточились, перемешались между враждебными друг другу реестром и общественными организациями. Кому повезло в нужное время оказаться в нужном месте (то есть рядом с властью) - стали "атаманами" реестровыми. Кому не повезло - вынужденно пребывают в общественной оппозиции. Сложись всё чуть иначе...

Впрочем, атаманов наши зачастую всего лишь таковы, каковы их немногочисленные, зато удостоенные многими звездами на разноцветных погонах подчинённые. Особенно те, что составляют постоянный состав всевозможных кругов. Иногда складывается впечатление, что отбор на эти мероприятия осуществляется неким особо вредительским способом: через отсев ещё остающихся в рядах местных казачьих организаций, вопреки всем усилиям их руководства и СМИ, культурных и независимых людей (иногда тут вовсе даже вспоминается терский казак Михаил Булгаков с незабвенным Шариковым...).

Где в станицах сохраняется пока среди населения некая ошутимая часть родового казачества (например, на Дону или Кубани), хотя бы процентов 10 - 20 (больше - редко где), дело ещё не так плохо. Семейные традиции, родная земля словно берегут от вырождения. Человек может хоть всю жизнь тяжело вкалывать в поле - а лицо светлое, глаза ясные, мысли здравые. Беда основная - вне территорией традиционного казачьего расселения. Там, куда потомков казаков позабросила судьба за годы советской власти, где все беды казачьего движения порой будто удесятяряются!

Стремятся в создающиеся здесь казачьи организации люди, до последнего времени нередко мало что звавшие о своём происхождении, вообще об истории, культуре и традициях казачества, не нашедшие себя в новой, постперестроечной жизни, а то и вовсе откровенные маргиналы. Наверное, ищут среди казаков комфортной для себя среды, поддержки - тем более, что СМИ формируют такой облик современного казака (хам с нагайкой), что людей успешных, культурных такие организации просто пугают давно.

Я давно стараюсь избегать какие бы то ни было казачьи мероприятия типа собраний (как бы раньше сказали - партхозактива). Всё равно ведь ничего нового, по сравнению с такими же десятилетней давности, там не скажут - зато от внедрённых тов. Алмазовым "**казачьих традиций**" тошно станет. А тут попал на приуроченное к "**всероссийскому кругу**" реестровиков мероприятие, по именованное отчего-то "**фестивалем казачьей песни**". Оказался возле членов т.н. "**Центрального казачьего войска**" - недавно удостоенного права считаться не просто "реестровым", но именно - "**войском**".

Так и не понял, по какому принципу они без конца выкрикивали своё "**лю-убо-оо!**".. Стало, знаете ли, как-то совсем грустно. На концертах 20 лет назад сидели люди с

иными лицами, манерами и речью. Так и думалось - какие мы замечательные, как много можем сделать вместе! Верилось: всё ещё можно вернуть - и прадедовские песни, и казацкую волю, и черкески в армии...

Теперь - верится с трудом. Зато чаще вспоминается старый казак, взывавший тогда же, в 80-х, к классике: *"Не надо разрывать могилы - неизвестно, что оттуда появится!.."*

\* \* \*

Создается впечатление, что наделённые властью федеральные чиновники недопонимают, в какой тупик загоняют государство, не желая разобраться с путаницей и недоговорённостями в важнейших, концептуальных вопросах казацкого движения. А если и понимают, то публично о том предпочитают помалкивать - чтобы не дискредитировать окончательно государственную политику (или не выносить на всеобщее обозрение споры между различными ветвями власти). Особенно теперь, ввиду грядущих выборов, когда принято заигрывать со всеми частями электората - в том числе и такой достаточно активной и шумной, как казаки.

Редакция "Станицы" согласна с мнением, периодически высказываемым некоторыми компетентными чиновниками - принятый в конце 2005 года Закон **"О государственной службе российского казачества"** просто не работает. Да и как ему работать - если не соответствует он действующему законодательству?!

А что, не было это ясно ещё при прохождении законопроекта в ГосДуме? Мы, во всяком случае, тогда всё случившееся как раз ведь и предсказывали! Теперь же получается, что до внесения в закон концептуальных изменений выполнять поручение Президента России по созданию законодательной базы госслужбы казачьих войск бессмысленно и бесперспективно.

Говорят, в Правительстве уже думают - а не собрать ли отдельное совещание, чтобы решить, куда и как им дальше рулить казачество? Не самая плохая идея была бы - жаль только, что никому "наверху" она не пришла в голову лет где-нибудь 10 назад! Не потеряли бы столько времени и сил, как и активных людей, готовых раньше участвовать во всей этой работе.

Кроме указанных выше проблем, с которыми давно пора разобраться - или хотя бы, для начала, гласно и громко их обозначить! - надо разрешать и более конкретные, практические вопросы и противоречия, в том числе и внутри самого Закона. Напомним здесь лишь о нескольких, наиболее серьёзных из них.

Законом "казачьи войска" трактуются как *"добровольные объединения граждан"*. То есть, по-прежнему - это всё те же **общественные организации**. Между тем последние, согласно Закону "О системе государственной службы в РФ" 2003 года, не могут выполнять профессиональную служебную деятельность. Закон о казачьей госслужбе не даёт определения основных понятий, которыми сам же и оперирует; не содержит он и механизмов осуществления и финансирования службы...

На указанные ошибки авторам популистского Закона не раз указывалось задолго до его принятия - однако он всё же был как-то очень быстро, после ряда лет затишья, проведён через Госдуму. **Зачем** - если авторы не могли не понимать, что на практике **действовать Закон не будет?**..

В своё время несколько членов нашей редколлегии были причастны к подготовке учреждения Государственного реестра казачьих обществ. Оглядываясь теперь назад, приходится признать, что государство после ухода с поста руководителя Администрации Президента уроженца Кубани Николая Егорова (а затем и расформирования Главного Управления Казачьих Войск) ясно выказывает **неспособность и нежелание воссоздавать казачьи войска** - как государственные организации (определяя им задачи профессиональной служебной деятельности и компенсации за её исполнение). Но ввиду близящихся выборов и наличия в составе казачьих организаций разного уровня достаточно большого числа списочных членов (заметим, кстати, нередко фиктивных - но то уже другой разговор), власти продолжают имитировать шаги по становлению казачьей службы.

Не удивительно, что всё больше чиновников склоняется сегодня к мнению о необходимости прекратить (или приостановить, до полного прояснения ситуации и принятия

общей концепции возрождения) эксперимент с возрождением госслужбы - и сосредоточиться пока на поддержке одной культурной составляющей феномена казачества (да пусть хотя бы и так пока!). Учитывая фактическое прекращение в своё время усилий по привлечению казаков к невоинской охране госграницы, свёртывание их помощи наиболее серьёзным силовым структурам, можно предположить, что против государственной службы казачества выступает силовой блок во власти РФ.

В условиях же, когда федеральная власть не решается прояснить - для себя и для населения страны - казачий вопрос, работа с казачьими объединениями фактически отдана на откуп властей местных. А уж те действуют на своё усмотрение, нередко создавая фактически собственные "краевые" и "областные" реестры, со своими "прирученными" атаманами - нередко, увы, достаточно случайными для казачества людьми...

\* \* \*

Яркий пример подобного "симбиоза" краевой власти и казачества - это ситуация на Кубани. Особенно привлекает она внимание в связи с непонятными, длящимися несколько лет движениями вокруг **возвращения на Родину Кубанских войсковых регалий**.

Так хотелось бы, как родственнику первого главного их хранителя за рубежом, порадовать всех читателей, особенно разбросанных по всей России потомков кубанцев - что наши реликвии возвращаются, наконец, в целостности и сохранности, что всё хорошо. Но - не могу! Не потому, что вредный такой. Просто не знаю, хорошо ли всё в действительности. Точнее даже - догадываюсь, что далеко

не так хорошо, как пытаются преподнести атаманы Певнев (что в Нью-Джерси) и Громов (что в Краснодаре). Еще точнее даже - подозреваю, что совсем **нехорошо** дело обстоит!

Вот насколько конкретно "нехорошо" - сказать не могу. Ибо стараниями упомянутых выше атаманов и краевой власти дело так запутано, в такой глубочайшей тайне делается - и от населения края, и от специалистов, и от живущих по всей России и в зарубежье кубанцев, - что никто ничего точно утверждать не может. Даже те, кто на Кубани по их профессиональным обязанностям уже напрямую работает с передающимися сюда Регалиями.

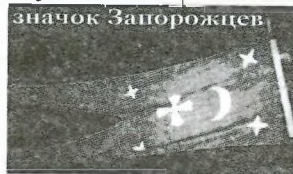
Почему так - **что и от кого хотят скрыть инициаторы и организаторы возвращения Регалий?**

То, что возвращается лишь некоторая (какая?) их часть, а остальное буквально в последние годы исчезло неведомо куда? Что передача осуществляется вопреки мнению кубанской организации в

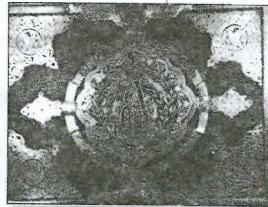
США, не признающей Певнева своим атаманом? Что не выполнено ни одно из условий, неоднократно выдвигавшихся в эмиграции для начала возвращения? Что Регалии фактически похищены из музея в Лейквуде, с банальным взломом дверей, и что там идёт суд по этому факту? Что в Краснодаре отсутствуют условия для надлежащего хранения Регалий, а вроде бы строившийся для этого Войсковой собор построен с такими чудовищными ошибками, что исправить ситуацию просто невозможно - или всё-таки какое-то ещё здание выделяется? Что вообще само решение строить заново "Белый собор" на месте другого взорванного храма - в то время, как сохранились его прежние место и даже сами фундаменты его - очень похоже на обычное самодурство? Что после того, как ещё прошлой осенью часть Регалий была доставлена в Москву, они долгое время хранились в непонятных условиях, в ящиках (а часть хранится и по сей день) - то ли в Министерстве культуры, то ли на таможне? Что...

Или - никто ничего не скрывает вовсе, а просто действуют, как умеют?.. По принципу - *"хотели, как лучше..."?*

Впрочем, хватит вопросов. Их и без того слишком много. Загляните в Интернет - там кипят страсти, со взаимными обвинениями, опровержениями, призывами к Украине вмешаться в ситуацию, раз Россия сама не может разобраться... Я не знаю, **кому и чему верить**, каким из высказанных выше обвинений? Громов же - молчит. Неужели и он не знает, как обстоит дело в действительности? Что же за акты тогда подписывал он во время последней своей поездки в Америку, о каком количестве передаваемых Регалий, по какому списку?.. Чем больше отмалчивается Владимир Прокофьевич - тем больше полдозрений, что, словами популярного



Значок Запорожцев



Ларец, в котором хранилась грамота Александра III

мультиперсонажа - "это ж-жж неспроста!.."

Очень хочется надеяться, что всё происходящее - происходит по нашей старой советской традиции: всё решать и делать кулуарно, втайне от простых людей, чтобы не мешали серьёзным важным дядям. Что Громов просто, как обычно, игнорирует традиции казачьей демократии, не желая считаться ни с членами своего Войска, ни с куда более многочисленными кубанцами, "в рассеянии сущими". Тогда дело с Войсковыми регалиями, может быть, и не так уж плохо. Если же триумфальные фанфары "возвращения" всего лишь прикрывают пропажу немалой части священных реликвий, а заодно и полную неготовность к сохранению уцелевшей их части на Родине... Тогда дело не то что "нехорошо" - оно совсем даже плохо! Ибо упускается время хоть что-то ещё предпринять для спасения Регалий.

На сегодняшний день, насколько известно, на Кубань передано всего 76 единиц хранения - одни грамоты. В Москве находится ещё часть привезённого из США - это около 60 знамён. 5-6 из них - в более-менее приличном состоянии, остальные нуждаются в серьёзнейшей, кропотливой (и дорогой!) реставрации, специальных условиях хранения. От некоторых, говорят, вообще остались лишь фрагменты. Можно ли их в таком виде отдавать в Краснодар? Тоже вопрос! Очень вероятно, что Министерство культуры примет решение оставить их в Москве...

По достигнутой при передаче Регалий договорённости, в Нью-Джерси должны быть возвращены копии всех грамот и знамён. Грамоты уже копируются, вроде бы, а вот когда до знамён дело дойдёт...

Жаль, что не хочет компания Громова ни помощи принять, ни советов ничьих. Не хотят делиться славой? Такие вот представления, "понятия" о казачестве.

Ну, а если такие вот советчики-помощники у нынешней власти - чего же удивляться, что не может и не хочет она всерьёз заниматься казаками?..

\* \* \*

Между тем, упорно игнорируя необходимость всерьёз заняться возрождением казачества, продолжая возиться с наполовину фиктивным "реестром" - и вместе с тем не желая пресечь деятельность всевозможных псевдоказачьих структур, государство продолжает провоцировать возникновение всё новых организаций под "казачьими" названиями.

Вот очередной пример торговли "казачьими" удостоверениями, приносящей немалую прибыль. Тут даже никакой особой "казачьей" деятельности имитировать не надо было - просто продавай корочки, и всё!

В конце прошлого года московская милиция обнаружила в районе Каширского шоссе практически открыто действовавшую "казачью" организацию, состоявшую почти сплошь из нелегальных мигрантов из Средней Азии и Закавказья. Она поставила на коммерческую основу выдачу приезжим поддельных свидетельств о регистрации, а за дополнительную плату присваивала ещё и казачьи звания. Больше заплатишь - выше звание!.. Благо, всё равно проверять никто не станет...

Начальник пресс-службы Управления по борьбе с экономическими преступлениями столичного УВД Ф. Золотницкий сообщил: "В момент проверки в офис пришёл молодой человек в форме, напоминающей милицейскую. На просьбу представиться, назвал себя сержантом казачьих войск. Выяснилось, что молодой человек является приезжим из Таджикистана и находится в России незаконно.

Было установлено, что в Москве действует некая организация, которая выдает приезжим документы, свидетельствующие о том, что они являются "казаками" и выполняют некие функции по охране общественного порядка в столице. Удостоверения о принадлежности к этой "казачьей" организации были выданы более тысячи приезжих..."

Итак, нелегалы не только получали липовые удостоверения и звания, но и, пользуясь неразберихой в отношении государства к казачеству, не боялись открыто носить милицейскую и военную форму с казачьими нашивками! Кто знает, сколько преступников легализовались под крышей "казачьего формирования"?

Разоблачили преступников - хорошо!?. Да не очень... Хотя бы потому, что около года назад, по сводкам того же МВД, некое "казачье формирование" на Каширском шос-

се уже попадало в поле зрения милиции. Был даже задержан гражданин Азербайджана, находившийся в розыске за убийство и хулиганство - с удостоверением "Союза казаков", в форме сотрудника ФСБ (!) и с погонами старшего лейтенанта. Казачьи организации открылись от задержанного - на том тогда дело и заглохло...

В который раз! Знающие вопрос припомнят не один такой случай - начиная с ужасного происшествия лет 10 назад, когда "казаки" из охраны одного столичного рынка по пьянке отрезали голову одному из своих сотоварищей...

Сколько ещё надо подобных случаев, чтобы понять - из-за явного попустительства государства мы имеем дело с системой, сложившейся во многих уголках страны? Что отсутствие продуманной программы по казачеству, плохая координация работы различных ведомств, упор на охранные структуры неизбежно будут и впредь приводить всё к тем же результатам? В лучшем случае - никаким, в худшем - очень печальным...

\* \* \*

Конечно, в самом по себе стремлении потомков казаков к ношению традиционной формы, весьма схожей с военной, ничего плохого нет. Разве что погоны да нашивки всякие путаницу вносят для обывателя - кто это перед ним. То ли боец некоего военизированного формирования, то ли обычный ряженый...

Мы уже писали, что властью несколько лет назад упущен был прекрасный шанс показать свои намерения по возрождению казачества - тогда в Кремле вместо традиционного казачьего конвоя обосновалось нечто маловразумительное, представляющее некую абстрактную форму а-ля 19 век.

Раз уж делали нечно парадно-историческое - согласитесь, почему бы не сделать максимально достоверно? Значит - не надо было. Значит, все слова о "возрождении" казачества, даже как чисто силовой структуры - пустой звук.

А ведь как красиво могло бы получиться! Давайте вспомним, как в прошлом году Путин с визитом посетил Иорданию. Деловым переговорам с королём Абдаллой предшествовала официальная церемония встречи в одном из дворцов. При этом почётный караул при короле и охрану дворцовых покоев несут выходцы с Северного Кавказа - черкесские гвардейцы: в черкесках, папахах, с газырями и кинжалами. Остаётся только искренне позавидовать умению поддерживать традиции - причём чужие, в общем-то, для Иордании. Зато - красивые!

Ближневосточные черкесы - это адыгейцы, переселенные некогда турками с Кавказа на Балканы, а оттуда на Ближний Восток. Живут они сегодня даже в Израиле (причём продолжают пользоваться письменностью на основе кириллицы!).

Представим теперь на минутку - конвой Президента России, в алых черкесках, в лохматых папахах... Да одно это могло бы показать, что власть помнит о казаках. И напоминали бы впредь конвойцы эти власти - постоянно, одним своим видом даже - о казачестве с его проблемами...

\* \* \*

Эх, мечты, несбыточные мечты!.. А реальность, между тем, такова.

Мы уже вспоминали выше Главное Управление Казачьих Войск - в период, так сказать, максимального внима-

ния государства к казакам, попыток что-то всё же сделать в этом направлении. По окончании того периода случилось понижение статуса занимающегося казачеством учреждения - из "главного" оно стало просто Управлением "по вопросам казачества". И пошло-поехало! Когда генерала Г.Н. Трошева сделали советником президента, при нём было сначала аж шесть сотрудников аппарата.

Говорят, когда перед этими майскими сокращениями госаппарта служащие отдела обращались к своему начальнику - "что будет с нами?" - тот неизменно отвечал: "Казачество необходимо России... Президент нас не бросит!.." Не бросил, действительно. Прѣх человек оставил своему советнику. Тепереча он - насовует!..

Какой уж тут конвой! Какие концепции "возрождения"! Похоже, "финита ла комедия"...

Г. Кокунько



## Письмо внука генерала П.Н. Врангеля

Последние близкие П.Н. Врангеля (после кончины Алексея Петровича, младшего сына из его четверых детей, Петра Петровича и Елены Петровны) - 93-летняя младшая дочь Наталья Петровна Врангель-Базилевская и её сын Пётр Алексеевич Базилевский. Наталья Петровна - вдова А.Ю. Базилевского (внука П.А. Базилевского - ротмистра Лейб-Гвардии Гусарского Его Величества полка, потом камергера и шталмейстера Двора, а с сентября 1915 г. - Предводителя дворянства Московской губернии). П.А. Базилевский, адвокат, живущий под Нью-Йорком, от их имени сделал заявление в связи с предложением С.С. Зуева, главы Фонда по увековечению памяти о жертвах политических репрессий, о перезахоронении в Москве останков генерала Врангеля.

Глубокоуважаемый Сергей Сергеевич!

Благодарю Вас за письмо с предложением о перезахоронении праха генерала барона Петра Николаевича Врангеля в Донском монастыре Москвы. Наша семья глубоко тронута Вашим обращением и сознанием, что за ним стоит и желание тысяч других русских людей. Ваше предложение заставило нас вдуматься в смысл и целесообразность такого шага, взвесить все аргументы за и против, чтобы дать серьёзный, аргументированный ответ и объяснение.

Известно, что главная черта характера ген. Врангеля - его принципиальность. Он боролся с большевизмом и порожденной им порочной системой не из чувства классовой ненависти, а из глубокого убеждения, что большевизм есть абсолютное зло, как для России, так и для человечества в целом.

За последние два десятка лет произошли огромные перемены в сознании россиян относительно сущности большевизма и советской власти. Однако не произошло главного: осуждения этого зла на государственном уровне. В результате, продолжается брожение в человеческих умах, следствием которого является такое положение дел, что при опросах населения в последние годы чуть ли не половина населения России считает, что Сталин - личность положительная.

Генерал Врангель скончался в Брюсселе в 1928 году, но более года спустя был, по собственной воле, изъавленной при жизни, похоронен в склепе русской церкви в Белграде. Там он покоится по сей день, а недалеко, на кладбище, лежат тысячи сослуживцев, чинов его армии, бесконечно ему преданных, которым и он отдавал последние свои силы. Это взаимное доверие главнокомандующего и его подчиненных не имеет пределов - оно не ограничено ни его смертью, ни давностью лет. Как в жизни, так и в смерти, он находится в строю, вместе со своими офицерами, солдатами, казаками. Взять сейчас его - одного - для перезахоронения в Москве, взять его из рядов преданных ему подчи-

ненных (и преданных его памяти потомков их), можно только по очень уважительной причине. Будь он жив. вряд ли бы он сам согласился бросить свою армию для чести ехать в Москву один, зная, что там до сих пор почетное место рядом с Кремлем занимают Ленин и Сталин!

Последние слова генерала Врангеля на русской земле в 1920 году - были об исполнении долга до конца. Как память о генерале Врангеле живёт в нас, его потомках, так живёт и память о его соратниках, перед которыми долг и завет Главнокомандующего Русской армии не будут выполнены, доколе существует мавзолей на Красной площади и захоронения красных палачей в стенах Кремля.

Вспоминается надгробное слово протоиерея Василия Виноградова, сказанное у могилы ещё в 1928 году, в Бельгии: *"Лобызая его священные для нас останки, дадим на них обещание возгреть в себе никогда неугасающую любовь к обездоленной родине и священный огонь непримиримости к сатанинской, богоборческой власти, не идя ни на какие компромиссы и соглашения, от кого бы они не исходили. В мире надо жить, говорит преподобный Феодосий, с врагами своими, но не с Божиими"*.

Цена Ваш, Сергей Сергеевич, искренний почин, с тяжёлым сердцем сожалеем, что время для перезахоронения генерала Врангеля на родине ещё не наступило. Генерал Врангель был и остаётся для многих символом непримиримой, принципиальной борьбы. При всем их историческом значении, ни к Деникину, ни к Каппелю такого отношения среди подчинённых и даже среди врагов, как к генералу Врангелю, никогда не было. До сих пор эмиграция чтит память его и те идеалы, ради которых он боролся. Его борьба не закончена, и преждевременное перезахоронение его лишь умалит значение подвига и жертв - как самого Врангеля, так и всех Белых воинов, отдавших жизнь на благо России.

Пётр А. Базилевский

Покидая Россию, белые воины верили: правда - на их стороне. Враг мог одержать временную победу, но в конечном итоге торжествовать - не мог! Они обязательно ещё вернутся - если не сами, то их дети или внуки. И тогда, может быть, будет перенесен на Родину и их прах...

После восстановления сотен храмов, перезахоронения в Москве Деникина, Ильина и Каппеля, начавшегося воссоединения Церкви и возвращения Кубанских войсковых Регалий - можно ли сегодня утверждать, что это время - настало? Путин со свечкой - это и есть - победа?..

Чем больше нас убеждают в этом, тем больше сомнений. Мероприятия всё больше напоминают советские торжества. Упорный повтор тезисов, как надо *"гордиться свершениями отцов и дедов"* и *"великим подвигом советского народа в войне с фашизмом"* - всё та же прежняя подмена, нежелание разделить понятия *"советский"* и *"патриотизм"*.

Чего стоят слова о *"национальном примирении"*, если всё ещё числятся *"изменниками"* генералы Краснов, Шкуро, Семёнов, если по-прежнему льются на всех участников борьбы со сталинским режимом потоки лжи советских времён, а термин *"власовцы"* остаётся в стране ругательством?..

Перезахоронение праха Деникина сопровождал такой вал псевдопатриотической риторики, что было просто стыдно за задумавших сие действо. Убеждённый противник советов, уехавший после войны за океан, подальше от "освободителей", генерал пытался спастись от выдачи в СССР этих самых "власовцев". А тут из него "советского патриота" делали!..

На том же Донском кладбище, где лежит прах казнённых атаманов, мы так и не можем получить разрешения установить на этом месте хотя бы обычный крест. Формально все по отдельности - и городские власти, и органы, и наместник монастыря - вроде бы и не против уже. Да только всё кивают друг на друга, не желая брать на себя ответственность.

Гражданам Германии, союзникам её из Венгрии и Японии, воевавшим с Красной армией полякам, репрессированным большевикам (получавшим от тех же немцев помощь в развязывании гражданской войны), жертвам "еврейского дела" - стоят на этом самом месте памятники. Им - можно. Поче-

## Памятники и память

му же русским и казакам - нельзя? Кому "изменили" те же Шкуро и Краснов, никогда не бывшие советскими гражданами и до конца остававшиеся верными присяге России?..

В ограде храма Всех Святых на Соколе в Москве несколько памятных плит с именами генералов Белого движения (часть Мемориала "Примирения народов") не раз подвергались попыткам осквернения. В мае этого года одна из плит была разбита. Загляните в Интернет - участники погрома особенно и не скрывают своего авторства, продолжая угрожать "фашистам". Ничего они нового, по сравнению со статьями официальных СМИ, не говорят - те же ложь и замалчивание правды! Каша же в голове у этих "патриотов" чудовищная. Вы, говорят, наш памятник в Таллинне - а мы тогда ваш... И кто эту, с позволения сказать, "кашу" заварил?..

Когда пошли разговоры о возможном возвращении на Кубань войсковых Регалий, их хранители выдвинули ряд условий. Одно из них - возвращение Екатерининскому и станицам исторических наименований, переименование улиц, носящих имена палачей казачества. **Условие не выполнено!** Зато - к разговору о памятниках - когда в станице Уманской (переименованной в начале 30-х после почти поголовного выселения казаков и так и остающейся "ленинградской") решили установить крест на месте массового захоронения жертв Голодомора и расстрелов (в том числе заложников), место это тут же обнесли большим глухим забором и запустили собак. Ремонтировать что-то решили, что-ли...

Нежелание властей освободиться от советских символов доходит порой до полного абсурда. В так и не переименованной *"Краснодаре"* есть тоже так и не переименованная улица *"ленина"*. Посередине неё - здание Екатеринбургской и Кубанской епархии РПЦ. Адрес его - *"улица Соборная"* (историческое название). Вокруг же, с обеих сторон улицы, дома так и стоят - по "ленина".

Так вот и выходит - **разная у нас память!** И, соответственно, памятники до сих пор - разные.

Ю. Крапивин

# “А вы, друзья, как ни садитесь...”

к уходу в отставку главы республики Дагестан

Малозамеченной осталась смена руководства Дагестана. Если кто и заметил её, то говорил о смене национальных и клановых группировок, борьбе с исламским фундаментализмом и столь желанной всем “стабильности”. Все сходилось, что федеральный центр сохранит оную в Дагестане лишь при “гармоничном распределении дотаций из федерального бюджета” между ненасытными национальными элитами. Но никто не рискнул на настоящий анализ ситуации - скажем, вопроса об этнических чистках 90-х годов, приведших к нестабильности региона.

Последние 15 лет характерны массовым исходом из республики русского и казачьего населения - хотя уже с середины 80-х годов были заметны этнические чистки в сферах престижного высокооплачиваемого труда. В начале 90-х невиданные размеры приобретает этническая преступность: квартирный рэкет, меры физического воздействия, носящие хорошо организованный характер. Дагестанский криминалитет в полной мере опирался на тухумно-родственные связи и помощь правоохранительных органов - в результате массовые преступления следствием своим имели ничтожно малое количество возбуждённых уголовных дел.

В годы правления Магомедова во внутренней политике Дагестана чётко доминировала взращённая за предыдущие десятилетия националистическая этнократическая тенденция. Наиболее зримо она проявилась в массовом вытеснении представителей “нетитульных” этносов из властных структур и престижных сфер деятельности. При этом разрушение промышленного производства шло здесь в два раза быстрее, чем в русских областях - из-за паразитического существования национальных элит, получивших “суверенную” бесконтрольность от российского центра, когда львиная доля российских дотаций идёт на личное обогащение.

Всё это формирует комплекс неполноценности у русской молодежи. Социальное дно, где оказалась она в Дагестане, ограничивает возможность получения высшего образования. А ещё родственный протекционизм, почти узаконенная система взяток, и насаждение ислама - в вузах есть уже не только молельные комнаты, но и мечети!

Последние годы правления Магомедова ознаменовались пропагандистскими компаниями, призванными убедить в кардинальности принимаемых мер по ограничению оттока русского населения. Реально же нужды русской и казачьей общин игнорируются уже на уровне глав городских администраций.

Так, администрацией Хасавюрта не решён до сих пор даже такой вопрос, как выделение (точнее, возвращение!) помещений для казачьей и русской общин города (владевших здесь до 1917 года всей недвижимостью). Не решён вопрос создания Славянского культурного центра. Существование казачьего реестрового общества и общественной организации демонстративно игнорируется главой городской администрации С. Умахановым - зато он не препятствует захвату коммерческими структурами дагестанцев территории, прилегающей к православному храму. Администрация города и правительство Дагестана отказались профинансировать обучение в казачьем лицее Пятигорска 15-ти детей из наименее обеспеченных казачьих семей...

На словах, признавая притеснение русских, власти Дагестана за минувшие годы не предприняли никаких реальных мер к сокращению их оттока из региона, оставив без ответа многочисленные обращения славянских организаций - как, впрочем, и структуры федерального центра. Даже приехавший сюда в конце 90-х годов председатель КРО Д. Рогозин был больше озбочен необходимостью избрания в Госдуму местного мафиози Надира Хачилаева, но не судьбами русских общин!

Конечно, в сравнении с Чечней руководители русских общин Дагестана избрали путь более активного противодействия местному национал-экстремизму: многочисленные конференции, съезды, газетная публицистика, активное участие в судебных процессах... С борьбой русских за свои права связаны имена А.Г. Гисцева, А.М. Бойкова, В.А. Ефимова, В.И. Барончука, атамана Хасавюртовского отдела ТКВ А.Н. Перевчукало. Но дагестанские чиновники, используя термины московских либерально-демократических СМИ, уже второе десятилетие пытаются наклеить им ярлыки и расхожие обвинения в “разжигании

межнациональной розни” и “фашизме”. Под градом бесперывных угроз и прямым физическим воздействием вынуждены были покинуть республику В.А. Ефимов, В.И. Барончук, В.С. Семенцов и многие другие.

При Магомедове произошла резкая смена демографического состава Кизлярского и Тарумовского районов - зерновой житницы региона. Возникшая ещё в начале 60-х годов, тенденция переселения сюда горцев вошла в завершающую стадию: местное руководство готовится передать в частные дагестанские руки последние государственные промышленные и сельскохозяйственные предприятия.

Минувшие годы ничего не дали воссоздаваемым в регионе казачьим отделам. Остались без внимания выработанные на основе принятых правительством РФ документов о казачестве предложения Кизлярского округа ТКВ, включая перечень неотложных мер экономического характера, направленных на поддержку казачьей общины. А ведь просили, по существу, лишь о возможности призыва казачьей молодёжи в каспийский погранотряд, да о создании 30 % квоты рабочих мест для казаков в органах рыбнадзора, таможи, экологии, налоговой инспекции и полиции (хотя общеизвестна низкая эффективность работы в них).

Очень редко материалы по Дагестану касаются темы варварства по отношению к памятникам русской и казачьей культуры. Просили сохранить архитектурное пространство Свято-Знаменского собора Хасавюрта и Успенского храма в Махачкале, убеждали пресечь осквернение и уничтожение воинского мемориального кладбища с захоронениями чинов казачества в Хасавюрте, многих иных архитектурных памятников русской культуры, произвольное отношение к русской исторической топонимике - и что? Были ли приняты хоть какие-то меры? Нет...

Хотя, безусловно, перечисленные проблемы связаны с общими кризисом российской государственности, русские и казачьи общины Дагестана всё более убеждаются в необходимости воссоздания Терской Области. Пусть пока она объединит лишь районы, где ещё преобладает русское население, не во всём соответствуя своему историческому аналогу. Но ведь и административно-территориальное деление исторической России никогда не было предметом поклонения - очертания губерний менялись в зависимости от экономических, политических или военных условий...

**В. Пархоменко**

**Отредакции:** “Станица” не раз писала - ситуация в Дагестане грозит новыми столкновениями на этнической почве с окончательным торжеством ленинской идеи “права наций на самоопределение” (в сталинских “национальных границах). Внешне всё вроде не так страшно, как во время войны в Чечне - но суть происходящего не меняется! Мало кого обманет мир, держащийся на деньгах, закачиваемых для покупки безнаказанно хозяйничающего клана Кадырова.

По-прежнему считаем целесообразным создание нового субъекта Российской Федерации - Терской области, включая районы, отторгнутые от Ставропольского края в пользу Чечено-Ингушской республики и Дагестана. Там наиболее активно идёт (или уже завершено) изгнание русского коренного населения - прежде составлявшего здесь до 80 % и более. Столицей области может стать один из исторических центров казачества - Кизляр, с его пока более-менее организованной русской общиной. Отданная в 1957 году Ингушетии Сунжа показывает, каким может в будущем стать даже Ставрополье - в состав новой области стоило бы включить и Курский район края.

Но предлагаемой мере должны сопутствовать действия по укреплению закона и власти федерального центра, возвращению им авторитета в глазах русского населения. На равнинной территории Чечни (Шелковской и Наурский районы) следует ввести особый режим, поощряющий возвращение и закрепление русского населения, с соответствующим перераспределением средств, направляемых на восстановление республики. Нужно принять программу восстановления казачьих поселений, полностью разоружить и выслать за Терек перебравшихся оттуда чеченцев, зато казачьи комендантские формирования разместить в каждом населённом пункте...

Если Терек сейчас не станет естественным рубежом на пути безудержной агрессии кавказских этносов - дальше тогда придётся “катиться” аж до Астрахани и Волгодонска!

## “Чёрные клобуки” - кто они?..

Царский и советский исторический официоз считали казаков “беглыми крепостными”. В одночасье-де овладели навыками военного искусства - хотя людям, державшимся лишь за ручки плуга, влекомого захудалой лошадейкой, почти невозможно стать отрядом организованных всадников. Тут беглым холопам нужно было попадать в уже сложившиеся общины с боевыми и бытовыми традициями!..

### Создание русского пограничья

Современные исследователи говорят, что скандинавское название древней Руси “гардарика” значит не “страна родов”, а “огороженная страна”. Ещё в VI веке, до прихода славян, по границе со степью существовала система укреплений, получившая потом название “Змиевы валы”. В X веке она превратилась в непрерывную систему укреплений “Засечной черты”, с гарнизонами, сформированными из славян, варягов, финно-угров. В них русские князья набирали всех годных для службы добровольцев. Яркий пример - “старый казак” Илья Муромец (мурома-финно-угорское племя на востоке Руси).

Русь не могла на равных бороться с многочисленной стремительной конницей тюркоязычных народов, постоянно выбрасываемых азиатскими просторами. Поэтому участвовали в этногенезе русского пограничья и кочевые народности. Селились воинственные сарматы. Те же авары (ираноязычный скифский племенной союз из Азии), известные славянам как обры, в VII веке влились частью в славянские общины. Вошла в русский этнос после монголо-татарского нашествия XIII века и северная группа ираноязычных аланов - язы (до этого они кочевали по Северскому Донцу и были союзниками Руси против половцев).

В середине X века у Руси появляется надёжный союзник, знавший все премудрости степной войны - торки. Поселившись на Засечной черте, эти природные бойцы со временем смешались с другими пограничниками, передав потомкам своё воинское искусство. Ряд исследователей видят в них предков казачества - например, первый обстоятельный историк из казаков, автор “Исторического описания земли Войска Донского” В.Д. Сухоруков.

### Древние гузы

Племенной союз, который на Руси звали торками, был известен окружающим народам как *огузы*, *гузы* или *узы*. Начальные сведения о них в арабских источниках относятся к первой половине IX века. В IX-X веках они кочевали на огромном пространстве от низовьев Сыр-Дарьи и Аральского моря до степного левобережья Волги. Тюркологи объясняют слово “огуз” как “объединение племён”.

Гузы были потомками древнего союза центральноазиатских скифов - саков (массагетов), громивших войска персидских царей и не покорившихся Александру Македонскому. Тех, что, будучи элитой войск Парфянского царства, в I веке до н.э. разгромили римского полководца Красса.

Часть азиатских скифов переселилась в Европу (сарматы, авары). Часть ассимилировалась с уграми и тюрками. Но часть саков сохранила самостоятельность, хоть и подверглась тюркскому влиянию. Постепенно ираноязычные саки превратились в тюркоязычных огузов.

Большая часть гузов была классическими кочевниками, жившими в войлочных юртах, занимавшихся разведением скота, набегами на соседней и охраной караванов. Постоянные селения были только в низовьях Сыр-Дарьи. Управлялись племена родовыми старейшинами. Большим влиянием в период войны пользовался военачальник. Важные дела решались на совете старейшин. Ибн Фадлан пишет, что умерших гузы хоронили с оружием в курганах.

По мнению историка М.И. Артамонова, огузы не отличались в быту от живших на их месте в XIX веке киргиз-кайсаков, но сохраняли гордость и воинственность предков, безграничную любовь к воле. Генетически и по антропотипу они остались индоарийцами.

### В восточноевропейских степях

Есть древняя легенда о великом походе гузов. Якобы хан всех гузов по имени Гуз (фигура мифическая) решил начать поход на запад. Более реальная версия - полководец Дукак, приверженец насаждаемого из Хорезма ислама, и его сын Сельджук повели гузов двумя потоками, северным и южным, вокруг Каспийского и Чёрного морей, на завоевание Византии. Место встречи - Константинополь.

Южные гузы в течение XI века прошли Среднюю Азию и Персию, захватив Переднюю Азию и образовав государство сельджукидов. Ассимилируясь с местным населением, они превратились в новый, уже оседлый народ. Расширение государства начал в XIII веке султан Осман - и торки-сельджуки превратились в турков-османов. Константинополь был взят ими в 1453 году.



Немало гузских племён остались и в Средней Азии, став основой туркменского этноса. Северное же крыло гузского союза начало движение на северо-запад задолго до XI века!

В VIII веке севернее гузов обитал союз печенегов - вышедших из Центральной Азии тюрков и угорских племён. В IX веке гузы сначала вытеснили их в междуречье Яика и Волги, а в конце века гузы нанесли новый сильнейший удар. В результате печенеги, “пролетев” Хазарское царство в нижнем междуречье Волги и Дона, оказались в Северном Причерноморье - в степях между Доном и Днепром, а затем и в степном правобережье Днепра. Разгромленные прежние обитатели этих мест мадьяры ушли в Паннонию.

Восемь печенежских колен (племён) делились на два больших племенных союза. Первый - *хазарских печенегов* - кочевал от Волги до Днепра. Четыре западных племени звались “*тюркскими*”, в честь своих врагов - тюрков-гузов.

Во то время, как большая часть гузов приняла ислам, европейское крыло их сохранило религию предков: все евразийские кочевники были шаманистами и поклонялись богу войны Тенгри. Кстати, ещё в Отечественную войну 1812 года 2-й калмыцкий конный полк имел древнее знамя с изображением покровителя воинов Даначи Тенгры.

### Начало союза с Русью

В 965 году Святослава Великий прошёл Хазарское царство - по Дону, низовьям Волги и Северному Кавказу. Хазарская армия была разгромлена при помощи союзных торков и примкнувших к ним печенегов.

Русь закрепились в Тмутаракани (Таманский полуостров). Имейший большое стратегическое значение на Дону город Саркел превратился в Белую Вежу с торкским гарнизоном.

Когда Святослав перенёс боевые действия на Балканы и печенеги вновь стали тревожить Русь, торки остались союзниками Киева. После гибели Святослава в 972 году на Днепровских порогах они стояли гарнизонами во всех степных крепостях. Во второй половине X века в летописях есть упоминания о служивших воинах - торках уже на самой Руси (к этому времени они переселяются на правый берег Волги).

В 985 году большой поход в степь на мусульманскую Волжскую Булгарию совершил князь Владимир. Его дружина на ладьях спустилась по Оке и Волге до города Булгара, торки пришли с приволжских степей. Разбив булгар, объединённое войско спустилось по Волге к Итилю, столице Хазарии, нанеся новое поражение хазарам.

В 988 году Русь приняла крещение. Доживающая последние дни Хазария принимает ислам и получает помощь от Хорезма. По всей южной границе Руси усиливается экспансия натравливаемых хорезмшахами печенежских орд. Продолжающий дело отца Владимир Святой строит городки-крепости по левобережным притокам Днепра - Десне, Суле, Стугне, обновляются Змиевы валы.

После нескольких лет пограничных боёв в 993 году на левобережье Днепра печенегам было нанесено сокрушительное поражение, расстояние до их кочевий увеличилось вдвое. И вновь на острие удара - конница торков.

После смерти Владимира Святого в борьбе его сыновей за власть князья впервые используют степняков в междоусобицах. Любимый сын Владимира Святополк Окаянный несколько лет наводил на Русь печенегов. Наконец, в 1019 году Ярослав Мудрый разгромил его рати. Поражение было столь жестоким, что печенеги надолго перестали тревожить Русь. В 1032 году, укрепляя границы, Ярослав начал закладывать городки по Руси, правому притоку Днепра.

В 1036 году печенеги окончательно разгромлены у стен Киева. Всё это время северные гузы - торки - оставались верными союзниками Руси. Какова же была их численность?

Размер кочевых орд колебался обычно от 20 до 40 тысяч. Орда состояла из пяти родов - семейных союзов. У печенегов и торков они назывались "курениями" (позже, у половцев, племя называлось кош - "общий котёл"; "кошевой" - хан большой орды - носил у пояса маленький котелок). Курень состоял из больших семей, или веж, по 35-40 человек.

Число выставленных орд войнов к общему населению было обычно один к пяти. Значит, печенегов было около 300 тысяч - оба печенежских союза из восьми орд могли выставить около 60 тысяч войнов. Торков было явно меньше - иначе бы Они сами, без союза с русскими, разгромили врага, как это позднее сделают половцы.

По византийским летописям известны названия всех печенежских орд. А здесь - торки, и всё! Но вряд ли они состояли из одной орды. На юге Руси в середине XI - первой половине XII веков осело, вероятно, три племенных объединения (орды) - это от 60 до 100 тысяч человек (12-20 тыс. войнов). Немного - на фоне и печенегов и, тем более, европейских кипчаков (половцев). С.А. Плетнёва, пользуясь летописями и системой подсчёта кочевых стойбищ, выводит общее количество подкочевавших к границам Руси в первой половине XI века половцев в 500-600 тысяч человек!..

### Половецкое нашествие

В XI веке началось переселение половецких племён в приволжские, предкавказские, донские, днепровские и придунайские степи. Оно сопровождалось захватом чужих кочевий, уничтожением и ассимиляцией племён. Окончательно растворилось в половецких ордах Хазарское царство и большая часть печенегов. Часть оставшихся вошла в племенной союз недавних врагов - торков, в 1049 году обособившихся между Днестром и Южным Бугом. Но и самим торкам был нанесён удар, выдержать который сами они не могли. К числу разрозненных кочевых народов добавлялось то, что у торков и печенегов с половцами были разные языковые группы тюркского языка.

В 1055 году крупное племенное объединение торков подкочевало к Суле, левому притоку Днепра, став на зимовье. Торки рассчитывали на помощь русских князей. Но сыновья Ярослава Мудрого - Изяслав, Святослав и Всеволод, после его смерти образовавшие военно-политический триумvirат - выступили против торков. Историки пытаются объяснить это политикой византийских кесарей - жена Всеволода была греческая царевна.

В 1060 году торки вновь подошли к Суле - и вновь были вынуждены вернуться в степи. Без подготовленной зимней стоянки они потеряли значительную часть скота. Русские летописи так говорят об их участии: "...помроша бегающе ... онии от зимы, друзии же гладом, инии же мором".

Не похоже ли на политику российских властей в отношении казаков? Миновала угроза - вольнолюбивый народ становится ненужным... Ситуация повторится не раз! Взять примирение с задунайскими запорожцами во время турецкой войны 1828-29 годов. Наобещали им горы золотые, поселение на прежнем месте, "забвенья прежних вин", чтоб вернуть с Туретчины. Запорожцы поселились в окрестностях Мариуполя. Но вот опасность устранена - и Азовское войско, наряду с Новороссийским, ликвидируется...

Так было и в тот раз - рано списали князя торков из своего арсенала. На место печенегов пришёл более сильный враг. В том же 1060 году следует первый поход половцев на русские земли, а уже зимой следующего 1061 года они прорываются за Сулу. В 1068 году триумvirат русских князей потерпел полное поражение.

Искусство внезапных степных набегов шлифовалось столетиями. Бой половцы вели только конный. Основной их силой была подвижная, одетая в кольчуги и шлемы конница. В решительных сражениях она шла в лобовые атаки. Лёгкие стрелки из лука (в основном молодёжь) вели разведку, расстраивали воинские порядки противника, начинали схватку, заманивали в ловушки.

### "Обретение родины"

Спасаясь от гибели и ассимиляции, торки начинают расселяться по южной границе Руси. Сначала - отдельные вежи и курени, затем племенные объединения. Заключаются договоры о службе с пограничными князьями.

Основной этап расселения - 70-80 годы XI века. На правом берегу Днепра - по левому берегу реки Роси (Киевское

княжество), на левобережье - на правом берегу реки Сулы (Переяславское княжество). Само название Сула - от тюркского "сулак" (многоводная). Селились торки и вдоль границы Черниговского княжества.

Отголоски степной традиции называть курени и орды именами выдающихся вождей встречаются в названиях запорожских куреней. Так, Джерелий, Брюховецкий - фамилии атаманов, отсюда и соответствующие курени и станицы.

Поселения торков появились и восточнее, во Владимир-Суздальской земле, где возник городок Торческ (по аналогии с Торческом - ставкой поросских торков). Во второй половине XII века князем Юрием Долгоруком во время борьбы с Андреем Боголюбским были выведены сюда торческие вежи из Поросья. В топонимике Владимирщины сохраняются следы пребывания торков - Берендеевы болото и слобода, станция Берендеевы. Берендеи - крупный племенной союз торков Поросья; они упоминаются также на западе засечной черты, в Поросье, отчасти и в Черниговщине (есть, правда, версия, что берендеи - это слившиеся с торками печенеги).

Первое летописное упоминание берендеев - 1097 год. С середины XII века известно по летописям и племенное объединение коуев (ковуев), обитавших в Посулье. Вместе с ними упоминаются и турпеи. Позже упоминаются в летописях каепичи с бастиями, отпочковавшиеся от вышеупомянутых орд.

Очень удачным было место поселения правобережных, поросских торков. Поросье - треугольник, образованный реками Росью с юга, Стугной с севера и Днестром с востока. Берега Роси и Стугны были покрыты густым лесом, между ними - открытое пространство 80 на 150 километров, покрытое степной травой. Это укрытое от врагов место оказалось скотоводческим раем для берендеев.

Археологи подметили: торки селились на месте древних скифских городищ, выбирая самое удобное и для обороны, и для хозяйственной деятельности место. В 1095 году упоминается центр поросских берендеев - городок Торческ на левом берегу Роси. Торки стали переходить к оседлости. Жили они в городках, построенных по старому степному принципу - в центре вождь, от его жилища кругами расходились жилища родственных семей. По периметру такой городок огораживался возами и телегами. Постепенно возы сменились плетёной и покрытой глиной оградой, юрты - хатами-мазанками.

Мужчины несли пограничную службу, охраняли и пасли стада, ходили в степные рейды. Домашняя работа ложилась на плечи женщин. Помощниками у них были подростки и пожилые мужчины. Складывался быт, характерный впоследствии для казачества.

И по сей день стоят на Суле основанные в середине XI века города - Лубны и Ромны. Как и поросский Канев, они были опорными пунктами для "лучших мужей" и торков. Стояли в старину на Суле заселённые торками городки Варин, Пирятин, Ксютин.

В Посулье ещё сохранились участки пастбищ с луговосолончаковой растительностью, характерной для выпаса коней и овец. В XIX веке здесь, в Полтавской губернии, стояли известные конезаводы. Аналогичные луговые пастбища существовали и на южной Черниговщине. И по её южным рубежам тянулся ряд опорных пограничных городов, самый восточный из которых - находящийся ныне в Брянской области Стародуб.

Правобережная, на левобережье Роси (Перепетово поле) группа торческих поселений подчинялась великому князю Киевскому. Торки Посулья являлись вассалами Переяславского князя. Курени южной Черниговщины служили князю Черниговскому.

Торки присягали не князю вообще, а конкретному князю, которому никогда не изменяли. Князья же хотели видеть в торках лишь служащих за пожалованные земли вассалов, но никак не равноправных партнёров. Русь для Юриковичей прежде всего была вотчиной для кормления. Приводило это и к стычкам с торками.

Крупные столкновения произошли у торков с Владимиром Мономахом, хотя этот ярый борец с половцами сам дважды приводил торческие курени на поселение. В 1103 году, разбив половцев у реки Сутин (Молочная), он вывел на пограничье помогавших ему приазовских торков. В 1116 году половецкий союз решил выдать Русь с Подонья и



Воин-степняк



Приазовья. Начали со штурма опорного пункта русских - Белой Вежи. Летом 1117 года, после двухдневной сечи, защитники крепости с семьями с боями пробились к границам Черниговского княжества. Гарнизон в основном состоял из торков и ассимилировавшихся с ними печенегов. Они были расселены на южной границе Черниговщины.

С потерей Белой Вежи Русь оставила Приазовье, исчезло и Тмутараканское княжество. Вместе с ушедшими оттуда торками впервые попала на Русь и группа касогов (черкесов), служивших Тмутараканским князьям.

Уже во времена Золотой Орды тоже будут случаи перехода черкесских отрядов от ордынских беков на Поднепровье. Принимать их будут потомки торков - пограничников. Русы звали тогда черкесские племена касогами. А их соседи язы (осетины) звали черкесов - касакими...

В 1121 году Мономах, ставший великим Киевским князем, с боем прогнал затребовавших федерации поросских берендеев. Те вынуждены были уйти аж в Венгрию!

В 1126 году окрылённые смертью Владимира Мономаха половцы напали на Переяславское княжество; целью их был увод в степи торческих веж и создание бреши в русской границе. Но в результате побоища, устроенного дружинниками и торками, половцы более четверти века - до 1153 года - не рисковали уже тревожить Русь.

### "Свои поганые"

Русские витязи при Мономахе считались лучшей латной кавалерией Европы. Глазами и ушами её, проводниками и разведчиками были торки. В схватках рубились они ничуть не хуже дружинников. Но положение Руси осложнялось грызнёй князей за власть. В средствах не стеснялись: привлечение половцев на свою сторону стало обычным делом.

Во время междоусобицы Ярополка Владимировича (сын Мономаха) с Всеволодом Ольговичем на помощь Ярополку пришли присланные в 1139 королём Венгрии берендеи - те самые, ранее изгнанные Мономахом. На место своего прежнего обитания вернулась вся орда - 30 тысяч человек.

Кроме племенных союзов торков и берендеев, в Поросье обитали и более мелкие торческо-печенежские племена. В 1146 году происходит важное событие. Перешедшие к оседлому образу жизни, несущие тяжёлую пограничную службу потомки гузов и печенегов решили создать единую территориально-военную группировку. К этому их подтолкнули традиции, военизированные быт и структура всего общества. По косвенным данным, подобные же процессы шли и в Посулье, и на юге Черниговщины.

Новый поросский союз получил название **союза чёрных клобуков**. Вскоре чёрными клобуками стали называться и их левобережные родственники, а с середины XII века все потомки гузов и печенегов всё чаще зовутся новым общим именем. Чёрная шапка становится знаком воина - пограничника русского средневековья.

Русы звали глав орд и куреней, по аналогии со своим обществом, князьями и "лучшими мужами". Современные историки, по аналогии с другими степными сообществами, иногда называют их ханами и беями. Но, вероятнее всего, торки звали своих вождей иначе. Возможно, атаманами. Это реликтовое тюркское слово отсутствовало в словаре половцев и ордынцев, но характерно для более позднего казачьего сообщества, язык которого сохранил много древних тюркизмов.

Было у осевших на южных русских границах воинов и второе, "ласкательное" название - "свои поганые" ("поганусами" греки звали исповедовавших шаманизм кочевников). Вислоусые, одетые в непривычные одежды, сросшиеся с лошады чёрные клобуки долго оставались "погаными" для бородатых крестьян в рубахах по колено и узких портах (так же, с неприятием, и в начале XX века смотрели крестьяне на казаков).

Чёрные клобуки Поросья в 1151 году просили князя Киевского Изяслава не отвлекаться от общей обороны Киева, поставив во главе их войска своего младшего брата Владимира. В дальнейшем эта традиция привьётся. Владетельные князья посылали руководить соединениями торков своих сыновей или младших братьев - обычно на 2-3 года, чтобы сходить со "своими погаными" в несколько походов. Так, в 1172 году князь Киевский Глеб Юрьевич поставил во главе берендеев своего брата Михалко. 100 переяславцев и 1500 берендеев под его началом совершили стремительный ответный поход на лукоморских половцев - в Причерноморье, на правом берегу Днепра. В Лукоморье

"бысть сеча зла", но хан орды Тоглий "утёх".

Легендарным вожаком чёрных клобуков Поросья в начале 90-х годов XII века был сын Рюрика Киевского князь Ростислав Рюрикович (это напоминает сложившуюся позднее у казаков систему походных атаманов. По такой же схеме будут назначаться наказные атаманы и царями - для ограничения казацких вольностей).

Князь Киевский Мстислав Изяславич в 1170 году возглавил поход на орды приднепровских половцев. В поход пошли князья южных княжеств с 14 полками и "иные мнози". Собранные в Киеве конное войско переправилось на левый берег Днепра и пошло вниз, к порогам. Чёрные клобуки присоединились к войску в начале похода. За степной речкой Самарой половцам было нанесено сильнейшее поражение. Бежавших преследовали бастии - воины выделенные из орды берендеи куреня вождя Бастия.

Итогом этого похода стало то, что приднепровские половцы до конца своего существования прекратили грабить караваны и предпочитали торговать с проезжавшими купцами, беря плату за охрану караванов.

В 1183 году киевские князья-соправители Святослав Всеволодович и Рюрик Ростиславич совершили по левобережью большой поход в низовья Днепра. Объединённые силы половцев были разбиты, а возглавлявший их хан Кобяк казнён. Видимо, сильно досажал Руси. Ответом на это поражение стал поход на Русь Кончака - друга Кобяка, хана большого объединения донских половцев. Его орды стояли за приднепровскими вежами - по среднему и нижнему течению Северского Донца и в Придненье.

В марте 1184 года Кончак подошёл к границам Черниговского княжества, встав лагерем на реке Хорол. Святослав и Рюрик вновь двинули войска на Левобережье. Упреждающий удар русской конницы был страшен. Были взяты большие трофеи, в том числе огнемётная машина и "бусурманши" - наёмник для стрельбы из неё. Сам Кончак смялся чудом. Возглавлявший погоню торческий князь Кунтувдей вынужденно вернулся из-за сильной распутицы.

Знаменитый князь (хан, атаман?) Кунтувдей (Кунтувдый), как можно заключить по сохранившимся источникам, был фигурой легендарной. Но о нём позже.

В апреле следующего, 1185 года, Святослав послал боярина Романа Нездиловича, воеводу входивших в черноклобуцкий союз берендеев, с разведывательным походом в степь. Чтобы окончательно снять половецкую угрозу, надо было совершить поход на Северский Донец. Святослав и Рюрик решили действовать по примеру Владимира Мономаха, разгромившего по очереди лукоморских и донских половцев. И вот тут произошло событие, попавшее в сокровищницу мировой литературы.

Мечтой каждого владетельного князя было стать великим князем Киевским - в том числе и Ярослава Черниговского. По всей вероятности, он посчитал, что противник надломлен ударами Святослава и Рюрика, и решил первым захватить южные земли (Подонье и Приазовье), до прихода половцев уже принадлежавших Руси.

Весной 1195 года в степь выступили дружины вассальных Чернигову князей Новгород-Северского Игоря, его братьев Всеволодова Трубчевского и Святослава Ольговича Рылского, а также сына Игоря Владимира Путивльского. Ярослав Черниговский придал полкам Игоря большой отряд чёрных клобуков под началом своего боярина Олестина Олексича - об этом говорит и автор "Слова о полку Игореве":

*Уже не вижу могущества моего сильного,  
богатого, опытного воина брата Ярослава*

*С его черниговскими племенами*

*С мугутами, татранами, шелбирами,*

*С топчаками, ревуками и альберами!*

*Они без щитов, с кинжалами засапожньми*

*Кликком полки побеждали, звеня славою предков!*

Поэт перечисляет роды (курены) северо-восточного (черниговского) крыла чёрных клобуков.

Игорь Новгород-Северский и Кончак давно знали друг друга. В 1174 году они впервые встретились на поле боя, когда половцы были биты полками Святослава. Но в 1180 году хан поддержал Игоря в борьбе за великий Киевский стол; когда же союзники были разбиты Святославом, они даже спасались бегством в одной лодке. И вот теперь Игорь шёл уничтожать своего приятеля!..

В начале мая 1185 года полки вассальных Ярославу Черни-

говскому князю, не дождавшись общерусского сбора, подготавливаемого Святославом Киевским, углубились в степи. В верховьях Северского Донца к ним присоединилась дружина Всеволода Курского. В "Слове о полку Игореве" князь Всеволод Курский так говорит о своих всадниках:

*Седлай же, брат, борзых коней своих.*

*А мои тебе готовы!*

*Оседланы пред Курском!*

*А мои те куряне опытные воины!*

*Под трубами рождены,*

*Под шеломами взлелеяны,*

*Концом копья вскормлены!*

*Пути им все ведомы,*

*Овраги им знаемы,*

*Луки у них натянуты,*

*Колчаны отворены,*

*Сабли наточены,*

*Сами скачут как серые волки в поле,*

*Ища себе чести. А князю славы!*



хан чёрных клобуков

Отряд князя Игоря шёл к среднему течению Северского Донца - один против многочисленных половецких объединений. Шедшие впереди разведчики, коуи Ольстина Олексича, донесли, что половецкие разъезды "с достехом ездят", т.е. знают о приближении русских ратей. Был взят язык, от которого получены данные о находившихся поблизости богатых половецких вежах. А в вежах - много скота, плененных, дорогих тканей, "красных девок половецких"...

Был нанесён мгновенный удар. Половцы, выпустив по стреле, бежали. Измотанный преследованием, передовой полк вернулся поздно ночью. А утром стало видно, что стоявшая посреди степи русская рать окружена объединёнными силами девяти половецких ханов. Кончак сумел собрать коалиционные силы всех донских, приднепровских и нижнедонских орд. И воевать они готовились явно не с Игорем, а со Святославом и Рюриком!

Русские заняли круговую оборону - ведь пехота уйти с конницей в прорыв не могла. Три дня продолжалась жесточайшая сеча. Кончился запас воды. Первыми не выдержали уставшие более других коуи. Они кинулись к Северскому Донцу - напиться и уйти к стоящей в верховьях реки русской передовой крепости Донец. За ними - остальные. До Донца дошло едва два десятка коуев и дружинников. Бежавшие были посечены, князья взяты в плен.

Такого поражения Русская земля ещё не знала. Святослав Великий в 972 году пал с малой дружиной. При разгроме половцами в 1068 году князьям триумвирата основной части войск удалось спастись. Здесь же полностью были истреблены объединённые силы Черниговского и Курского княжеств. Это был первый звонок. Находясь на границе с необъятной степью, всё время вышлёскивавшей полчища завоевателей, необходимо было создать централизованное государство с единым командованием всеми войсками. Как ранее, при Святославе Великом и Владимире Святом.

Но - к приходу монголо-татар раскол лишь углубился. Пока же вырастали корнями в ставшую для них родной Южную Русь "свои поганые" - чёрные клобуки. Хотя они постепенно смешивались со славянским населением, образ жизни их не менялся. Основное назначение - защита южных рубежей. Основы экономики - скотоводство и захваченные в боях и походах трофеи. В 1187 году чёрными клобуками был совершён большой зимний поход вниз по днепровскому льду на вежи приднепровских половцев, стоявшие на левом притоке Днепра Самаре.

Княживший в Торческе Ростислав, отцом которого был Рюрик Киевский, а матерью дочь половецкого хана Беглюка, любил походы, кочевой быт, был бесстрашным воином. Он был своим для чёрных клобуков. В 1190 году в ответ на набег половцев поросские "лучшие мужи" черноклобуцкие призвали Ростислава возглавить удар по зимовью половцев на правобережье Днепра, выше острова Хортица. В 1192 и 1193 годах Ростислав возглавил удачные рейды на лукоморских половцев, вежи которых стояли в прибрежных черноморских и азовских степях перед Крымским полуостровом. С заднепровскими половцами же Ростислав предпочитал не воевать. Вежи дедушки, насколько позволял буйный век, могли жить в относительном спокойствии.

#### Дальнейшая судьба чёрных клобуков

Кипчаки издревле были злейшими врагами гузов. В XI-XII веках непримиримость их потомков лишь усилилась. Чёрные клобуки стояли сплошной пограничной линией

на южных рубежах Руси, половцы постоянно пытались эти рубежи прорвать.

В XII веке на границах с пограничьем появились группы так называемых "диких половцев" - остатки разгромленных половецких орд и родов, по разным причинам не влившиеся в более сильные половецкие орды. Русь они не нападали, но охотно соглашались участвовать в русской междоусобной борьбе. Некоторые из них появились и в воинских общинах чёрных клобуков - захваченные и поселённые между торков и берендеев половецкие вежи (айлы), бежавшие под их защиту отдельные семьи. Если уж князья русские брали в жёны половецких княжон, то и черноклобуцкие ханы роднились с ханами половецкими. А рядовому пограничнику умыкнуть девицу, а потом помириться с её родственниками было делом обычным.

Конечно, такие отношения не были повсеместными. Но соседи и соперники хорошо знали друг друга. Так, уже упомянутый легендарный черноклобуцкий князь Кунтувдей (Кунтувдый) из поруба, куда был заключён по ложному навету, бежал к половцам. Кунтувдей происходил из знатного черноклобуцкого рода и с "младых ногтей" участвовал в походах и битвах. С начала 80-х годов XII века он являлся князем (гетманом?) Поросского черноклобуцкого союза. Впоследствии его соправителем был уже не раз упоминавшийся князь Ростислав Рюрикович. Отличился Кунтувдей и в войнах против Кончака 1183-85 годов. Вместе с Кунтувдеем упоминается и Кульдюрей - тоже, видимо, знатный черноклобуцкий военачальник.

В 1190 году, после установления мирных отношений с половцами, соправители киевские Святослав и Рюрик устроили большую охоту на нейтральной территории между реками Росью и Тясмином. По приказу князя Святослава Кунтувдей был заточён в поруб. За него тут же вступились боевые соратники и представители княжеского дома, и Святослав вынужден был отпустить его. Инициатором освобождения выступил второй соправитель киевский - Рюрик, отец Ростислава Торческого, "зане бе муж дерз и надобен в Руси".

Но, видимо, велика была нанесённая торческому князю обида. И по освобождении, "не стерпя сорама своего", он бежит к лукоморским половцам. К переходу чёрных клобуков не подбивает - с ним ушли лишь самые близкие соратники. В степи Кунтувдея принимает хан Тоглы (Тоглий). Тот самый, что "утёк" при разгроме лукоморских веж в 1172 году. "Половцы же обрадовашася ему (Кунтувдею) и почаша с ним думати, куда бы им выехать на Русскую землю".

Первый удар половцы, ведомые мятежным князем, нанесли на поросский городок Чурнаев - ставку черноклобуцкого хана Чурная. Городок был сожжён, а две жены хана и челядь взяты в плен (понятно, кто был инициатором интриги против Кунтувдея). Половцы пошли было и дальше в Поросье, но Кунтувдей узнал, что в Торческе находится Ростислав, и повернул, не желая воевать со своим учеником.

На следующий год последовали новые набеги - в том числе и зимой. Несомненно, старый вояка обладал большими полководческими способностями и громадным опытом войны. И князья пошли на поклон к бывшему хану Поросья. Зимой Рюрик Киевский отправил послов в степь за мятежным атаманом. Кунтувдей прибыл с большой половецкой свитой. Половцы, получив богатые дары, отбыли к себе. Кунтувдею же Рюриком был пожалован город (крепостица) на Роси - Древен, где он в спокойствии доживал свои дни.

Учитывая, что Кунтувдей был личным другом Рюрика и Ростислава, можно предположить, что его арестом Святослав пытался ослабить своего соправителя. Целью последующих походов хана было не разорение поросских городков, а вотчины Святослава. Рюрик и Ростислав, решив дело миром, показали Святославу, что он не влияет на ситуацию.

В следующем, 1193 году, произошло неудачное замирение князей - соправителей с лукоморскими и приднепровскими половцами. Вероятно, именно поэтому Ростислав Рюрикович совершил последний известный набег в степь, после чего на южной границе Руси наступает относительный период затишья. Половцам выгоднее стало получать прибыль от контроля торговых путей и торговли скотом с генуэзскими колонистами в Крыму. Уведённых пленных продавали в рабство католикам генуэзцам и православным грекам. Всё это было гораздо безопаснее, нежели гибнуть во время "несанкционированных" набегов.

Продолжают половцы и участвовать в княжеских междоусобицах. Выкинутый Романом Мстиславичем Галицким из Киева, Рюрик приводит войска Черниговских Ольговичей и орды половцев. Киев подвергается такому разорению, которого никогда прежде не знал.

Мишенью для половецких набегов ещё остаётся молодое Рязанское княжество на юго-востоке Руси. Но в результате решительных действий Владимирских и Рязанских князей и здесь после 1219 года наступает относительное затишье. В хрониках XV века появляются первые упоминания о самом восточном тогда крыле русского казачества - рязанском. Рязанские городовые казаки наверняка были потомками суздальских берендеев и служивых княжеских людей. Часть потомков чёрных клобуков отселилась сюда с Черниговщины и после XV века - тесные связи черниговских и московских (бывших рязанских) городовых казаков прослеживаются в XVI - начале XVII веков.

### Монгольское вторжение

Грызня между князьями не прекращалась, не было и у половцев единого государственного образования - лишь отдельные союзы орд. И вот в такой обстановке происходит самое страшное вторжение в Восточную Европу, изменившее весь ход её истории.

В 1223 году из Закавказья по Ширванскому ущелью в половецкие степи приходят монголы. Посланную Чингисханом в разведывательный поход передовую армию возглавляли два его самых талантливых полководца - Субедей и Джебе. Сначала в степях Предкавказья они разгромили объединённые силы половцев и алан (осетин). Даже на фоне того жестокого века политика монгольских завоевателей отличалась особой жестокостью и коварством. Монголы тайно направили послов к половцам, которых угостили, богато одарив, разойтись и не сражаться с монголами. При этом они убеждали кипчаков, что близки между собой по крови и духу, а аланы им чужие. Разгромив алан, монголы напали на половцев и устроили побоище.

Завоевав Предкавказье и проникнув через Тамань в Крым, пришельцы угрожали всей половецкой конфедерации. Донские и приднепровские половцы обратились за помощью к русским. Половецкие послы говорили буквально следующее: не поможете нам - нас уничтожат сегодня днём, а вас - завтра утром. На совете в Киеве было решено дать бой захватчикам. Но перед этим монголы и здесь пытались слухавить. Прибывшие в Киев послы уверяли - мы, мол, кочевники, свой мир. Отдайте нам нерадивых пастухов наших половцев, мы их накажем и уйдём...

В апреле 1223 (по другим данным - 1224) года объединённое русско-половецкое войско переправилось через Днепр. Передовой отряд вёл легендарный князь Мстислав Мстиславович Удалой, праправнук Мономаха (и дед по материнской линии Александра Невского). Помощником у него был его зять Даниил Романович Волынский (впоследствии знаменитый государственный деятель Даниил Галицкий). Под началом у Мстислава и Даниила были собственные дружинники, чёрные клобуки и союзные половцы.

Перейдя по броду Днепр во главе передового тысячного отряда, Мстислав внезапным броском разгромил передовую тысячу монголов. Союзным войскам была обеспечена переправа. Девять дней длилось преследование и стычки с отступающими монголами. Первые сшибки показали, что чёрные клобуки владеют луком ничуть не хуже монголов. Подойдя к степной реке Калке, впадающей в Азовское море, всадники Мстислава сбили заслон монголов и переправились через реку, где их ждали в боевых порядках основные силы врага. Передовой отряд один вступил в сечу, затем в бой бросились подошедшие полки Олега Курского и Мстислава Немого. Остальные же князья в переходе от места битвы разбили лагерь и на помощь не спешили. Был ранен в грудь копьем в самом начале битвы, но из боя не вышел, Даниил Романович. С остервенением рубился охраняемый чёрными клобуками Мстислав Удалой...

Почему основные войска русских отдыхали в шатрах? Одно из объяснений - Мстислав-де зарвался, не дождался подхода основных сил. Но Мстислав Удалой (в оригинале - Удатный, т.е. удачливый) - опытный воин. Воевал со всеми, и всех бил - и венгров, и поляков, и прибалтов, и половцев; германские рыцари при его появлении прятались

в крепости. Провести его в бою было невозможно. Можно было только предать. Что и было проделано не ладившим с ним Мстиславом Романовичем Киевским.

Мстислав Удалой вывел полки на основные силы монголов. Сеча началась. Но соратники на выручку передовому отряду не торопились. Монголы же были опытнейшими бойцами, всю Азию с мечом прошли. Кони у основной монгольской группировки были свежие.

Тут, на беду Мстислава, последовала вторая измена. Не выдержав лобовой рубки с превосходящим противником, обратились в бегство половцы хана Котяна, обрушившись на русский лагерь. Встав в круговую оборону и огорожившись телегами, три дня отбивались русские князья - пока, поверив ложным посулам, не сдались и не были зверски казнены. Чёрные клобуки же с галицкими и курскими дружинниками, несмотря на большие потери, прикрывая раненых князей, прорвались к Днепру.

Пограбив окраину Руси, отягощённые большими трофеями монголы направились домой - северным путём, через Волгу, где были встречены волжскими булгарами. В отличие от русского, булгарское войско было едино. Легендарная армия любимцев Чингисхана была разбита, Джебе погиб. Лишь благодаря высокой выучке удалось спастись всего четырём тысячам монголов - из ушедших в поход трех туменов (30 тысяч).

Мстислав Удалой отошёл от политики и поселился в Поросье у чёрных клобуков, где и умер в 1228 году. А в 1236 году последовал поход монголов в Восточную Европу. Была сожжена дотла Волжская Булгария...



Схватка в степи

В Золотую Орду вошла лишь Восточная Русь. Во многом благодаря усилиям Даниила Галицкого, в Южной и Западной Руси оккупация долго не продержалась. Земли Южной Руси вошли в состав нового государственного образования - Великого княжества Литовского (Литва, Белая и Южная Русь). Земли Червонной Руси (Западная Украина) - в состав Польши. Задачу создания нового государства упростило то, что к тому времени многие русские князья были в тесном родстве с князьями литовскими.

И снова потомки торков оказались востребованы: от находившихся поблизости ордынских хищников, а затем и их наследников нужна была надёжная пограничная стража. Кочующие южнее татары стараются с потомкам древнерусских пограничников не связываться и быть с ними союзниками в степных набегах. Летописец Андрей Лубенецкий по этому поводу замечает: *"Наши чаще ходили в татарские поля на козацкий промысел, нежели татары к нам"*.

Слово "казак" фигурирует в XV веке и в русских, и татарских, и генуэзских документах. Например, в одной из записей устава генуэзской колонии Кафы в Крыму в феврале 1449 года вместе упоминаются *"козаки и огузи"*, как участники походов за разного рода добычей.

Походы за добычей всегда были одним из средств существования для казачьих общин. "Козаками" тогда часто назывались отколовшиеся от орды либо ушедшие на промысел татары. Генуэзские колонии в Крыму имели многовековую историю и генуэзцы хорошо знали, кто есть кто. Упоминаемые ими в XV веке на месте бывшего Переяславского княжества - на Суле и на более южной реке Псел, на южной границе тогдашних Черниговского и Киевского воеводств - "огузи" жили на исконных землях чёрных клобуков.

В 1493 году крымский хан Менгли-Гирей, отправляя посла в Москву, приказал ему никоим образом не входить в *"Русскую землю"*. Русской землёй, княжеством Русским тогда называлось правобережье Днепра, бывшее Переяславское княжество. А не ходить туда хан велел потому, что проживают в тех краях *севрюки*, великомерно ориентирующиеся в степи лихие наездники (*"люди езжалые"*).

Вообще-то севрюками именовали себя до XVIII века казаки черниговские, а не переяславские (затем полтавские) - по своему основному опорному городу Новгород Северский. Но так как переяславцы с черниговцами представляли единое целое, то в XV-XVI веках татары и москвиты всех их называли севрюками. Севрюки были проводниками московских послов в Крым. Они же в XVI веке осваивали территорию Донца (названного в их честь Северским), откуда регулярно ходили в походы на Крымское ханство. Этим же путём казаки переселялись на Дон, Волгу и далее. И, как встарь торков, казаков поддерживали русские кня-

зья, что не раз отмечено в документах, начиная с воеводы Киевского Дмитрия Ивановича Путятина (с 1492 по 1505 год). А за ним - череда воевод и князей киевских, каневских, черкасских, не только снабжавших казаков конями, оружием, но и возглавлявших их походы. Но теперь земли, на которых жили казаки, были уже не жалованными за службу, а своими, родовыми. Отстояли их в боях.

Спустились потомки торков и берендеев от Сулы опять и на бывшие земли приднепровских половцев, выстояли и в Великом княжестве Московском. Упоминаемые в летописях XV века рызские казаки повадками напоминают всё тех же чёрных клобуков. К концу XVI века это уже родовые казаки Московской державы.

### Воинские традиции

Первооснова казачества была заложена в далёком XI веке с участием постепенно обрусевших гузских племен. Но если многочисленные финно-угорские племена слились в этот же период со славянами полностью, то у чёрных клобуков ассимиляция завершилась как бы наполовину.

И во втором, и в двенадцатом поколении применительно к их потомкам можно сказать то же самое. Превращаясь из гузов в казаков, они сохранили самобытный характер, обычай, одежду. Вышитая славянская рубаха не выпускалась до колен поверх порток, а заправлялась в широченные шаровары. Многие народы перенимали высокую меховую шапку тюркоязычных кочевников. Но у потомков чёрных клобуков шапки другого кроя, и носили они их особым образом. И распашные приталенные одежды, удобные для верховой езды, появились с торками и печенегами, и шлыкы - шапки с длинным суконым верхом и меховым околышем, на которые удобно надеть боевой шлем. Всё это реконструировано по археологическим и иконографическим данным. И наряд этот с середины уже X века моден не только у торков, но и у княжеских дружинников. Половцы же, как и татары, подобных одежд не носили.

Чёрным клобукам приписывают большинство найденных в раскопах шлемов с личинами, причём эти оригинальные забрала нередко копировали внешность владельца. На них изображались и усы. А на найденной на Кубани личине X века явно видно изображение чуба!

Носили чёрные клобуки и кольчуги. В бою ноги, как и у половцев, защищали высокие кожаные сапоги, изнутри усиленные вставками из стальных пластин. Излюбленным древковым оружием была пика с заострённым металлическим подтоком на тупом конце - практически без изменений просуществовавшая до конца эпохи кавалерии. Меча чёрные клобуки не признавали, сражались саблями, которыми владели в совершенстве. Любимый их тактический приём - лава. Всадники на полном аллюре стремились охватить фланги противника, зайти ему в тыл: *"всехаша берендицы взад полку с саблями и почаша я сечи..."*

Вражеские шлемы разбивали топориками двух видов с утяжелёнными обухами. Первый, чекан, имел узкое слегка загнутое к рукояти лезвие. Второй, келепа (клевец) имел клювовидное гранёное лезвие. В совершенстве владели чёрные клобуки мощными степными лупками, изобретенными ещё скифами.

Булава для кочевников была не характерна. Но в раскопках захоронения одного черноклобуцкого вождя её обнаружили - возможно, как символ власти. Декоративная булава, кстати, была символом власти и у турок - потомков закаспийских гузов.

Носили черные клобуки поясные и засапожные ножи. А вот остатков щитов в черноклобуцких захоронениях не найдено. Вот и автор "Слова о полку Игореве" говорит о черниговских коях: *"Они без щитов, с ножами засапожными кликом полки побеждали"*. В летописях есть описание междуусобной битвы при Липице в 1216 году, в которой участвовал всё тот же Мстислав Удалой. Тяжёлую суздальскую конницу заманили в болотистую низину, после чего новгородские воины поскакали латы с сапогами и с одними засапожными ножами кинулись резать противника. Кстати, в 1648 году под Жёлтыми Водами запорожцы

Хмельницкого так же резали завязших в грязи латных гусар Потоцкого. При подобном виде боевых действий щиты только мешали. Хотя, вероятно, они у чёрных клобуков всё же были - плетёные из тростника и обтянутые кожей, без металлических блях (и быстро сгнивали в захоронениях).

Что же касается *"кликом одним полки побеждали"*, так это знакомое ещё в XX веке леденящее душу казачье гиканье. Казаки "ура" не кричали. Начиналось жуткое *"ги-и-и, гик, гик, ги-и-и..."*, от которого цепенел противник и впадал в боевой транс сами атакующие. Таковую атаку в романе "Хлеб" описал А. Толстой: атакующие красную батарею казаки-мамантовцы визжали, будто *"черти с них живых шкуру драли"*. Русское же "ура" берёт начало от славянского предка чура, призывавшегося в помощь в начале боя.

Как и чёрные клобуки, славились их потомки слаженностью в бою. Казаки перестраивались в атаке, повинувшись повороту клинка командира...

Согласно древней степной традиции, отряды чёрных клобуков были разбиты на полки, сотни и десятки. Благодаря традиционному делению степняков на орды, куреня и вёжи, оказалось легко создать из чёрных клобуков разграниченную на полки линию военных поселений. Фастовский, Лубенский, Нежинский и другие казачьи полки не были созданы вдруг, а существовали на этой же территории со времени поселения здесь торков и печенегов. Причем полк был военно-административным образованием. И просуществовали эти полки на местах своего создания до конца XVIII, а некоторые и до середины XIX века.

По тому же полковому принципу строились казачьи линии в Сибири и на Кавказе, куда население переселялось из прежних казачьих районов. Пример - переезд на Терек двух малороссийских полков, основавших станицы Архонскую и Ардонскую.

До начала XX века продержалась и традиция представителей аристократии искать славы в составе отрядов чёрных клобуков. У молодых южнорусских, литовских и польских аристократов это было своеобразным подтверждением родовой доблести и отличной боевой школой. Именно отсюда у русско-литовского и польского дворянства на два столетия входит в моду одежда, оружие и даже причёска "а ля-казак": сабли и чеканы, жупаны и кунтуши, мягкие сапоги и отороченные мехом шапки. Стилизованная шляхтой казачья причёска была модной ещё в 60-х годах прошлого века и звалась *"полька"*.

Знаменитый чуб тоже принесли из мест древнего проживания азиатских скифов гузы. В захоронении древнего скифского вождя на Алтае благодаря вечной мерзлоте обнаружили отлично сохранившуюся мумию с длинным темянным чубом - только заплетённым в косу. Возможно, чуб в косу у савков (азиатских скифов) заплетали лишь вожди. И сама форма его у древних воинов была разной. В XVIII веке брили почти всю голову, оставляя узкий темянный чуб, одни запорожцы, у остальных казаков бытовали другие формы чубов, хотя первоосновой их и был знаменитый оселедец.

В Поросье гузские захоронения датируются археологами вплоть до монгольского нашествия. Воина хоронят с оружием, конским снаряжением и частью останков коня. И православными потомки торков стали не сразу, долго ещё сохраняя древние верования. Недаром любимый казацкий Михаил Архангел изображался конным. Как на знамёнах Ермака или на старинных сибирских казачьих иконах. Как конный гузский бог - воин Тенгри...

Летописи XII века описывают: подбивал один русский князь чёрных клобуков помочь ему в войне за Киевский стол. Те, поразмыслив, ответили - будешь, князь, на Киевском столе - мы все за тебя, но в междуусобной войне участвовать не хотим. На что огорчённый аристократ с горечью воскликнул: *"Нельзя верить слову поганого!"* С.А. Плетнёва по этому поводу замечает, что слову *"своих поганых"* как раз и можно верить - в отличие от княжеского!

И чёрные клобуки своё слово держали, и их потомки. А власти своё?.. Уничтожали войска, отбирали казачьи земли, вольности. И это - одна из причин катастрофы 1917 года...

С. Зинченко



щит, 14 век



маска-личина, 15 век



сабля, 16 век



шлем, 15 век

## Почитание донцами святых в XVI-XVII веках

Мировоззрение человека прежде было религиозным: всё вокруг воспринималось и осмысливалось через призму веры. Попадая в трудную ситуацию, казак просил помощи у Господа, Божией Матери, Святых Угодников, давая обет исполнить нечто важное, как только будет возможность.

Обеты нередко заключались в совершении паломничества к русским православным святыням. Самые распространённые пути с Дона в пределы Московского царства шли через Воронеж, Елец, Курск, Оскол, Белгород, Валуйки. Если паломник не заезжал по дороге в столицу, специального обращения к Государю не требовалось. Царь, по челобитию Войска, давал указания приграничным воеводам беспрепятственно пропускать казаков. Так, грамотой от 26 февраля 1637 г. воронежскому воеводе князю Савелию Ивановичу Козловскому было велено пропускать их, не взимая лишних сборов за имущество: *“А вперед будут з Дону учнут приезжать на Воронеж Донские атаманы и казаки по обещаюню в которой монастырь помолитца, или с родители своими поводацка, и ты б их во всем оберегал и тесноты и насильства никакова им чинить не велел”*.

Для проезда через Москву нужна была т.н. *“проезжая грамота”* - за ней казаки, заручившись ходатайством Войска, обращались к царю. Особых проблем при этом обычно не возникало. Получив разрешение на проезд туда и обратно по территории Московского государства, паломник получал и приличное ежедневное содержание.

Прошение подавалось из пограничного города, где находился глава административного округа - воевода. Последующий путь к святыням обычно лежал через соответствующие приказы (обычно Посольский) - каждого богомольца власти рассматривали как ценного информатора, расспрашивая о ситуации на Дону. Ещё больше внимания приказные проявляли к тем, кто вышел из плена, желая прозреть даже мелкие детали недавних событий в Турции или Крыму. Паломникам задержка в Москве была выгодна - они обычно обращались с новой челобитной, прося вознаградить за полное терпение или тяжкие воинские труды.

Вот выборка из паломничеств казаков по данным обетам из *“Донских дел”*.

Сентябрь-ноябрь 1639 г. (проезжая выдана 31 января 1640 г.). Станичный атаман Обакум Софонов, казак Иван Шеховской, Осип Лосев, Лев Семенов, Иван Иванов, Иван Екимов, Богдан Иевлев, Яков Петров направляются в Соловецкий монастырь - *“помолитись Московским и Соловецким чудотворцам”* (*“обещались, как были в полону в неволе в Азове ж городе до взятъя”*).

Проезжая от 29 июня 1640 г. Обакум Сафонов и Лев Семенов - в Свято-Николаевский Чернеев монастырь близ Шацка на богомолье.

1640 г. - казак Петр Афанасьев - в Соловецкий монастырь *“по обещаюню своему к Зосиме и Саватею Соловецким чудотворцам помолитца и оброк своей души грешной свест”*.

1641 г., ноябрь - казак Онуфрий Шатров в Киево-Печерский монастырь (по обету после плена).

Январь 1642 г. - казак Пётр Фёдоров; 1643 г., сентябрь - казак Лев Пушкин. 1645 г., январь - казак Богдан Фёдоров. 1645 г., март - казаки Василий Митрофанов и Иван Яковлев - в Москву *“помолитца Московским Чудотворцам”*.

1646 г., июль-август - казак Иван Чакун *“помолитца на Москве Московским Чудотворцем Петру и Алексею и Ионе”*.

1646 г., март - казак Осип Колуженинов с женой и детьми - *“помолитца Московским Чудотворцем”*; казаки Яков Елисеев Жуков и Андрей Елисеев - в Соловецкий монастырь *“помолитца преподобным отцем Изосиму и Саватии”*.

1645 г., декабрь - казаки Дмитрий Васильев и Михаил Григорьев *“молитца Московским Чудотворцем”*.

1646 г., декабрь - казак Семён Дементьев в Можайск *“помолитца Николе Чудотворцу”*.

1648 г., март - казаки Степан Стариков, Перфилий Иванов в Соловецкий монастырь *“помолитца Изосиме и Саватею”*.

1648 г., февраль - атаман Осип Калуженин и казак Василий Моисеев тоже на Соловки (Осип на государственной службе ранен *“во многие места и обещался...”*).

1648 г., май - казаки Василий Моисеев и Корнилий Яковлев туда же на богомолье (ранены в бою с крымцами, *“видя свою нужю и смертной час помночи, прося у Господа Бога милости и хотя видя свет и слышучи про исцеление Соловецких чудотворцев и не хотя умереть без покаяния, просили у них милости и обещались им помолитца”*).

1648 г., июнь - казак Марк Назаров Матюнин; 1648 г., август - казаки Иван Евлахов и Ермолка Иванов - в Москву *“помолитца Московским Чудотворцем”*.

1648 г., декабрь - казак Иван Жуков в Новгород Великий, в Деревенецкий монастырь - к *“Воскресению Христову”*.

1648 г., ноябрь - казаки Иван Разин и Трофим Григорьев Разин; 1649 г., апрель - казак Семен Дементьев в Соловецкий монастырь *“помолитца Изосиме и Саватею”*.

1649 г., сентябрь - казак Максим Максимов в Можайск *“помолитца святителю Христову Николаю Чудотворцу”*.

1649 г., декабрь - казаки Парфен Иванов и Киприан Шербачев в Курск молиться Богородице и Москву (Чудотворцам).

1649 г., декабрь - казаки Семен Григорьев, Григорий Никифоров, Иван Максимов, Михаил Максимов, Артемий Васильев, Никон Савельев; 1650 г., январь-февраль - казак Афанасий Борисов Аргаматов, Григорий Чакунов на Соловки *“помолитца Изосиме и Саватею”*.

1650 г., январь - казаки Богдан и Иван Северовы - *“в Астрахань молитись Живоначальной Троице и в Казань Пречистой Богородице, чудотворному образу Казанской и великим Казанским чудотворцам”*.

1652 г., май - казаки Григорий Бредихин и Тарас Леонтьев; 1652 г., август - Фёдор Венедиктов и Савелий Онофриев;

1652 г., ноябрь - Степан Тимофеев Разин (по обету, данному в 1649 году вместе с отцом) на Соловки - *“помолитись преподобным отцем Изосиму и Саватею”*.

1652 г., декабрь - казак Яков Жуков *“помолитца Московским чудотворцам”*.

1653 г., январь - казак Иван Матвеев во Владимир *“помолитца Пречистой Богородицы Володимерской”*.

1653 г., март - казак Савин Онофриев; 1653 г., май - казак Фёдор Леонтьев Дугин - *“помолитца к Соловецким чудотворцам”*.

1653 г., 23 августа, войсковая отписка: *“Донские казаки низовые и верховые по обещаюню своему ходят от нас з Дону на Царицын город молитца Пречистой Богородице в монастырь честного и славного Ея Сретения иконы Владимирские...”*

1653 г., август - казак Емельян Копылов *“Соловецким чудотворцам помолитца”*.

1653 г., ноябрь - казак Иван Андреев Гузеев; 1653 г., ноябрь - казак Пётр Ерофеев *“помолитися... великому чудотворцу Николе”*.

1653 г., ноябрь - казак Григорий Кириллов *“помолитися на Москве святителем Петру, и Алексею, и Ионе, и Филиппу, митрополитом Московским и всеа Руси чудотворцем, а с Москвы Шатцкого уезду в Чернеев монастырь великому чудотворцу Николе”*.

1653 г., ноябрь - казак Григорий Онисимов *“помолитися на Москве в соборной церкви Пречистой Богородице честного и славного ея Сретение иконе Владимирские и святым святителем Петру, и Алексею, и Ионе, и Филиппу...”*.

1653 г., декабрь - казак Минай Иванов Золотарев *“помолитца на Москве Пречистой Богородице честного и славного Ея Сретение иконы Володимерские да святым святителем Петру, и Алексею, и Ионе, и Филиппу московским чудотворцем”*.

1654 г., ноябрь - казаки Кирей Петров, Яков Ефимов, Иван Ермолаев, Дмитрий Исаев - на Соловки *“помолитися Изосиму и Саватие”*.

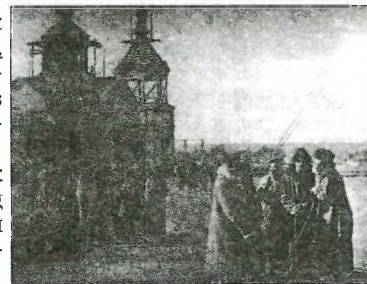
1654 г., ноябрь - июнь 1655 г. - казаки Купреян Карпов и Фёдор Алексеев *“помолитися преподобным отцем Зосиму и Саватие”*.

1655 г., ноябрь - январь 1656 г. - низовой казак Иван Иванов *“помолитися на Москве Пречистой Богородице во святей соборной апостольской церкви честного и славного Ея Успения Пречистые Богородицы и святым святителем Петру и Алексею, и Ионе, и Филиппу, Московским чудотворцем”*.

1655 г., ноябрь - казаки Яков Ананьин и Федор Корнилов;

1655 г., ноябрь - казаки Емельян Семенов и Онуфрий Аверкиев, в Москве к ним присоединился Терентий Павлов; 1657 г., декабрь - низовой казак Григорий Афанасьев; 1658 г., февраль - казак Григорий Онисимов; 1658 г., февраль - казаки

Никита Иванов и Павел Григорьев (обет, данный в турец-



ком плену); 1658 г. апрель - казак Григорий Золотарёв; 1659 г. январь - казаки Артемий Васильев сын Чичик, Исай Осипов сын Турченин, Никита Яковлев, Иван Васильев - "помолитися преподобным отцем Зосиму и Саватию".

1659 г. февраль - казаки Борис Кузьмин и Иван Алексеев "помолитца Московским чудотворцем".

1659 г. ноябрь - казак Иван Ипатьев "помолитися на Москве святителем Петру, и Алексею, Ионе, и Филиппу".

1659 г. - казак Иван Степанов Орлов и ещё 12 казаков, чьи имена не известны, - "помолитца в Астрахани".

1661 г. февраль - казак "выходец" Дмитрий Павлов "помолитца Московским чудотворцем".

1661 г. ноябрь - низовые казаки Степан Разин и Прокофий Кондратьев на Соловки "Соловецким чудотворцам Изосиму и Саватию помолитца".

1661 г. ноябрь - низовой казак Андрей Фёдоров "Московским чудотворцам помолитися в Чудове монастыре Алексею Митрополиту".

Чаще всего паломники шли поклониться святым Зосиме и Саватию (24 раза). Далее идут Московские святители Петр, Алексий, Иона и Филипп (20), Никола Можайский (4), Николаевский Шацкий монастырь (2), Киево-Печерский (1). По разу упоминаются Новгород Великий, Курск, Астрахань, Казань, Владимир, куда ходили к чудотворным иконам Божией Матери и Троицы. О Царицыне говорится, как об обычном месте паломничества к списку иконы Владимирской Божией Матери. Но в "Донских делах" отмечены лишь богомолия, маршрут которых пролегал через Москву. Поэтому заслуживают внимания и косвенные данные - например, о связях донцов с монастырями.

Связи эти уходят далеко в глубь времён. Так, в расспросных речах атамана Алексея Старого от 9 октября 1625 г., в связи с удачным набегом казаков на азовские укрепления, поминается как самое обыденное дело отсылка захваченных у турок негодных медных пушек - "по убогим монастырям на Воронеж, в Шатской, на Лебедань и к Святым Горам на колокола" (всего 117 пудов меди). Позднее в войсковой челобитной от 20 декабря 1636 года сказано о выезде казаков-"оброчников" по монастырям на богомолье, как о таком же обычном деле. При этом из документа ясно, что из упомянутых монастырей к казакам приезжали с просьбой.

Что же связывало донцов с этими обителями? Два из монастырей по российским меркам - древние. Основание Святогорской обители относится по легенде к XIII веку, а Лебедянский Троицкий мужской монастырь был основан в XVI веке. Два из монастырей связаны с именем Николая Чудотворца. С 1540 года Святогорская обитель прославилась явлением чудотворного образа Святителя Николая. Ему же изначально был посвящен основанный по преданию в 1573 году самими донскими казаками монастырь близ Шацка Тамбовского уезда на реке Цне.

Строитель обители "чёрный поп" Матвей сначала устроил пустынь "Рождества Богородицы и великого Чудотворца Николая". С его слов в грамоте 27 марта 1586 г. указано: "Стал де тот монастырь лет с 13 на пустыни". Уже в царствование Фёдора Иоанновича монастырь получил во владение лес, рыбную ловлю и угодья с "бортьями ухажими".

Из источников видно, что Свято-Николаевский Черниев Шацкий монастырь долго оставался казачьим, куда постригались престарелые и увечные донцы, делали вклады на помин усопших. В нашем списке он поименован лишь дважды, но на самом деле его-то чаще других посещали казаки: чтобы поклониться Николаю Чудотворцу в своём монастыре, разрешения Государя не требовалось.

Войсковая челобитная 1663 года упоминает, что "за службу и за кровь изстари, при прежних их войсковых атаманах, при Исае Мартемьянове, и при Смаге Чершенском, в Шацком уезде Рождества Пречистыя Богородицы и великого Чудотворца Николая Чернеев монастырь на вечное прибежище и на строение, а старым и от ран увечным в том монастыре постригаться без вклада. И они де издавна тот Чернеев монастырь всем войском Донским и ныне строят и многие вклады

дают". Монастырь часто посещали проездом казаки посольства-станицы, направлявшиеся в XVII веке в Москву.

Ещё в XIX веке в монастыре находился колокол, присланный казаками из Азова в 1641 году, а в монастырском Синодике XVII века значились роды донских казаков (казака из Черкаска Герасима Бурмина, Павла Чеснохина, атаманов Василия Грешного и Ивана Подшивы...).

В списке нет сведений и о паломничествах в другую обитель - Боршев Троицкий мужской монастырь у Воронежа, ниже по течению Дона. Казаки его тоже посещали чаще, чем другие. И отношение к нему можно назвать особенным.

Монастырь был основан с разрешения царя по челобитной войска от 1611 года и состоял многие десятилетия под покровительством казаков. Войско выступало защитником от посягательств соседней помещиков, ходатаем перед властями по имущественным делам. В "Тетради" певчих дяков, шедших в 1696 году под Азов, сказано, что монастырь "под властью Донских казаков атамана Фрола Минаева с товарищи, а ныне приписан к Воронежскому епископу". Передача его в ведение воронежского архиерейского дома относится к 21 ноября 1681 г. при епископе Митрофане.

В имени обители значилась Святая Троица, но изначально здесь был построен ещё и храм Николая Чудотворца. В описании 1625 года упоминаются "церковь во имя Живоначальныя Троицы древяна, ...да теплый храм великого Чудотворца Николы древены же". В Троицком храме были также престолы во имя Преподобных отцов Зосимы и Саватия, Соловецких чудотворцев, и Параскевы Пятницы.

Это сюда чаще, чем в другие монастыри, уходили рапсные, пожилые казаки. Часто принимали он и казаков, стремящихся поклониться Николаю Угоднику. "И изслужася на твоей государевой службе, мы, холопы твои, выходим в то твое царское богомолье, в Боршев монастырь на обещания", - свидетельствует войсковая челобитная от 29 ноября 1645 г. Монастырь обладал значительными земельными угодьями и рыбными ловлями.

Сложнее узнать, каких именно святых почитали собственно в донских городках-станицах. К сожалению, документы не раз упоминают расположенные в них часовни, но почти не содержат информации о храмах. Так, одной из самых ранних была часовня в Монастырском городке. Лишь позднее была построена, а в 1652 году освящена деревянная войсковая соборная церковь Воскресения Христова - первый храм донских казаков.

Мало известно, какие иконы чаще встречались в казачьих часовнях - есть лишь фрагментарные сведения разного характера. Так, в описи имущества атамана Наума Васильева и его казаков наряду с богослужебными книгами и облачениями священника упомянут образ Николая Чудотворца на кипарисной доске в серебряном окладе. По объяснению атамана, всё принадлежало Войску.

Первые храмы, ставшие объектами почитания донских казаков, упомянуты в связи с осадным сидением 1637-42 гг. в захваченном Азове: Иоанна Предтечи (греческий приходской) и Святителя Мирликийского Николая Чудотворца. Раньше в Азове были и другие православные храмы, но к 1637 году турки уже переделали их под мечети.

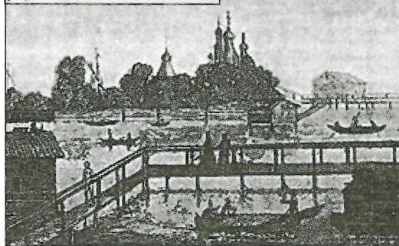
Сидя в осаде, казаки призывали "Творца и Содетеля нашего Бога, и Пречистую Богородицу, и великого Иоанна Предтеча, и Николаю Чудотворца, и Святых страстотерпец Бориса и Глеба". Покидая Азов, они дали обещание "за помощь и заступления" Божией Матери, Иоанна Предтечи и Николая Чудотворца построить на Дону храм.

15 октября 1649 г. в Черкасск началась эпидемия, воспринятая казаками как наказание за неисполнение обета. Несколько месяцев донцы служили молебны тем, кому давали обещание, а также Св. Алексею Человеку Божию. К концу года эпидемия закончилась, а войско вскоре начало строить соборный храм Воскресения Христова, с пределами Благовещения, Иоанна Предтечи, Николая Чудотворца и Св. Алексея Человека Божия. По окончании строительства царь и патриарх прислали на Дон мощи шести северорусских святых, в основном новгородских.

Итак, кроме Богородицы, самым почитаемым святым у казаков в XVI-XVII вв. были Николай Чудотворец и Соловецкие Чудотворцы. Но ясного ответа, почему почитание именно их получило такое распространение, пока нет.

С. Римский ("Мир Истории")

Донская станица



Икона Соловецких чудотворцев

# “Казак-разбойник”

А. Петров

В середине XIX века немало русских перебежчиков устремлялись к горцам. Из беглых солдат и казаков у Шамиля в старой столице - ауле Дарго - была целая слобода. В 1852 году там жило 150 человек, 10 из них имели семьи и детей. Они получали паёк и занимались, в основном, земледелием, выращивая кукурузу, заготавливая сено. Кроме того, жили и в аулах по 3-5 человек, работая у чеченцев.

Приняв ислам, перебежчики получали полные права у горцев. Похоже, многие так и поступали - хотя и смотрели на отречение от своей веры как на временную необходимость. Если возвращались назад, на допросах никогда не сознавались в принятии ислама. В горах продолжали отмечать христианские праздники. Так, в 1856 году *“много солдат, донских и линейных казаков до 100 человек, сошлись на Пасху в ауле Нурки, где пили водку и брагу и имели разговоры”*.

Не хотевшие работать - занимались набегами, угоняя скот и людей. По мнению современников, ни одно чеченское нападение на казачьи станицы не обошлось без них. Мрачные, озлобленные - они пугали даже больше, нежели чеченцы. От таких - ни отомолиться, ни откреститься!..

Шамиль с уважением относился к наиболее удачливым в набегах перебежчикам. В 1842 году он принял несколько человек во главе с червленским казаком Зотом Черинным, вручив им медали (8 апреля 1845 г., по пути из набега на станицу Наурская, Черин с тремя чеченцами был захвачен казаками и по приговору суда расстрелян в Червленой).

Подобного сорта люди были почти в каждой станице - и нередко вполне уважаемые станичники.

В Старо-Гладковской жил урядник Епифан Петрович Секин, по станичному Епишка, послуживший прототипом дяди Ерошки в повести “Казак”. Толстой точно описал его внешность и образ жизни. Это был искусный вор и кулак чеченцев - вязал по ночам казачьих и ногайских лошадей и переправлял за Терек. Но он не уводил в плен своих. - Епишинька! - просили, бывало, старогладковцы. - Мотри, моих не уведи, мошенник!

- А какая твоя, кто её разберет в потёмках, - отвечает всегда серьёзный Епишка. - Навяжи верёвку на шею, можа, нашуцаем и лустим..

Но “благородный разбойник” Епифан был редким исключением. Таким, как он, важны были не лошадь или баран, а сам процесс их увода, ползанье ночью, разные хитрые увертливые движения для введения в заблуждение часовых, удаль и восторженные похвалы в ауле.

Такие не раз сидели в острогах или бывали на виселице. Свои головы они нередко вырвали головами известных разбойников, за которыми ездили в горы. Кресты и медали, украшающие их грудь, то снимались, то опять появлялись. *“В своём развитии типы отважного казака и неустрашимого горского джигита, - писал В.А. Потто, - должны были породить необычайный сорт людей, для которых тревоги войны, битвы, кровь, опасность - делались потребностью, страстью. Это были артисты войны, любившие её, как искусство, наслаждавшиеся ею, находившие в ней душевное удовлетворение. Они не только не страшились опасностей, но искали их. Их увлекала беззаветная храбрость, полная дико воинственной поэзии, действовавшая заразительно на массы. Мирные времена были для них лишением и толкали их на действия, не имевшие ни границ, ни удержку стремлением развернуться во всю ширь своей молодецкой удалости”*.

Вот, например, станицы Калиновская есаул Чернов Артамон Лазаревич (1770-1825 гг.). Начав службу простым казаком, за беспримерную храбрость был награждён тремя золотыми медалями и орденами Св. Владимира и Анны. Одно время командовал 2-й конно-артиллерийской казачьей ротой. За всю службу Чернов был ранен всего раз в левую руку. Говорили, что он с помощью “чёрной силы” умеет заговаривать вражеские пули. Вместе с тем есаул Чернов был вор и конокрад, и чуму распространял (перетаскивая из-за Терека зачумленные бурки). Из одного удалства ходил и с русскими на чеченцев, и с чеченцами на русских.

В Чечне Чернов был своим, знал все овраги и лесные тропы, свободно развезжал в сопровождении одного казака-вестового - такого же отпетого, как сам. Чеченцы считали его ведуном, знавшим с нечистой силой, и боялись даже встречи с ним. По знанию земли, быта и характера чеченцев Чернов был незаменимым человеком. Атаман Гребенского казачьего Войска Фёдор Савельевич Зачетов и на-

чалник левого фланга Кавказской линии генерал Николай Васильевич Греков предложили его в чеченские приставы: *“Для таких мошенников, как чеченцы, и нужен именно такой мошенник, как Чернов!”*

Получив должность, Чернов не выказал особой гуманности к бывшим затертым приятелям. За попытки грабежа накладывал громадные штрафы, а сопротивлявшихся закапывал в землю по пояс. Однажды был зарыт живым за укрывательство бандитов один из членов влиятельной фамилии Турловых - кадий Магома. Прославился Чернов и освобождением из плена русских людей - и с помощью открытой силы, хитрости, и денег (нередко собственных).

Иного плана был червленский казак Михаил Корчагин. На его счету было убийство отставного есаула Палашкина Тита Михайловича, бывшего командира сотни Гребенского полка. Подкараулив бывшего своего командира в засаде, Корчагин с приятелями буквально изрубил его. У них были свои счёты: есаул жестоко порёл подчиненных. *“Страшно бывало смотреть, - вспоминала червленовская казачка Прасковья Гордеевна Фенева, - как пороли! Поставят в две шеренги солдат и пустят сердешного. Иной бедняжка до середины не дойдет, падает: его поднимут и опять ведут порют. Кровь брызжет, кожа клочками летит, мясо...”* Пороли иногда и казаков, говоривших офицерам “ты” и свысока подтрунивавших над русскими солдатами, тех, кто командовал за офицеров в критические минуты боя!..

Корчагин долго скитался по самым глухим местам. Был пойман в начале 1857 года и повешен.

Из Червленой в горы убегали также Тимофей Свиткин (он же Карп Карпуша), Филипп Алешечкин, Иван Фролов, Зот Черин, Наум Вавилов и другие. Имена их остались в народной памяти за счет мужества и лихости. Убегали в основном от какого-то перенесенного оскорбления.

Век абрека был короткий - попадали в плен, гибли в перестрелках, просто пропадали без вести. Попадались иногда случайно. Вот как поймали в конце 1842 года Фролова.

Жил в Червленой казак Худой (хуже не было - вот и прозвище). Фролов, уходя от погони, уснул в балочке. Тут на него и наткнулись Худой с одним ногайцем. Что делать? Придумали хитрость: Худой стал к Фролову подходить, а ногаец стал на кургане. Худой кричит: *“Вставай, ты окружён! Вон казаки стоят по курганам”*. Фролов вскочил, спросонья видит - ногаец на кургане, подумал - казаки, и сдался. Когда же увидел, что обманут, начал сильно сокрушаться: *“Бог попутал меня, что вы меня взяли”*. И действительно, всем дивно было - молодца, которого изловить не могли лучшие, поймал последний казачишко. После суда в декабре 1842 года Фролова расстреляли.

В годы Большой Кавказской войны в гребенских станицах было много воинских частей и тыловых служб. Казак, уходя на службу, оставлял дома одну жену, и та порой становилась объектом сексуального домогательства со стороны армейских чинов. Вдова червленского есаула Фенева, Прасковья Гордеевна, хорошо помня те времена, рассказывала Ткачеву несколько случаев. *“Стоял у свёкра олащенный юнкер. Муж служил в Ставрополе. В доме ещё золовка-невеста. Мужчин же ни одного, кроме работника-ногайца не было. Одна свекровь-старуха. Юнкер был совсем без стыда - не давал проходу. Станет, распявшись у дверей своей комнаты и норовит поймать в сенцах. Раз вскочила от него на подволку, раз выпрыгнула в окно, когда захватил одну в комнате. Свекровь как по следам и ходила, оберегала. Только её и боялся. Чистое горе! Придут, бывало, коровы - доить, он за подойники с золовкой, она за ними; свекровь схватит чоблук да за ним... Подойники попереворачиваются, телят попускают... Свекровь кричит “Распрепереведись твоё коренье, треклятый супостат, антихрист!” А он - хохочет”*.

Другой случай - в Старо-Гладковской. У стоявшего у казака на постое солдата артиллерийской батареи произошла кража имущества. Офицер, которому было поручено расследование, потребовал у станичного атамана Ушинкина прислать к нему свидетелей происшедшего. Прочитав список, Артамон Ефимович обнаружил в нём 16-летнюю девушку, которая к делу не имела никакого отношения. Атаман вежливо ответил, что эту свидетельницу он не пришлёт, она к делу не причастна. Офицер в тот же день прислал повторное требование, заявив, что если девица не прибедет, то

будет то-то и то-то. Атаман был человеком не робким и, в свою очередь, сообщил о происшедшем атаману Кизлярского округа полковнику Морозову. Полковник сообщил в тот же день: *"Девяти офицерам не посылать и не выдавать, раз она к этому делу не нужна, угрозы не бояться"*.

Ещё случай в той же станице. Армейскому офицеру понравилась девушка-казачка. Он велел своим денщикам вечером её схватить и привести к нему домой. Когда утром к нему явился отец девушки, ему было указано обратиться вон. Когда же отец стал настаивать, офицер приказал денщикам выкинуть его за ворота. Со смехом они подняли его на руки и перебросили за забор. Казак-отец вскоре умер, а девушка удерживалась офицером, пока ему не надоела.

Можно ли было терпеть подобное оскорбление? Насилия военных толкали казаков на преступления (приговор же тогда был короткий - смерть насильнику) и уход в горы.

Многие перебежчики вынужденно воевали против своих - но тяга к родному дому не оставляла их. Нередко спустя годы они являлись с повинной, ведя в искупление своих проступков пойманных горских абреков. Один казак провёл в горах 12 лет, но так и не смог привыкнуть. Однажды ночью он завёл в свою станицу партию горцев и всех выдал, за что и получил прощение...

В 50-х годах XIX века жил в Наурской казак Яков Алпатов - известный разбойник, славившийся силой и храбростью. Казаки очень сожалели, когда он ушёл в горы и принял ислам. С юных лет Алпатов отличался расторопностью, дерзкой отвагой и смелой предприимчивостью. Когда ему было 18 лет, отец женил его на красивой казачке. Но тот, скоро покинув её, удалился в горы, набрал шайку из казаков и чеченцев и стал делать нападения на зажиточных казаков и чеченцев, угоняя рогатый скот и лошадей. Человеческая жизнь была ему нипочем - главная цель, к которой он стремился с такой отчаянной отвагой, была слава. Алпатов был до крайности тщеславен, и легко представить, как льстили его самолюбию оказываемые в Чечне почести. Сделавшись разбойником, он несколько раз являлся тайно в Наур, желая вести с собою жену, но казаки охраняли красавицу.

Скоро имя Яшки Алпатова гремело по всему Тереку. У берегам реки он держал в камышах много каюков для совершения набегов, а после дерзких грабежей скрывался в лесах.

Самый яркий эпизод деятельности Алпатова - набег осени 1851 года. С шайкой он переправился через Терек у станицы Ищерская. Здесь его обнаружили казаки сотника Панченко, но он ушёл от погони. 3 октября у брода на Куме он взял в плен губернского секретаря Буцевича, поручика Застинского, переводчика, убив несколько человек прислуги. После шайка повернула на астраханский тракт, где 4 октября на озере Калмык убила 15 рыбаков. Затем 5 октября между станциями Горькореченской и Колпичевской были ограблены две почты, убиты 2 почтальона и конвойные казаки, захвачены 37000 рублей. Потом шайка ушла в сторону станиц Гребенского полка, переправившись через Терек выше Щедринской. Как писал генерал Ф.Г. Чернозубов, - *"не более, как за 6-7 дней Алпатов прошёл около 700 вёрст, совершив настоящий рейд, целью которого было нападение на 2 сошедшиеся почты. Надо сознаться, что набег был прекрасно рассчитан и отлично выполнен"*.

Алпатов замечательно владел оружием и конем. Каждый раз, несмотря на караулы и погоню кордонных казаков, ему удавалось угонять скот и людей. Когда чеченцы собирались в набег, они всегда посылали за Яшкой, жившим в ауле Очкишки, недалеко от Наура. Со своей шайкой он решался на такие опасные предприятия, на какие не решился бы целый отряд в 100 человек. Появлялся во многих Надтеречных станицах: грабил Червленую, Мекенскую, держал в страхе жителей Щедринской. Награбленное делил между разбойниками, сбывал чеченцам. Нападал и на многие аулы горцев, появлялся на Сунже. Нередко Алпатов вводил с собой женщин и детей, которых воспитывал в воровском духе.

Но больше всего терпели от него жители родной Наурской: мстил, что не выдавали жену. Женщин и девушек Яшка, подкараулив за станицей или в огороде, среди белого дня вводил "за реку". На хуторе Атарчииков он захватил в плен двух сестёр Пятирублевых и отдал в жены горским князьям. После окончания Кавказской войны сёстры приезжали в станицу, но остаться не захотели.

Однажды Яшка переплыл с шайкой Терек и начал тревожить в степях хатоны (кочевья) ногайцев. В стычке под ним убили скакуна, он достал себе другого коня из ногай-

ского табуна. Скоро в степи его заметил отряд казаков. Яшка издали заметил погоню и скоординировал своей шайке уходить за Терек. Однако у берега конь самого атамана не пошёл в воду. Тогда Яков убил его и скрылся в лесу.

Недалеко на кургане Андреевском (или Алпатов) стоял пост, а в стороне - конюшни. Туда и направился Яшка за конём. В конюшне был казак-конюх. Когда в конюшню влетел Алпатов, он находился за дверями в тёмном углу, где стояли мешки с овсом. Узнав Алпатова, конюх присел за мешки и, как только Яшка удалился вглубь конюшни, выбежал и захлопнул дверь, заперев её на толстый засов. Сбежались казаки с урядником Цымлянским. Алпатов стрелял в казаков через щели, но напрасно. Пришлось сдать оружие - тут его и связали.

Приговорили молодца к расстрелу. 17 декабря 1856 г. по Кавказскому Линейному казачьему войску был издан приказ: *"Казак Моздокского казачьего полка Алпатов Яков по произведённому над ним военно-судебному делу, по полевым уголовным законам, оказался виновным: во втором побеге к непокорным горцам, участии с ними в военных действиях против своего Отечества, в отступлении от православной веры в магометанство; ограблении почты, разных хищениях, участии в убийствах, нападении на безоружных жителей, женщин и детей; уводе их в плен лично и с партиями в которых был зачинщиком и шпионстве. А потом господин Главнокомандующий Кавказским корпусом конфирмовал: подсудимого Алпатова казнить смертью - расстрелять, что привести в исполнение на месте прежнего жительства его в станице Наурской".* 24 декабря при стечении большого числа народа Алпатова расстреляли.

Вид его, по словам наурцев, не свидетельствовал о приближении рокового конца. Он был разговорчив и самодоволен. Перед казнью будто бы покаялся в грехах, простился с родными и объявил: *"Я думал, что за мои грешные дела меня повесят, или привяжут к колеснице, и дикие кони разнесут мои кости по лесам и горам; но я счастлив тем, что умираю от пули, как и верный казак"*. Последней его просьбой было, чтобы не завязывали глаза и расстрел произвели станичники. Но глаза завязали, а приговор привел в исполнение взвод солдат. Перед казнью наурцы просили его возвратиться к православной вере, но Алпатов требовал муллу.

Алпатов принадлежал к натурам, которые могли существовать лишь в условиях кипучей кордонной жизни. *"Преступник он был большой, но казаки понимали течение его мыслей и всю его психологию. До сих пор среди терских казаков ясно живет воспоминание об Алпатове и передаются положительные стороны его характера: смелость, удаля, храбрость, великодушие и мужество, с которым он встретил смерть"*, - писал в 1912 году генерал-майор Фёдор Чернозубов.

Народная фантазия сделала Алпатова героем многих преданий, популярных у жителей станиц от Моздока до Кизляра. *"Влияние этих людей на молодое поколение было сильно и, бесспорно, имело свои хорошие стороны, - писал генерал-лейтенант В.А. Потто. - Жадно слушая былины отчаянных подвигов, свидетели которых были перед ними налицо, молодёжь ценила их заслуги и не заботилась об их недостатках. Отвага и удаля, как завет предков, глубоко запавшие в душу, вызывали и среди нее молодецкие дела и грозный тип добродушного кавказского удалца, но уже в лучших его проявлениях, переходил из поколения в поколение"*.

В казачьей песне пелось: *"Разудалый сиротина \ вздумал в горы убежать. \ Там скорей придет кончина, \ а чего же больше ждаты? \ Лишь вот только проберуся \ через Терек и леса, \ пред Аллахом поклоняюсь \ и взгляну на небеса. \ Приму веру их, Пророка, \ их догматам научусь, \ а потом веленьем рока \ воровать с ними пушусь"*.

Помнили о делах Яшки Алпатова и в чеченских аулах, при случае упрекая казаков его изменой.

После Алпатова на разбойничьей арене явился Яшка Пелепейко (настоящее имя - Яков Жирнов). Этот казак сначала содержал в Науре дом терпимости для чинов воинских частей в станице, а после ухода военных сделался атаманом разбойничьей шайки. Попытки поймать его не увенчались успехом. Казаки, знавшие его лично, рассказывали, что он умер своею смертью где-то в лесу.

После Пелепейко выдающимся разбойником был Ананий Шушпанов из той же Наурской. За какое-то преступление он был приговорён к ссылке в Сибирь на каторжные работы, но ему каким-то образом удалось убежать. С шайкой из разных головорезов и гололюбых он наводил страх на окре-



стных жителей, особенно на наурцев. Как и Алшатов, Шупшпанов принял ислам; чеченцы дали ему имя Андзор. В Наурской его и запомнили под этим именем. Андзор разбойничал сравнительно недолго. В 1887 году его поймали, а после вынесения приговора увезли из станицы - вроде опять в Сибирь. У Андзора остались в Наурской мать и брат; оставил он и несколько жён в Чечне.

Одна из причин, побуждавших казаков к побегам, по мнению генерала Ф.Г.Чернозубова, заключалась в том, что с упразднением казачьих войск и переименованием в полки (Гребенской, Терский, Кизлярский), а в 1832 году и объединением в Кавказское Линейное казачье войско - пришел конец казачьей вольности на Тереке. *“Больше уже не могло иметь место проявление самоволия. Каждое такое выступление могло быть усмирено. Для этого достало бы и сил, и средств. В тяжёлом положении очутились тогда те казаки, которые не признавали прелести в действиях против горцев, в отрядах, где всё было по распоряжению власти. Не было больше простора для инициативы, а главное, получалась почти полная безысходность в тех предприятиях, которые прежде так поддерживали хозяйство казака. О широких грабежах не могло быть и речи. С высоты атаманской власти раздалось грозное: “Линейный казак не хищник, а воин Христов”.*

*Между тем энергии было ещё много. К жажде самовольничать примешивалось сожаление о временах былых, об отпавшей вольной жизни. У многих предприимчивых натур явилось озлобление к власти. И вот открывается новый клапан для казачьей энергии: побег к непокорным горцам и война против своих. Действие ужасное с национальной точки зрения, вызывавшее перемену веры, разрыв с прошлым и постоянное угрызение совести. Но с точки зрения казака в этом порыве много извинительного и понятного. К памяти этих последних борцов за свободу, в большинстве своем положивших свои буйные головушки на плахе, казаки до сих пор относятся снисходительно и доброжелательно”.*

\* \* \*

В то же время промышляли доморощенные сорвиголовушки и на Кубани - на правом фланге Кавказской линии. В январе 1835 года казаками были пойманы две шайки - Камянского в Ейском отделе и Крыжановского в Екатеринодарском, по 7 - 12 человек. Шайки действовали по определённому плану, с удивительным искусством и осторожностью. Иногда являлись на хутора богатых казаков и старшин в виде разъездных команд, с предводителями, одетыми в офицерскую форму. Но чаще налетали на богатей, сопровождая грабежи истязаниями, чтобы выведать, где хранились деньги и ценности.

Летом 1838 года в горы к черкесам бежал казак Басов. В абадзехском ауле он сговорился с сыном мирного черкеса, бежавшим за Кубань, Поливаном Султановым, и беглым казаком Кавказского полка Барышниковым, на воровство в русские пределы. Они перебрались 30 января по льду через Кубань ниже Ладыжской станицы, разграбили хутора на Бейсужке и возвратились с добычей. Но при переправе через Кубань их настигли казаки, и Басов попал в их руки.

В это время были часты случаи побега за Кубань линейных казаков. Они жили с черкесами и грабили русских. В 1841 году были убиты два таких перебежчика - урядник Брагунов и сын сотника Крамаров. Но казак Кавказского полка Сабельников, предводительствовавший набегом, успел уйти.

Особенно замечательный случай дезертирства случился в 17 октября 1841 года - бежал к горцам сотник Лабинского полка Семён Атарщиков вместе с узденями Шереметом Лоовым и Лафишевым. Атарщиков сманил также абазинского князя Сералипа Лоова и двух строевых казаков Хопёрского полка - Василия Фенева и Ефима Петренко. Через несколько дней образовалась уже партия из 40 горцев. 27 октября у поста Открытого шайка захватила двух казаков - один был убит, а другого горцы увлекли с собою. Когда же казаки под командой сотника Краснова настигли их, черкесы, убегая от преследования, пленника убили.

19 ноября Петренко явился на линию и был прощён. Вскоре, видимо, и Атарщикову не понравилось у горцев: через два месяца явился с повинною и он сам с Феневым. Их приказано было отправить на службу в Финляндию. Им выдали прогоны и оставили на свободе для приведения в порядок домашних дел, но они снова ушли за Кубань. Фенев скоро вернулся в укрепление Зассовское на Новую линию. Атарщиков же принял ислам и в апреле 1844 года женился

на дочери ногайского узденя Энарукова. Жил в собственной саkle в ауле на реке Курджипс - у своего тестя купил казака-хопёрца Фому Головкина и держал его в качестве прислуги.

С Курджипса Атарщиков не раз производил с черкесскими шайками набеги на родину. Особенно “прославился”, в 1843 году перехватив курьерскую почту Главнокомандующего Кавказским корпусом генерала Нейдграда Николаю I - донесение о тяжёлом положении войск в Дагестане с просьбой оказать скорейшую помощь. Личный адъютант командующего корнет Лейб-гвардии конного полка Глебов был взят в плен между Сергиевской и Базовой почтовыми станциями, вблизи Ставрополя и увезен за Кубань. Пока из Тифлиса отправили нового курьера, время ушло, и в Дагестане все русские крепости были захвачены горцами!..

В 1845 году Атарщиков с Головкиным отправились на разбой к Ставрополю. В 10 верстах от Прочноокопа остановились, ожидая ночь, в лесу у реки Уруп. Когда Атарщиков задремал, Головкин выстрелом в спину тяжело ранил его, а сам отправился в Новогригорьевское укрепление. Казаки застали Атарщикова живым - полулежа он пытался зубами взвести курок пистолета. При перевозке в Прочноокопскую разбойник умер, а Головкин получил прощенье.

В 1855 году отставной полковник Прохорович просил у наказного атамана Кухаренко команду из 8 казаков для поимки трёх дезертиров - Титаренко Степана, Поддубного и Прокофия Сердюка. Они скрывались в камышах, кормились у чабанов при отарах, у пастухов хуторские стада калмыков и у некоторых хуторян. *“Все три казака, - по характеристике Прохоровича, - зверского нрава и буйного характера”.* Они дерзко, чуть не среди белого дня, напали на людей богатых. Сердюк даже приходил вечерами в станицу - раз парубки пытались схватить его, но он разогнал их.

Кухаренко приказал нарядить команду казаков, но Титаренко в это время уже оставил Черноморию, уйдя за Кубань. Здесь он собирал черкесов и, предводительствуя ими, производил набеги на богатые казачьи хутора. В июле 1858 года он подговорил бежать с ним за Кубань казака Яроша. Титаренко привел Яроша в аул Ажипс, выдав за брата, отчаянного джигита, могущего с успехом участвовать в набегах. Черкесы не требовали от Титаренко и Яроша принятия ислама. Яроша они лишь привели к присяге через муллу - быть им послушным. Титаренко был женат на крепостной черкеса Шалохо, у которого обыкновенно и жил.

Два раза Титаренко и Ярош пробовали пробраться с черкесами через Кубань в Черноморию, но оба раза наткнулись на казачьи “залогии”. Предпринимая набеги, Ярош имел в виду захватить при случае из своей станицы жену и сына. Но неудачи заставили его изменить план, и он решил бежать на родину. Ночью 2 августа Ярош с одним черкесом отправился стеречь просо, убил того и перебрался через Кубань на Великолагерный пост. Здесь он был посажен в острог и приговорён к смертной казни. Но затем, приняв во внимание молодость Яроша и то, что он добровольно сдался властям, казнь заменили на 300 ударов шпицрутенами и ссылку Сибирь на вечную каторгу.

В ноябре 1859 года Титаренко был пойман русскими лазутчиками. Его заключили в Екатеринодарскую тюрьму - началось длинное следственное дело. Ещё в 1854 году, состоя на военной службе, Титаренко был наказан за воровство и другие преступления 500 ударами шпицрутенов. Кроме того, за воровство лошадей и имущества, за ним числилось ещё пять следственных дел (во время следствия по которым он и бежал к черкесам). Причины побега объяснял, что невмочь было служить в полку под командой полковника Гусарова, донимавших жестокими наказаниями. У черкесов Титаренко жил четыре года, с ними делал набеги на Черноморию, занимаясь лишь грабежами имущества, воровством лошадей и скота.

В 1861 году суд приговорил его к расстрелу. Казнь назначена на площади у острога. Выстроены войска, собралось много людей, приведены даже учащиеся. Но ещё утром Титаренко ухитрился удушиться полотенцем, прикрепив его к гвоздю в стенке. Перед смертью будто бы нацарапал на бумажке: *“Лучше отдам душу чертям, чем панам”.*

Ф.А.Щербина, говоря о причинах, побуждавших казаков к грабежу своих, писал: *“Это было пережиток, остаток былой военной жизни и отживших воззрений на экономические взаимоотношения”.* Да, перебежчики, уходя за Кубань, мстили насадителям суровой дисциплины. Но чаще - искали возможность разбогатеть в набегах на русские владения...

“Греция, Рим, Старый Свет и Новый могут гордиться и хвалиться героями своими сколько хотят, я не знаю, отважились ли бы они на то, что сибирские герои Буза, Перфирьев, Бекетов, Нагиба, Хабаров, Степанов и многие еще другие действительно училили; осмелились ли бы они с малым числом людей напасть на столь сильные народы, каковы были: Монголы, Манчжуры и др., и удалось ли бы им покорить чрез 80 лет не только восьмую часть земли, да притом еще неудобнейшую и опаснейшую между всеми частями, где голод и стужа вечное свое имеют жилище, но и утвердить за собою”.

академик И. Э. Фишер

К началу XVII века русские владения простирались до Енисея, а затем уже Енисейские и Мангазейские казаки, родоначальники будущих Якутских, партиями по 15-20 человек пробираются на реку Лену: первые к её верховьям, а вторые по Нижней Тунгуске.

Полузабытые истории позапрошлых веков - Врангель, Крашенинников, Ланин, Андриевич, Спасский, Маныкин-Невструев, Словоцов, Фишер - оставили сведения о Якутских казаках. Кто сейчас вспомнит атамана Якутского полка Шахурдина, хранившего семейные записки, чьи живые рассказы записывал в своё время А. Маныкин-Невструев?.. Что мы знаем сегодня о войне казаков с чукчами, о казаках-албазинцах?..

Якутские казаки довольно рано окончили своё боевое поприще. Между тем и им выпали не менее славные дела, чем другим войскам - кровопролитные битвы с враждебным населением, голод и лишения в ледовитой стране. Сколько партий смельчаков сгинуло...

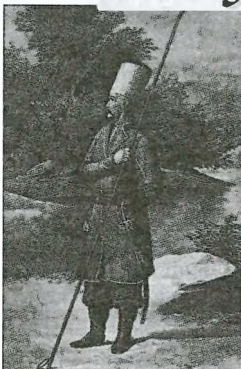
В 1619 году Енисейские казаки услышали от тунгусского князика о реке “Лин”. В 20-х годах XVII столетия первым побывал в центре Якутии П. Д. Пенда (сам не казак), оставив письменные свидетельства.

В 1621 году сургутские казаки Фёдоровы прошли волоком с Тьма на Сым и, дойдя до Енисея, собрали ясак с жителей Подкаменной Тунгуски. Через год там стали собирать ясак нарымские казаки Петрушки Тимофеева, а ещё через год о правах на эту территорию заявили енисейские казаки атамана Поздея Фирсова, отогнав силу нарымских казаков Алёшки Алтайки.

В 1629 году на Лену вышел отряд из 30 казаков под начальством Хрипунова, годом позже - отряд такого же числа Ивана Галкина. При устье реки Куты было построено зимовье. В 1631 году отряд возглавил енисейский сотник Пётр Иванович Бекетов. Этот энергичный командир заложил Тугирский острог (при впадении в Лену р. Тугиры), а в 1832 году с 30-ю казаками спустился по Лене ещё ниже.

25 сентября (8 октября н.ст.) отряд Бекетова в “неведомой якутской землице” начинает строительство Ленского острога - будущего Якутска: “Того ж году сентября в 25 день, по государеву цареву и великого князя Михаила Фёдоровича всея Руси указу, поставил я с служилыми людьми на Лене реке острог для государева величества в дальней украине и для государева ясачного збору и для приезде якутских людей. А през того на Лене реке и в якутской земле государева острогу не бывало нигде. А поставил государев новый острожек я, Петрушка, против якутского князя Мамыкова улусу”. Как сообщал стрелец Ивашко Иванов - “острожек поставлен на берегу у Лены реки к лесу и к угодию, а около того острожку живут многие конные и пешие якуты, родами тысяч с десять и больше, и животины их коров и лошадей много...”

В 1635 году Бекетов же заложил Олекминский острог. На Вилюе, у впадения речки Тюкэн, в 1634 году казаками Воина Шахова основано было Верхневиллюйское зимовье (с 1783 по 1821 год - Оленск, потом Вилюйск).



Тобольский казак (1774 г.)



“Казак у проводывания новых землиц” (с картины С. Каразина)



казак (конец 16 века)

## Якутское войско

Ленским острогом в эти годы управляли енисейские “прикащики” - сначала Бекетов (до осени 1633 г.), “сын боярский” Парфений Ходырев (до 1634 г.), казацкий атаманы Иван Галкин (1634-35 гг.) и Осип Алексеевич Галкин (май 1640 - июнь 1641 г.).

В 1635 году царь Михаил Фёдорович велит именовать служивых Ленского острога “Якуцкими казаками”, а в 1638 году было основано Якутское воеводство (с 1641 - уезд). До этого весь Ленский край входил в состав Енисейского уезда, где на сбор ясака претендовали казаки Тобольска, Томска, Енисейска и Мангазеи - отчего меж ними случались ожесточённые схватки. Так, в 1610 году из-за района реки Сым (приток Енисея) вышел конфликт у мангазейских казаков с кетскими.

Первые воеводы якутские, Пётр Головин и Матвей Глебов, прибыли в Якутский острог в 1641 году и сразу начали снаряжать партии к “Тунгускому озеру” (Охотское море). Из прибывших с ними 400 казаков, 245 были из Тобольска, 100 - из Енисейска и 50 - из Березовска. Партии снабжались по возможности всем необходимым. Они редко возвращались в тот же год, разве что при неудачах (обычно оседавая на завоеванной земле или возвращаясь через пару лет).

Пути движения были в основном водные, посуху шли лишь водоразделами, переваливая через хребты к притокам новых рек. Так были открыты Амур и Охотское море:

партии, следовавшие по Олекме, перевалили Становой хребет и спустились к Амуру речкой Уркой; партии по Алдану и Мае перевалили тот же хребет и вошли в реку Улью, впадающую в Охотское море. С 1633 по 1638 год казачий отряд Максима Перфильева стал первооткрывателем рек Оленек, Яна, Индигирка.

Исследовав бассейны Лены, “якуцкий казак” Василий Бугор первым

вышел к Байкалу. Томский казак Иван Москвитин в 1639 году вышел на берег Тихого океана - “для пользы государевой и якутским казакам в помощь”...

Несколько сот казаков за короткое время исследовали и присоединили к России огромную территорию - от Енисея до Тихого океана, совершив большинство наиболее значимых географических открытий на северо-востоке Азии!

Упомянем и отважных мореплавателей, исследовавших берега Северного океана - казаков Никиту Малыгина,

Якова Пермякова, Меркурия Вагина, Василия Стодухина, Алексея Маркова, Григория Кузюкова, Катаева... Это они собирали первые сведения о неизвестных дотоле морях, островах и реках, на которые ещё долго ссылались при составлении географических атласов (например, казачий полковник Шестаков, приехавший в 1726 году в Петербург, составил карту северных окраин Сибири - и она была скопирована в Париже географами Делилем и Бюане)...

При этом отметим характерную для всего казачества во все времена особенность взаимоотношения с разного рода служилыми людьми. Живя и сражаясь бок о бок с казаками, тем не менее проникались духом и образом их жизни, что нередко сами становились казаками. Прославившиеся своими открытиями “промышленный человек” Ерофей Хабаров и “письменный голова” Василий Поярков, например, позабыв свои чины, с гордостью звались “якуцкими казачьими атаманами” - как и уроженец Великого Устюга, “зять якутского народа” Семён Дежнев, открывший пролив между Евразией и Америкой...

Ещё характерная черта казачества - умение найти общий язык со всеми буквально окружающими народами, способность видеть в них будущих товарищей, породниться, воспринять умение выживать в самых необычных и сложных природных условиях. Первый исследователь Камчатки Владимир Атласов (названный Пушкиным “Камчатским Ермаком”) был сыном казака и якутки, как и другой известный вожак якутских казаков - первооткрыватель Курильских островов Иван Козыревский...

Казаки вообще нередко держали якуток "за жены место", даже продавая их друг другу. В сборнике документов "Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII века" есть, например, сообщение об "отпуске на волю якутки Малник, принадлежащей енисейскому казаку Ивану Метлеку", с нажитыми ими детьми.

По прибытии в местность, занимаемую каким-либо племенем туземцев, казаки вступали в переговоры с предложением подчиниться Белому царю и платить ясак. Иногда дело решалось оружием. Обложив туземцев ясаком, казаки устраивали на их землях укрепленные остроги (если племя было воинственным) или просто зимовья, где и оставалась обыкновенно часть казаков.

Партиями управляли, по назначению воевод, начальники из людей опытных, бывших уже в походах. Бывало, смелые пионеры предлагали услуги по открытию новых земель на свой счёт - как это сделал в 1648 году Хабаров, испросивший разрешение набрать за свой счёт 150 казаков и вести их на Амур.

Казак Федот Алексеев Попов в 1711 году умудрился пробраться на острова Аляски, первым из русских увидев на горизонте вершины гор Северной Америки (открытый же им пролив назвали - "Беринговым"). Якутские казаки участвовали в Камчатских экспедициях Беринга и Чирикова, затем в деятельности Русско-Американской компании. Вплоть до ликвидации последней во второй половине XIX века, конвой губернатора Русской Америки состоял из взвода казаков. Вернувшись в Россию, они передали своё знамя в Главное Управление Казачьих Войск...

Первые городки в Сибири, как бы они ни назывались, управлялись казачьим кругом. Порядок поддерживался в отрядах довольно строго: казаки повиновались своим начальникам и обычно терпеливо переносили все лишения. Яркий пример - сам Хабаров. Открыв Амур, собрав богатый ясак, он по праву мог бы гордиться своими успехами. Из Москвы, решив учредить Амурское воеводство, перед выездом туда воеводы послали для устройства дворянина Зиновьева - который (без особенных, видимо, причин) ставил начальником отряда на Амур Онуфрия Степанова. И Хабаров беспрекословно подчиняется этому распоряжению, делаясь простым казаком.

Нарушения повиновения (например, убийство казаками в Камчатке трех начальников - Атласова, Чирикова и Миронова) объясняются причинами более или менее уважительными. Начальники отрядов - прикащики - отвечали за сбор ясака и раздачу положенного содержания. Случалось, обделяли казаков - что и довело Камчатских казаков в 1712 году до крайних мер. Но и тут анархии не было. Зачинщики убийства Анциферов и Козыревский, приняв управление в свои руки, подробно доносят о случившемся в Якутск. Назначенные из Якутска новые прикащики не преследуют убийц, напротив - назначают их сборщиками ясака!

Обращение казаков с туземцами, при тогдашней грубости нравов, разумеется, не могло быть названо гуманным, а все попытки сопротивления вели лишь к ещё большей суровости. Такая система обращения с инородцами в северной части Восточной Сибири стала одной из причин потери Амура в 1684 году: на помощь даурам, ниткам и дучерам "подоспели" китайцы, а гяляки вообще сочли за лучшее признать над собою власть Китая.

Китайское правительство энергично препятствовало укреплению русских на Амуре, высылая большие отряды. Сталкиваясь с ними, казаки обычно стойко выдерживали нападения, но и активных успехов не имели. В осаде Албазина в 1685 году, например, участвовало свыше 10 тысяч китайско-маньчжурского войска.

В ответ на предложения сдаться, начальник гарнизона в три сотни казаков Афанасий Бейтон ответил: "Мы крепости сдавать не привычны".



знамя Албазинских казаков

Казаки, взятые в плен при Албазине, были переселены в Пекин (некоторые, впрочем, уходили сами - как казак И-фан в 1649 году; или Григорий, который в 1668 году увёл 33 человека). С албазинцами ушёл священник о. Максим Леонтьев. В Пекине казаки они были приняты императором и причислены к потомственному воинскому сословию. Известны некоторые их имена: Ло (Романов), Хэ (Хабаров), Яо (Яковлев), Ду (Дубинин), Хэ (Холостов)...

Подобно некрасовцам, албазинцы составляли личную охрану правителей. Сыграли они и значительную роль в развитии связей Россией с Китаем в XVII-XIX вв. Китайские власти позволили им построить часовню, а когда в 1695 году из России привезли церковную утварь - и храм, несмотря на гонения на христиан. Тобольский митрополит Игнатий писал тогда: "Пленение ваше не без пользы китайским жителям, яко Христовы православныя веры свет им вами открывається..."



икона Собора святых мучеников китайских

Албазинцы очень жестоко пострадали во время боксерского восстания 1900 года, дав миру немало мучеников за веру православную. Немногочисленные православные потомки их и сейчас живут в Китае.

Постоянно тревожимые маньчжурами, испытав все роды лишений и схватки с многочисленным неприятелем - пришедшие на Амур в 1648 году казаки вынужденно оставили эти земли после почти 35-летнего владения. Много партий, отправившихся в эти

края, пропали без вести - с лихвой заплатили наши предки за бескровное приобретение Амура в 1858 году!

Боевое снаряжение казаков в походе состояло из ружей, пищадей и сабель. Пороху и свинцу часто недоставало. Отряды иногда снабжались и пушками - например, партия Хабарова имела две пушки. Особенно правильной системы вооружения не было. Лишь с воцарением Петра I (повелевшего создать из стихийно образовавшегося казачьего "войска" Якутский казачий полк) устанавливается порядок снабжения, отряды становятся многочисленнее, им придаётся артиллерия, запасы боеприпасов. К партиям приписывают матросов и плотников для устройства судов, отпускается парусина.

Аборигены, с коими приходилось иметь дело казакам, оказывали неодинаковое сопротивление.

К более мирным относили якутов (по ясачной книге 1648 года, численностью около 26 тыс. человек), но и те неоднократно ставили казаков в затруднительное положение.

Тот же Бекетов, впервые придя на Лену, был встречен ими враждебно. Отдельные укрепления якутов "взять не могли... зажгли со всеми якутскими людьми". Другой енисейский атаман, Иван Галкин, взял один из якутских

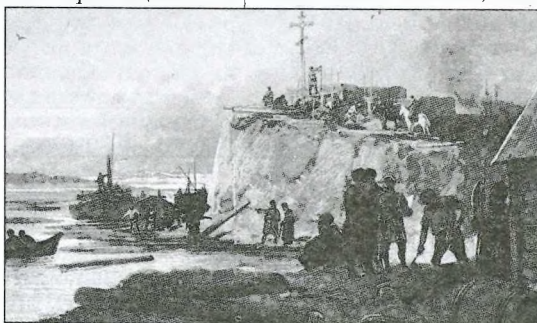


башни Братского острога (рис. П. Бореля, 1877 г.)

острожек лишь на третий день штурма. В начале 1634 года недалеко от Якутского острога местные якуты, разбив казаков, держали его в осаде почти шесть недель. За это покушение якуты были жестоко наказаны - но и после того, до самого конца XVII столетия, не раз бунтовали.

Мирно подчинились русскому влиянию юкагиры и ламуты по Колыме.

Не так скоро покорились ангарские буряты. В отместку за смелый поход казаков в Ангарскую степь 1644 года, буряты три раза нападали на Верхоленский острог, поставленный атаманом Василием Колесниковым. В 1645 году к бурятам вновь отправилась партия казаков - 130 человек; в двух сражениях они были сильнее, но после третьей битвы отступили к Верхоленску. В 1648 году



"Постройка сибирскими казаками крепостей" (с картины С. Каразина)

степь 1644 года, буряты три раза нападали на Верхоленский острог, поставленный атаманом Василием Колесниковым. В 1645 году к бурятам вновь отправилась партия казаков - 130 человек; в двух сражениях они были сильнее, но после третьей битвы отступили к Верхоленску. В 1648 году

буряты большим числом опять напали на Верхотенский острог, уничтожили деревни поселившихся там крестьян. Присланные якутским воеводой подкрепления подоспели вовремя - и тем окончились конфликтные дела с бурятами. Они стали привлекаться и на русскую службу (последнее выступление бурят Дырестуйского сомона - уже против большевиков - вспыхнуло с 30 на 31 мая 1931 года под предводительством Д.-С. Шарапова).

В 1764 году из числа бурятского народа выборочно было сформировано 4 казачьих полка (2400 всадников), из нескольких родов и гуранов (дети от смешанных браков). Крещеных бурят, носивших русские имена, называли "каримы".

Неофициально Бурятское казачье войско звали "сорока-колчаным" - по обязательному количеству стрел в колчане к роговому луку; у всех были и сабли. В штате войска было несколько десятков лам. С 1851 года казаков-бурят одели в форменные шинели и фуражки, заставив обрезать косы. Носили они также папахи, шаровары и ставшее обязательным огнестрельное оружие.

17 марта 1851 года при реорганизации казачьих формирований бурятские и тунгусский казачий полк князя П.П. Гангимура были включены в состав образованного Забайкальского казачьего войска, и с того времени перестали упоминаться как автономные боевые части. Казаки-буряты вошли в новое войско 5-м и 6-м полками. Губернатор Муравьев-Амурский называл их "братскими" - вслед за казаками (звавшими бурят "брацкие").

Племена, жившие по Амуру - дауры, ду(ю)черы и нитки - покорились бы казакам без сопротивления, если бы не Китай. Более серьёзный отпор дали гиляки в устье Амура (где погибла не одна партия казаков), коряки и камчадалы, не раз изменявшие русским.

Но самым воинственным племенем оказались... чукчи! Только один начальник Анадырского острога драгунский капитан (позже майор) Д.И. Павлуцкий разбивал их в ряде больших битв (начало его похода имеет четыре разных даты, самая ранняя - 1730 год).

У чукчей и коряков русские пришельцы представлены в преданиях исключительно как "казаки", причём все известные им народы чукчи не называли собственно людьми. "Человеки" - только казаки и сами чукчи (см. Кузьминых В.И. - "Образ русского казака в фольклоре народов Северо-Восточной Сибири").

Павлуцкий пишет: "Чукчи народ сильный, рослый, смелый, плечистый, крепкого сложения, разсудительный, справедливый, воинственный, любящий свободу и не терпящий обмана, а во время войны, будучи в опасном положении, себя убивают". В "баталиях" проявляли невиданное упорство. Понимая, что не избежать смерти или пленения, мужчины убивали жён и детей, если же мужчин не оставалось, то женщины сами убивали детей, а затем себя. Многие чукчи, от безрассудной ли храбрости, дурости ли, вооружались в битвах лишь кожаными ремнями для связывания будущих пленников.

Остались записи о битве 1772 года у "Чукотского моря" с участием около тысячи воинов тойона Наихню, одетых в "лахташные куяки" (и лишь нескольких - в железные). Вооружение - копья, луки да упомянутые ремни.

Чукки не прочь были разжиться рабами, добывая пленников повсюду, вплоть до налётов в Америку. Набеги их на Анадырск происходят аж до 1855 года!..

\* \* \*

Свидетельства освоения края якутскими казаками - города Якутск, Олекминск, Вилюйск, Жиганск, Средне-Колымск, Амга, Ленск, Покровск... Казаки познакомили жителей Якутии с хлебом и культурой земледелия. Впоследствии Якутский казачий полк был крупнейшим землевладельцем - только в трёх центральных улусах ему принадле-

жало около 10 тысяч пахотных и сенокосных угодий.

От казаков население Сибири познакомилось и с христианством. В острогах казаки всегда ставили часовни, а ос-

нованный ими Спасский монастырь стал крупнейшим на Северо-Востоке страны духовным и культурным центром. С помощью казаков-переводчиков Слово Божье впервые зазвучало на родных языках живущих здесь народов.

С переходом на мирное положение, примерно 500 якутских казаков несут гарнизонную и караульную службу на огромной территории (в том числе на Колыме и Камчатке), исполняют особые обязанности: сбор ясака, содержание пере-

возов на реках, охрана магазинов, контроль транспорта и почтовых трактов, состоят помощниками и переводчиками местных начальников при связях с туземцами, конвоируют заключённых, занимаются оспопрививанием и сбором лечебных трав, даже секут нерадивых учеников в школах...

В своде законов Российской Империи, в Учреждении Управления Казачьих Войск за 1915 год, можно, к примеру, проследить Управление Камчатской казачьей команды, исстари относившейся к Якутским казакам. Служба её казаков состояла в содержании караулов при казённых местах, рассылке по казённым надобностям, с почтами и эстафетами, охране купеческих караванов и прочих поручениях, "какие по обстоятельствам возлагаемы на них будут". При том одежду казаки имели собственную, оружие же и лошадей - от казны; для зимней езды они обязаны были иметь собак...

Появляющиеся утверждения об участии "Якутского казачьего полка" в Крымской войне 1853-56 гг. и в турецких кампаниях - истине не соответствуют. Малая численность якутского казачества, нахождение на далёком востоке страны и едва ли не поголовная вовлечённость в несение внутренней службы такое участие практически исключали. В упомянутых войнах участвовали солдаты Якутского пехотного полка (хотя среди них могли быть и выходцы из казаков). Есть лишь отрывочные сведения об участии в Крымской войне Камчатской и Охотской казачьих команд - да и то речь идёт о боевых действиях на Дальнем Востоке...

Как и во всех казачьих войсках, реальные тяготы службы на востоке России значительно превосходили т.н. "привилегии". Как говорится в докладе Правительствующего Сената 1796 года - "Якутские казаки, отнеся всякую службу в городах и острогах, селений своих не имеют, ни какими выгодами не пользуются, кроме получения жалования и провианта... так что у многих дети питаются мирским подаванием".

В 1822 году, с утверждением Устава о сибирских городских казаках, началось упорядочение общего положения и службы казачества всей Сибири. В глубине территории страны казаки играют всё меньшую роль - государство по-прежнему заинтересовано в них лишь при обустройстве и охране новых границ. Само упоминание о якутских казаках в документах постепенно встречается всё реже (хотя ещё в 1913 году, к 300-летию Дома Романовых, они были одарены царскими милостями); потом грянул переворот 17-го года - и с этого момента Якутские казаки окончательно стали достоянием истории.

Нынешние попытки воссоздания казачества в Якутии - это уже "совсем другая история". Сколь можно понять из переписки с людьми и статей в печати, это потомки казаков других войск, оказавшихся тут в годы советской власти в качестве ссыльных и переселенцев.

А. Азаренков

PS: Говорят, в рамках празднования 375-летия основания Якутска в городе ustanovят памятник казаку Петру Бекетову. Что ж, до сентября ждать недолго - посмотрим!..



"Принятие в подданство сибирских инородцев" (с картины С. Каразина)



казак-зabayкалец



"Ямская служба казаков" (с картины С. Каразина)

## К истории Уссурийского казачества

Эта статья основана на исследовании 1908 года - "Краткий исторический очерк Уссурийского казачьего Войска" полковника А.Ю. Савицкого (в 1917 году - член украинского дальневосточного общества в Хабаровске).

Об образовании собственно Уссурийского казачьего Войска было объявлено в Высочайшем повелении в 1889 году - хотя на самом деле оно существует с 1860 года, со времени образования Амурского казачества, в состав которого входило под названием Уссурийского пешего батальона.

История образования обоих войск состоит в тесной связи с занятием Россией Амурского края, представляя продолжение движения на восток после заключения Айгунского трактата в 1858 году. Тогда же начинается заселение реки Усури семьями забайкальских казаков. Пекинский трактат 1860 года окончательно закрепил край за Россией.

Прибывшие на Усури первые переселенцы (в числе 54 семей) 1 июля 1858 года обосновались при устье реки, образовав три посёлка - Корсаковский, Казакевичевский и Невельской. В следующем году в эти селения прибыла новая партия - 285 семей. На этом переселение казаков на Усури тогда и завершилось, хотя статья 2 "Положения об Амурском Войске" определяла линию казачьих селений от устья Усури по границе вплоть до морского побережья (т.е. фактически до корейской границы, по прямой - около 1200 км).

Переселение казаков на Усури было сопряжено с большими препятствиями - приходилось передвигаться на плотах и лодках со всем домашним скарбом, а скот гнать берегом, покрытым то непроходимой тайгой с вязкими болотами, то дикими неприступными скалами. Лишения, выпавшие переселенцам, были настолько велики, что рассказы стариков-очевидцев иногда можно принять за легендарные вымыслы. Не успев достигнуть к зиме мест своих поселений, многие казаки вынужденно зимовали в пути, без жилищ и почти без продовольствия.

Кроме того, места для поселений выбирались начальством, преследовавшим не хозяйственно-экономические, а административные цели (посёлки для удобства почтовой гоньбы ставили строго в 26 верстах друг от друга) - и многие, достигнув цели путешествия, столкнулись там с новыми лишениями. Посёлки бедствовали до тех пор, пока не было разрешено переселяться на новые места - по выбору самих казаков.

Тяжёлое положение переселенцев подорвало доверие к новому краю, распространившись по Забайкалью в преувеличенном виде. "Усура - гиблое место", - говорил забайкалец, радуясь, что его миновал жребий идти на Усури.

При первоначальном заселении Усури не обращалось внимания на характер местности и привычки поселенцев, и обитатели степных мест попадали порой в девственные леса, а жившие в лесах - в места безлесные. Кроме того, за неимением желающих добровольно переселяться, вербовка (которая началась фактически после третьего сплава, в 1862 году) производилась жеребьёвкой, причём допускалась замена охотниками. В числе последних преобладали не домохозяева, а польстившиеся на выкуп бобыли и бедняки.

Наводнения 1861, 63 и 68-го годов (когда вода поднималась на 9 м!) и сибирская язва 1872 года вконец разорили первых поселенцев, вынудив правительство поддерживать их хлебом и скотом. В результате многие из поселенцев начали смотреть на себя, как на состоящих на иждивении казны, не желая работать: "казна нас разорила, пушай она и прокармливай". Начало хлебопашеству неусыпным наблюдением и крутыми мерами положил командир батальона войсковой старшина Марков.

Однако условия для хлебопашества и скотоводства всё же были малоподходящие. Пашни располагались по лесным прогалинам (названия сохранились до сего дня: Атлановская падь - по фамилии казаков Атлановых, Кислый, Кислов распадок - оренбургского казака Мелентия Кислова, Терская левада). Густая растительность в верховьях речек, питающих Усури, поддерживала постоянную сырость. А тут ещё - обилие полевых крыс, сусликов, бурундуков и прочих грызунов, а также масса мелкой птицы, несметное количество оводов, мошки, слепней, комаров и гнуса, а также ядовитых змей и хищных зверей (забайкальцы сначала не представляли, как справиться с тиграми; первые свои тигрятники появились лет через пять -

тигровые шкуры, добытые уссурийскими казаками, продавались в Хабаровске; после Боксёрского восстания особым шиком считалась тигровая папаха, которую могли носить только награждённые Георгиевским крестом или оружием)... В итоге казаки видели своё спасение в отхожих промыслах: почтовая гоньба, поставка дров на пароходы, рыболовство.

Нельзя умолчать и о попытке правительства увеличить население штрафниками - нижними чинами бывшего корпуса внутренней стражи (каковых на Усури было свыше 800 человек!). В большинстве своём они стали обузой для населения и начальства. Поэтому исключение этого элемента из казачьего сословия 22 мая 1879 года действительно стало "мерой к улучшению быта Амурского казачьего Войска". В составе Войска оставлены были лишь те, кто обязались семьёй и хозяйством.

"Положение об Амурском казачьем Войске" 1860 года определяло, что уссурийское казачье население должно составлять два четырёхротных батальона - действующий и резервный. Но приостановление переселения повляло на то, что при мобилизации 1877 года (в ходе Балканской войны для защиты от вторжения английских экспедиционных сил на Дальнем Востоке) население не смогло сделать этого. Поэтому в 1879 году батальонный округ переименовали в полубатальонный.

Походы уссурийцев в Южно-Уссурийский край в 1877-78 годах были вызваны ожидавшимся разрывом с Англией - при этом казаки могли познакомиться с благоприятными для хлебопашества и скотоводства условиями. Результатом явилось ходатайство о разрешении переселиться на сухопутную границу с Китаем - это район от Ханко и южнее, до Хасана. В 1879 году часть казаков переселились в Южно-Уссурийский край - при этом некоторые посёлки перебрались на новое место до последнего человека.

Лишь благодаря переселению казаки могли достичь того благосостояния, которое встречалось у них в начале 20 века. Вот как характеризовал его А.И. Розов - член комиссии по проверке Уссурийского казачьего Войска в 1902 году, оставивший интересные записки "У казаков Уссурийского края" (именно Розов первым отметил уникальное боевое искусство уссурийцев - метание "китайских кинжалов на изрядное расстояние из самых неожиданных позиций... Умелый казак может из-за головы разрубить ножом почтовую марку, приклеенную к липовой доске, на двадцати шагах"; китайский кинжал - обоюдоострое метательное оружие, с широким листовидным лезвием, сужающимся к рукоятке): "Казаки первенствуют как по количеству лошадей, так равно и по количеству коров, волов и свиней. Казаки преуспевают перед крестьянами и количеством зданий. Внутренность жилья у казаков отличается чистотой".

Южные станицы изобилуют хлебом, а северные рыбой, и между ними идет постоянный обмен продуктами. Оно и понятно. Переселенцы нашли на новых местах все условия для сельского хозяйства, а оставшиеся на Усури унаследовали не только земельные угодья, зачастую разработанные из-под непроходимой тайги, но и доходы от почтовой гоньбы и поставки дров на пароходы, которые ранее приходились на большее число работников.

К началу 20-го века на Усури ежегодные лесные пожары и вырубка лесов сильно разредила последние, уменьшив обилие влаги. Болота и мокрые луга обратились в удобные сенокосные участки, уменьшилось и число вредных птиц, грызунов, змей, мошки; хищные звери тоже отделились от жилья человека.

К этому прибавим, что и заработки местного населения, помимо сельского хозяйства, сильно увеличились - этому способствовала прошедшая вдоль реки железная дорога.

До учреждения Приамурского генерал-губернаторства об уссурийских казаках как бы забыли. Малочисленность населения влияла на то, что все, способные к военной службе, несли таковую, а остающиеся дома прозябали под тяжестью натуральных повинностей. Но вот в Хабаровске появляется барон Андрей Николаевич Корф (с 1884 года - первый губернатор Приамурья). Ряд мер свидетельствует о том, что он недаром принял на себя звание Войскового Атамана. Однако его проект усилить казачье население за счёт крестьян-переселенцев был сначала отвергнут.

Только в 1895 году наказной атаман генерал Унтербергер (военный губернатор Приморской области и выдающийся исследователь Дальнего Востока) принял в войсковое сословие несколько семей потомков запорожских казаков, положивших основание впоследствии многолюдному украинскому посёлку Павло-Фёдоровскому. С легкой руки запорожцев потянулись в казаки и другие переселенцы (только в 1906 году - свыше 4 000 чел.).

После барона Корфа генерал-лейтенант С. М. Духовской (в 1893-98 гг. Приамурский генерал-губернатор, Войсковой Атаман Приамурских казачьих войск) продолжал вникать в нужды казачьего населения. Он пришёл к выводу, что для 6 000 душ не рационально содержать войсковую администрацию.

Сознавая необходимость существования на границе казачьего населения, Духовской добился Высочайшего повеления об усилении Войска переселенцами из Забайкальского, Донского, Оренбургского, Кубанского и Терского казачьих Войск (а также несколько семей уральских казаков - впрочем, эти уже через несколько лет вышли из казачьего сословия и занялись рыболовством; один из них, Фёдор Гладилин, стал состоятельным купцом; в эмиграции жил в Харбине, потом - в Америке, где тоже занимался рыболовством). Переселение началось с 1895 года и велось до войны с японцами довольно энергично - в течение десятилетнего срока войсковое население области увеличилось почти вдвое.

В 1894 году губернатор передал в пользование Амурскому и Уссурийскому войскам 14 927 000 десятин земли - т.н. "отвод Духовского". Чтобы его заселить, по самым приблизительным подсчетам, нужно было бы переселить сюда три Оренбургских казачьих Войска (!).

Крайне пестрый состав населения Уссурийского Войска не помешал ему слиться в плотную самобытную общину. По мнению Савицкого, для дальнейшего его развития нужно было только вывести войсковых казаков из разряда "исключительно повинных", каким оно состояло в начале прошлого века по сравнению с остальным населением области - привязанность к военной повинности автор рассматривал как ограничение казаков в гражданских правах.

До 1879 года население Уссурийского казачьего войска было подчинено военному губернатору Приморской области - и в военном, и в гражданском отношении. В 1879 же году в военном и военно-административном отношении население это подчинили Атаману Амурского казачьего войска (находящемуся в Благовещенске - за две 2 с лишним тысячи километров - военному губернатору Амурской области), а в гражданском - военному губернатору Приморской области.

Неудобство подобного раздвоения подчиненности было создано первым наказным Атаманом Приамурских казачьих Войск, и результатом было выделение сравнительно ничтожного по численности населения в отдельное Войско, с подчинением его военному губернатору Приморской области, по званию наказного Атамана Уссурийского казачьего Войска. В 1890 году состоялось Высочайшее повеление о реформировании пешего полубатальона в конный дивизион, а на следующий год молодое Войско приняло у себя Августейшего Атамана, который сказал станичникам, что "среди уссурийцев он чувствует себя как дома".

В 1895 году по мобилизации, вызванной японо-китайской войной, Войско выставило уже трехсотенный дивизион. В 1900 году - трехсотенный дивизион на усмирении Боксёрского восстания в северной Маньчжурии. В 1904-05 году уже шестисотенный полк работал на полях Маньчжурии.

За верную службу в 1897 году дивизиону было жаловано знамя (Войску - в 1907 году). Кроме того, тогда же пожалована была атаманская насака - эмблема Атаманской власти.

Возможно, история Уссурийского казачьего Войска не блещет выдающимися фактами военной жизни. Но ему выпала великая миссия первого пионера в пустынном краю. Перенесённые лишения и упорный труд выработали твердого духом казака - надежного воина и колонизатора.

А.Ю. Савицкий видел для уссурийцев большое будущее: "На Уссурийское Войско в настоящем его размере следует смотреть как на кадр для будущего казачьего Войска, поставленного на страже интересов Российской Империи на отдаленнейшей ее окраине". Жаль, что всё так резко и непоправимо было оборвано в 1917 году...

## Оренбургские приморцы

Переселение как элемент государственной политики использовалось разными странами, в разные времена и с неодинаковой эффективностью. В России переселение практически всегда использовалось сначала в интересах власти, а уж потом - населения. Так, после полного разгрома, учинённого в Новгороде, Иван Грозный переселил остатки новгородской аристократии в Подмоскovie, дабы полностью лишить ее политического влияния, а затем - и связей с исторической родиной. На новгородские же земли переселили московское обедневшее дворянство (от одного из них, по прозвищу Пуца, идёт род Муравьева-Амурского).

С началом колонизации Сибири интересы значительной части общества и государства в общем совпали: после дикого беспредела, учинённого Грозным в стране, появились огромные толпы "гулящего люда", стремившегося бежать из родных мест. Ко всем прочим восточным территориям добавился разгром Новгорода - а он владел территориями, превышавшими собственно Московские в несколько раз, разгром Казани и Астрахани, ничем не завершившаяся Ливонская война - в общем, кризис государственной системы исторг из своих недр силу, ставшую главным колонизатором необъятных земель за Уральским камнем. Так появилось сибирское казачество - первая и долгое время наиболее многочисленная социальная группа сибирского населения, в 18-19 веках расселившаяся от Урала до Уссури и сведенная в единые Войска.

Сама идея продвижения России на Амур была продиктована жесткой необходимостью противостоять Англии на стратегически важном направлении. Расширение английской экспансии в Китае создавало угрозу Забайкалью - единственному к тому времени месту золотодобычи в стране. Между Забайкальем и океаном, откуда наиболее реально могла грозить владычица морей, необходимо было создать пояс безопасности, населенный в первую очередь военным контингентом. Причём необходимы были не только защитники края, но и его будущие хозяева.

Первыми переселенцами на Амур и Уссури стали казаки-забайкальцы, положившие начало казачьим династиям Федореевых, Зыряновых, Черных, Шимановских. Из забайкальских казаков происходил и один из самых известных владивостокских предпринимателей, бывший даже городским головой, Иван Иннокентиевич Циммерман.

Первые забайкальские переселенцы основали три посёлка ещё в 1858 году - сразу после заключения Айгунского договора с Китаем. К 1864 году на новые земли были переселены 16,4 тысячи казаков-забайкальцев и причисленных к войску штрафованных нижних чинов. В Приморскую область переселили более 5 тысяч казаков, расселив их в местах малопригодных для хозяйственной деятельности, но весьма удобных с точки зрения военно-административной.

Вообще переселение было сопряжено с колоссальными трудностями: первые 10 лет переселенцы голодали, смертность была очень высокой. Лишь к началу 80-х годов положение начало исправляется - казаки стали селиться в местах, относительно пригодных для земледелия и скотоводства.

Но переселением одних только забайкальцев решить задачу по заселению громадных территорий от Благовещенска до Кореи было невозможно. Было принято решение о переселении на Дальний Восток казаков других Войск - прежде всего уже выполнивших свою приграничную функцию, а также оттуда, где казачьему населению не хватало земли. Тем более, что условия для этого уже были созданы - ходили на постоянной линии Одесса-Владивосток пароходы Добровольного флота, было принято и решение о строительстве железной дороги через всю Сибирь (и защита этого строительства от хунхузов была совсем нелишней). Кроме того, для строительства дороги предполагалось привлечь несколько тысяч каторжан - и за ними нужен был присмотр.

В начале 90-х годов 19-го века Государственный совет принимает решение о переселении казаков с целью увеличения численности казачества. Значительную роль в принятии этого решения и его реализации сыграл Приамурский генерал-губернатор Сергей Михайлович Духовской. Именно он исходатайствовал Высочайшее повеление об усилении Уссурийского казачьего Войска переселенцами из Забайкальского, Донского, Оренбургского, Кубанского, Терского и Уральского казачьих Войск. Предвидя необходимость обеспечения новых переселенцев земельными наделами,

Духовской передал в пользование Амурскому и Уссурийскому казачьим Войскам 14 927 тысяч десятин земли.

Начиная с 1895 года в Войсках, назначенных для переселения, началась активная агитация казаков. В Оренбургском Войске эта кампания проходила под непосредственным руководством губернатора и Наказного Атамана ОКВ Владимира Ершова.

Закончивший в свое время с золотой медалью юридический факультет Берлинского университета, он сделал блестящую военную карьеру: от унтер-офицера Лейб-гвардии гусарского полка до Наказного Атамана второго по численности казачьего войска России, куда он был назначен в 1892 году. Ему пришлось преодолеть последствия жестокого голода, связанного с неурожаем 1891 года, создавать неприкосновенные хлебные запасы, прилагать значительные усилия для налаживания хозяйственной деятельности в губернии в условиях земского самоуправления - что было совсем непросто. И со всем этим губернатор справился с блеском - за семь лет его правления бюджет губернии увеличился в 21 раз, а сумма долгов сократилась втрое!..

В благодарности Оренбургскому Атаману Ершову его избрали почетным стариком Оренбургского поселка Уссурийского казачьего Войска.

Ершов понимал, что для многих казачьих семей, пострадавших от неурожая, переселение на Дальний Восток - единственное спасение. Желавших сразу выявилось немало - однако отбирали в основном семейных и "благонравного поведения". После оформления всех необходимых документов, отобранные семьи исключались из списков Войска, грузились за казённый счёт на поезд и через Самару - Царицын - Воронеж - Харьков следовали в Одессу, где проходили карантин и ожидали погрузки на пароходы. Им предстоял более чем двухмесячный путь через два океана и новая жизнь в совершенно неведомом краю.

Генерал Унтербергер приводит интереснейшие данные из Закона от 3 июня 1894 года о заселении пограничной полосы Приамурского края, прилегающей к Сибирской железной дороге. Казакам определялось:

1) семьям Донского и Оренбургского казачьих Войск, переселившимся в Приморскую область, отводятся в пределах округа Уссурийского казачьего Войска земельные наделы, на точном основании Закона 21 апреля 1869 года о поземельном устройстве в казачьих Войсках;

2) переселившиеся освобождаются от земских повинностей на три года со времени водворения их в округе, а в тех случаях, когда это будет признано со стороны Войскового Атамана возможным, они освобождаются на один год с того же времени и от станичных повинностей;

3) казаки, входящие в состав переселившихся семей, освобождаются в течение пяти лет со дня их водворения от службы в первоочередных частях. Те из означенных казаков, кои, со времени переселения их семей, будут уже находиться в означенных частях, освобождаются от оной. Все переселившиеся казаки, принадлежащие по возрасту к первой очереди, отбывают ежегодно учебные сборы.

Первые денежные суммы на переселение были выделены Комитетом Сибирской железной дороги. Средства шли на перевозку семей и их груза, кормовое довольствие, годовой провиант и ссуду в 600 руб., каждой семье на обзаведение, с выделением из этой суммы в безвозвратное пособие по 50 руб. на лошадь каждому строевому казаку, вне зависимости числа их в семье. Переселение каждой семьи обходилось казне около 700 руб., не считая ссуды.

По прибытии во Владивосток, казаки размещались в переселенческих бараках на Эгершельде. Сразу же отправлялись выборщики искать место для посёлка - по забайкальской традиции, именно так называли казачьи поселения. Донское "хутор" не прижилось, поэтому земляков здесь звали не хуторскими, а посёлщиками.

Подходили к выбору земли казаки по-разному: изголодавшиеся оренбуржцы искали прежде всего пахотные земли, стремясь их распахать даже до строительства жилья. Они хорошо помнили недавний голод. Донцы стремились поселиться в местах, железной дорогой. Основанные переселенцами, до сих пор стоят на нашей земле посёлки Оренбургский, Сальский, Муравьев-Амурский, Медведицкий, Ново-Качалинский, станица Донская...

Несколько лет спустя переселенцы уже как уссурийские казаки приняли участие в Китайской войне (так здесь на-

зывали Боксёрское восстание), затем в русско-японской и первой мировой войнах... После гражданской войны многие из них ушли за кордон и рассеялись по всему свету - от Югославии до Австралии.

Кстати, оренбургская линия еще раз мелькнет в истории Приморья: именно с Русского острова уходили в эмиграцию последние кадеты и преподаватели Неплюевского кадетского корпуса. Предания старожилов острова утверждают, что громадную ценнейшую библиотеку вывезти не успели, и она до сих пор спрятана где-то там...

Наше время во многом своеобразно. Это время собиранья и созидания, восстановления утраченного и поисков забытого. Многие нынешние россияне ищут и находят корни собственного рода, стараются узнать, откуда пошла их фамилия. Благодаря помощи сотрудников Оренбургской областной научной библиотеки мы можем представить читателям фамилии казаков Оренбургского казачьего Войска, переселившихся в Уссурийский край в 1896-97 годах. В предлагаемом перечне - главы 50 семей 1 военного отдела ОКВ, на основании приказа 209 1896 года исключённых из его списков, как переселившиеся в Уссурийское казачье войско.

1. казак Николай Матвеевич Жирнов
2. урядник Григорий Тихонович Плетнев
3. казак Николай Тарасович Ропганов (или Ропганов)
4. урядник Павел Петрович Астафьев
5. казак Андрей Тимофеевич Загребин
6. урядник Николай Иванович Кравцов - первый
7. урядник Василий Иванович Кучеров
8. урядник Игнатий Ильич Шевцов
9. урядник Константин Васильевич Помилуков
10. казак Иван Максимович Светлов
11. казак Василий Фёдорович Мирошников
12. казак Григорий Николаевич Назаров.
13. урядник Илья Степанович Золотарев
14. казак Трофим Иванович Шевцов - первый
15. казак Андрей Фомич Шевцов
16. казак Михаил Степанович Золотарев
17. казак Василий Данилович Кладов
18. казак Василий Малофеевич Лихачев
19. казак Василий Константинович Шевцов
20. казак Иван Егорович Бобряшев
21. казак Константин Яковлевич Кокалевский
22. казак Дмитрий Матвеевич Куцев
23. казак Пётр Васильевич Шевцов
24. казак Тимофей Миронович Ширин
25. казак Кузьма Афанасьевич Светлов
26. казак Трофим Иванович Шевцов - второй
27. казак Егор Степанович Золотарев
28. казак Василий Лукьянович Жильников
29. казак Тарас Павлович Погребняков
30. бомбардир Михаил Степанович Горохов
31. казак Степан Григорьевич Сидоров
32. казак Степан Константинович Осипов
33. гражданин Пётр Васильевич Ляпин
34. казак Иван Степанович Горбунов
35. войсковой гражданин Егор Лаврович Лозовой
36. казак Егор Павлович Лозовой
37. бомбардир Тимофей Иванович Гункин
38. казак Василий Петрович Заикин
39. войсковой гражданин Яков Корнеевич Заикин
40. казак Евграф Григорьевич Стрижков
41. казак Матвей Фёдорович Фоменков
42. казак Даниил Карпович Куликов
43. казак Константин Иванович Еремин
44. казак Семён Тимофеевич Журавлёв
45. урядник Матвей Алексеевич Начевный
46. казак Гавриил Астафьевич Фоменков
47. казак Порфирий Сергеевич Салманов
48. казак Андрей Алексеевич Гребенщиков
49. казак Фёдор Иванович Столбоушкин
50. казак Андрей Романович Столбоушкин.

Кто знает, какой была судьба тех казаков?.. Когда-то Конфуций призывал "достойных мужей" уметь не забывать предков, дабы было чему учить потомков. Может, кто из дальневосточников найдет в списке свою фамилию. И будет помнить славных предков, и научит тому же своих детей и внуков. Чтобы не прерывалась нить поколений и единство Русской Азии - от Оренбурга до Владивостока.

М. Кутузов

## Прусские казаки



В Берлине во время 2-й Мировой войны журнал "На казачьем посту" (2 за май 1943 г.) привёл интересные факты создания в немецкой армии начала 19-го века **казачьей части из прусских воинов**.

История эта "всплыла" в 1900 году на международную парижскую выставку. Германский отдел, вместе с другими экспонатами, представил прекрасно сделанные манекены немецких солдат в формах последних двух столетий. Из 83 фигур особое внимание привлекал усатый немец в казачьей форме с пикой. Ошибка заключалась - одевались фигуры под руководством знаменитого униформолога профессора Кнотеля.

...В 1813 году Германия восстановила свою независимость. Как союзники России, немцы участвовали в военных действиях против наполеоновской Франции, а Император Александр I и прусский король Фридрих-Вильгельм были в дружественных отношениях. Слава казаков атамана Платова тогда гремела по всей Европе, и вот в том же году по приказу Фридриха-Вильгельма в прусской армии создаётся **Гвардейский казачий эскадрон** - с вооружением и обмундированием, почти полностью перенятым у донцов.

Прусские казаки носили чёрного курпее шапки с красным верхом и белым султаном, этикетки у офицеров серебряный, у казаков белый. Тёмно-синяя куртка застёгивалась на крючки и петли, на её вороте и обшлагах красный кант, с каждой стороны ворота и на обшлагах по две белых (у офицеров - серебряных) петлицы. Эполеты офицеров серебряные, у казаков - бронзового цвета, поле тёмно-синее. Брюки тёмно-синие (похожие на шаровары) с красными лампасами. У нижних чинов пояс белый, офицеры повязывали серебряно-чёрный шарф. Ремни амуниции были чёрного цвета; пистолеты носили через правое плечо, патронную сумку - через левое. На крышке сумки гвардейская звезда: у офицеров - серебряная, у казаков - бронзовая. Сабля с чёрным кожаным темляком носилась на левом боку, казачьи пики были без флюгарок.

Прусские казаки даже участвовали во взятии Парижа в 1814 году. Затем их переформировали в гвардейские кирасиры, положив основание его 4-му эскадрону. **П. С. (К)**



## Терцы и Уральцы в Великой войне

О "неудачном использовании командующими армиями" русской кавалерии в сражениях Великой войны говорят довольно часто. И 1916-й год - не исключение. В связи с Луцким прорывом и летним наступлением, например, вспоминают упреки командующего армией фронта генерала Брусилова генералу Каледину - что при выборе направления "*конница хочет прорываться работой пехоты*". Однако многочисленные документы свидетельствуют - казачьи части Русской Императорской Армии, на дивизионном и полковом уровне, с поставленными задачами справлялись великолепно. Казаки вырвали русского солдата и добывали славу в атаках впереди пехоты. Участие в боях весны-осени 1916 года полков Кубанского, Терского и Уральского Казачьих Войск, боевая работа офицеров и казаков достойны своей странички в военной истории России.

На ней - росчерки стремительных атак сотен генерала Краснова, пролагавших путь войскам в Луцком прорыве. "Изрезана" она и затычными штыковыми и шашечными сражениями спешенных казаков в заснеженных Карпатах. Той глубокой осенью, казалось, ушли от Терцев их набег с генералом И.З.Хорановым, знавшим лишь заповедь "*Атака нада!*" и гнавшим врага, не давая ему опомниться. На смену лихим атакам пришли схватки за каждую высоту, где, зацепившись за каменные глыбы, надо было продвигаться дальше и выше.

В майском наступлении Уральцы 1-го полка понесли самые большие за всю войну потери. Отец одного из погибших казаков прислал командиру полка поразительное письмо, строки из которого тот привёл в приказе: "*Счастливы, что единственный сын наш приказный веренного Вам полка 5 сотни Федот Верин пал на поле брани за Царя и Отечество. Сам я беден, стар, предпринять что-либо не могу. Вся надежда к существованию у нас была на единственного сына нашего, жить и кормить нас ему, сложившему свою голову за Веру, Царя и Отечество - не пришлось, но, мы, повторяем, счастливы услышать, что сын наш Федот пал смертью славных, подержав славу Уральцев, из коих он сам*". "Жив еще дух казачий, - отмечал командир, - и будет жить, имея за ручкой на Урале таких сильных духом стариков-казаков, а молодым вот мой приказ: "*Держи им в затылок!*" Старики издавна пользовались особым авторитетом у казаков, их мнение учитывалось при принятии важных решений - недаром после 1917-го именно их в первую очередь уничтожали красные...

В 48-м номере "Станицы" мы привели фрагменты о Кубанцах из новой книги П.Н.Стрелянова (Кулабухова), Ф.С.Киреева, С.В.Картагузова "**Кубанские, Терские и Уральские казаки в наступлении Юго-Западного фронта 1916 г.**" Продолжаем - о Терцах и Уральцах. **П. С.**

### 1-й Волгский Е.И.В. Наследника Цесаревича полк ТКВ Не меньше запомнилось Волгцам и 21 июля 1915 г. Сводно-казачья дивизия получила приказ: какими угодно средствами задержать наступление немцев - пехотные полки корпуса, обесиленные и расстроженные, отходили, несмотря на помощь спешенных сотен 16-го и 17-го Донских полков.

В 1-м Волгском полку в 1914 г. число "11" считалось роковым. В этот день полк нёс кровавые потери: 11 августа - у города Монастржиска, 11 сентября - за перевал Ужок, 11 ноября - у села Токошаны и 11 декабря - у села Ветржно.

11 сентября сотни Волгцев при поддержке Оренбургского артиллерийского дивизиона и сотен 16-го Донского полка под общей командой войскового старшины Г.А.Вдовенко сбили заслон австрийского пехотного полка, захватили 5 орудий с передками, упряжью и снарядами и взяли в плен более 300 австрийцев при нескольких офицерах. Насколько ожесточённо проходила схватка одной из сотен с австрийцами, свидетельствовал офицер полка: "*...все казаки были переранены. Подесаул Негоднов ранен в плечо. У хорунжего Николая Зимина пуля разбивает клинок шашки и обжигает руку. Сотник Агоев ранен пулей в грудь... Хорунжий Зимин подбегает к сотнику Агоеву, помогает ему подняться и спуститься в овраг, в лес. При этом отходе сотник Агоев получает второе ранение в плечо, а у хорунжего Зимина пулей разбита ручка нагана*".

За храбрость и отвагу в деле 11 сентября войсковой старшина Вдовенко и есаул Бегиев были награждены Георгиевским Оружием. Этим же приказом за бой в ночь на 5 августа Георгиевское Оружие получил сотник К.Агоев. Все трое - будущие генералы Белого Движения.



подесаул  
В.К. Агоев

В фольварке Гродек ген. Краснов приказывает есаулу А.Негоднову - командиру дивизиона 1-го Волгского полка: в конном строю пройти цепи нашей пехоты, ободрить её и атаковать немцев, имея направление вдоль горящей деревни Чукчица. На единственный вопрос Негоднова: "*Проходим ли местность?*" - получил ответ. - *Да, с Богом, кресты за вами!*"

Есаул Негоднов назначил в первую линию 2-ю сотню подбесаула Серикова, во вторую - 6-ю сотню хорунжего Кулеша, шедшую уступом справа за 2-й. Своё место указал между сотнями. Казаки, сняв шапки, перекрестились и молча двинулись вперед. 2-я сотня, перестроившись для атаки лавой, молча продвигалась вперед. Пройдя окопы нашей пехоты и встретив немецкие цепи, сотня с гиком бросилась на них. 6-я сотня, перестроившись разомкнуто по-полусотенно и двигаясь уступом, справа за 2-й сотней в 300-х шагах, тоже атаковала немцев.

Генерал Краснов, скакавший с адъютантом и ординарцами за сотнями, так описал ночной бой: "*От луны и пожара в деревне Чукчице было светло, несмотря на то, что июльская ночь уже наступила. Мягкий луг очень полого спускался куда-то вдаль. Несколько миллионов мы скакали в полной тишине. Сотни скрылись в*



сумраке обманчивого лунного света. Потом, вдруг, сразу затрещали ружья, и забил свою редкую строчку немецкий пулемёт, сейчас же раздался неистовый гик и крики "ура" - Волгцы бросились в атаку. Стрельба продолжалась недолго, потом снова стало тихо, где-то в отдалении опять прогремело ура, раздалось еще несколько выстрелов и все смолкло. Навстречу нам стали попадать пешие казаки, потерявшие убитыми коней, идущие назад.

- Наши ну побили... Всех... Чисто... Хорунжий Кулеш убит... В ихний окоп, сказывают, свалился, кинжалом оборонялся, да очень много на его навалилось, казаки, значит, не поспели на помощь... На штыки подняли... - быстро на ходу рассказывали они нам.

Мы переехали окопы. Много лежало там немецких тел и совсем почти не было видно наших. И главное: тишина кругом, лунный свет и зарево пожара слева. Мы ехали совсем одни, но не было страшно. Уже чувствовался тот неуловимый запах победы и отсутствие неприятеля, что давало отрадное спокойствие. Так мы проехали должно быть около трех вёрст, когда вдаль показалась темная колонна конницы. Есаул Негоднов собрал свои сотни и вел их назад".

Появление казаков было так неожиданно - ночь прикрыла их - что немцы подпустили первую лаву без выстрела. Казаки, проскакивая через немецкие цепи, рубили их.

За первую оказалось ещё до шести немецких цепей. Каждый казак теперь был предоставлен самому себе. Луна и зарево пожара, хотя и освещали достаточно, чтобы видеть вокруг себя, но вдаль всё скрывалось в голубом лунном сумраке. Управлять частями стало невозможно. Вот тут и ска-

зались отличные качества терских казаков, которых никаким обучением добиться нельзя. Ни ночная обстановка, ни множество неприятеля, раз в шесть превышавшего числом наши две сотни, ни отсутствие команд не смутили казаков. Каждый знал - чем больше он поразит неприятеля, тем скорей достигнет победы. Рубили шашками, стреляли с коня в упор из винтовок по залегшим пехотинцам, свалившиеся с раненых и убитых лошадей хватились за кинжалы, наконец, просто дрались кулаками и зубами...

2-я сотня проскакала первые цепи немцев почти без потерь, но порубить всех не смогла. Лава шла жидко, цепи же лежали густые. Оставшиеся нетронутые немцы встретили страшным огнем шедшую на уступе 6-ю сотню. Откуда-то справа, с бугра зачастил пулемёт, нанося потери казакам. Командующий сотней хорунжий Кулеш свалился с убитого коня и был окружён немцами. Он рубился шашкой, пока та не сломалась, затем кинжалом, пока не был убит. Младший офицер 2-й сотни хорунжий Борис Вдовенко (второй сын полковника Г.А. Вдовенко) был ранен, но остался в строю. Под вахмистром 6-й сотни Старицким пал убитый конь. Шашка была подмята под лошадь и сорвана. Немцы целой толпой навалились на Старицкого. Он выхватил кинжал и бросился в их толпу, прокладывая себе дорогу кинжалом и распахивая ногами. Младший урядник 2-й сотни Богаевский, потеряв коня убитым перед самыми окопами, бросился бегом за казаками, крича: "Братцы, коня!.. Коня мне какого ни на есть дайте!.. Я им покажу", - и пеший врубился в немецкую цепь.

Всего атаковало немцев в двух сотнях - 191 шашка. Есаул Негоднов прошёл наметом около четырёх вёрст, рубя бегущих немцев, и остановился, лишь дойдя до сильно болотистого ручья, через который шла одна очень узкая гать... Задача была выполнена, шёл одиннадцатый час ночи, и было ясно, что немцы не скоро оправятся.

Ночной атакой 21 июля 1915 г. 1-й Волгский полк вписал новую страничку в историю Войска. 2-я и 6-я сотни были представлены к отличию на папахах с надписью "За ночную атаку 21 июля", командир дивизиона есаул Негоднов и командиры сотен подесаул Сериков и хорунжий Кулеш получили орден Св. Георгия 4-й степени, хорунжий Вдовенко - Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом. Все казаки сотен получили Георгиевские кресты или медали, что показывает, какое значение имела атака в оценке командования.

В другом источнике П.Н. Краснов пишет, что в ту ночную атаку вместе с Волгцами бросились и шесть сотен Линейцев, отмечая: "На пять суток было остановлено наступление немцев, морально потрясённых ночью дерзкой атакой казаков. Казаки остались на завоёванном поле и простояли

одни эти пять суток, дав возможность нашей пехоте пополниться, устроиться и укрепиться на новых позициях".

С марта 1916 г. 1-м Волгским полком командовал полковник А.С. Туроверов, кавалер Георгиевского Оружия.

Есаул В.К. Агоев - командир сотни, в ноябре 1916 года стал помощником командира полка. В гражданской войне, в боях под Воронежем 1919 года этот доблестный офицер, тогда начальник 1-й Терской дивизии, запомнился очевидцу, как "небольшого роста и хорошо сложенный, типичный горец - изящный, легкий, подвижный и щегольский". Погиб генерал-майор Владимир Агоев в конной атаке в Северной Таврии в 1920-м.

Три брата Зиминь. Константин - хорунжий, погиб в 1914 году. Михаил - получил Георгиевское Оружие, участник Белого Движения, войсковой старшина, в 1945 году арестован СМЕРШ и отправлен в лагерь. Николай участвовал в Белом Движении, полковник, сражался во 2-й Мировой войне в рядах Русского Корпуса.

Три брата Лавровы - Борис, Евгений и Сергей Георгиевичи. Самый известный из них Сергей, прикомандированный из полка к Собственному Е.И.В. Конвою, хорунжий Л.-Гв. 3-й Терской сотни, участник Белого Движения, есаулом выдан советским органам в 1945-м.

Есаул К.С. Лотиев - командовал сотней до 22 июля 1915 г., когда получил тяжёлую контузию, награжден Георгиевским Оружием за взятие батальона противника 11 сентября 1914 г.; штаб-офицер 1-го Кавказского полка ККВ в 1916-м. В Белом Движении полковник, командир 3-го Горско-Моздокского полка, умер в эмиграции.

В Луцком прорыве 1916 года, после первой атаки 26 мая, под сильным обстрелом Волгцы медленно отошли к своим окопам, понеся большие потери: было ранено 17 офицеров, в том числе контужен командир полка полковник Туроверов, убито 8 и ранено 60 казаков.

В ночь с 26 на 27 мая у деревень Вулька Галузийская и Галузна полковник П.К. Токарев - в прошлом офицер С.Е.И.В. Конвоя, с шестью сотнями, без выстрела в пешем строю под сильным ружейным огнем бросился на неприятельские окопы и, выбив из них противника, удерживал окопы до конца боя, отбив все атаки австрийцев.

Подвиги Волгцев должны были быть вознаграждены. Полковник Н. Зимин вспоминал: "Утром 30 июля, меня, как полкового адъютанта, будит посылный и подает телеграмму, в которой 2-й Донской казачий полк поздравляет нас с получением шефства Наследника Цесаревича, которое получили и они. Для меня это было полной неожиданностью. Радостно взволнованный, бужу сотника Вдовенко. Мы спешно одеваемся и начинаем обходить с ним командиров сотен, будя их радостной вестью и собирая всех офицеров. Вызвал хор трубачей. Под звуки полкового и Атаманского маршей, господа офицеры, во главе с помощником командира полка полковником Токаревым, идет поздравить командира полка с Высочайшей милостью. В тот же день в село Лишневку прибывает начальник дивизии генерал Краснов с офицерами Донской бригады".

"Я поехал в полк, - продолжает генерал Краснов. - 1-й Волгский полк, нарядный, в новых серых черкесках и черных папахах с голубыми верхами, стоял в церкви села Лишневка. Неподдалеку гремели пушки - в 10 верстах была линия фронта. Полк взял на караул. Я читал телеграмму Императрицы, и плакали слезами радости лица Волгцев и качались шашки в железных руках казаков".

Получение шефства праздновали в полку три дня. Гремела музыка, в сотнях пели песни, в офицерском собрании - непрерывные гости с поздравлениями.

25 августа 1916 г. в день Войскового праздника Терского Казачьего Войска на большой поляне среди старого соснового леса состоялся парад 1-го Волгского полка в присутствии командира IV-го конного корпуса генерала Гилленшмидта и начальника дивизии генерала Краснова. Пропущенная мимо себя 1-й взвод 1-й Наследника Цесаревича сотни, оба генерала встрепенулись и обратились к командиру полка с вопросом - на фоне синих погон они вдруг увидели одного казака в жёлтых. Командир полка объяснил, что этот кадет, окончивший Владикавказский корпус, прибыл в полк к отцу, т.к. приём в Николаевское кавалерийское училище будет только 1 октября. Это был Дмитрий Вертепов - будущий офицер Дивизиона С.Е.И.В. Конвоя и 1-го



хорунжий  
В.Г. Вдовенко

Казачьего полка во 2-й Мировой войне, редактор журнала Союза чинов Русского Корпуса "Наши вести".

После парада, в импровизированном офицерском собрании - стол под сосновыми ветвями строевого леса - состоялся торжественный обед. Сверху доносились звуки мотора германского самолета, пускавшего короткие пулемётные очереди невидимому врагу, а здесь хор трубачей в синих черкесках и белых папахах исполняет увертюру из "Аиды". Затем, как обычно, трубачей сменили песенники - запела зурна, зазвенели тарелки, забухал тулумбас и понеслись слова, так отвечавшей боевой жизни Волгцев песни: - *Любим драться со врагами, // Пуле пулей отвечать, // После боя, пред кострами, // На биваке пировать...*

Песню сменила лихая и темпераментная лезгинка на носках, с кинжалами и стрельбой.

5 октября 1916 года, в день Св. Алексия, делегация полка была удостоена Высочайшего приема и милостивой беседы с Государем Императором в Царской Ставке в Могилеве. Потом делегация снялась на фото со своим Шефом - Наследником Цесаревичем, одетым в форму полка - синюю черкеску и при оружии, поднесенные Ему полком. В состав полковой делегации входили: вр.ид. командира полка полковник П. Токарев, полковой адъютант - подесаул Н. Зимин, командир 5-й сотни - есаул В. Гажеев и вахмистр 6-й сотни подхорунжий Р. Глухов. За время отсутствия полковника Токарева полком командовал войсковой старшина В. Агоев.

"Мне было страшно представляться Русскому Царю, - вспоминал подхорунжий Глухов. - *Кругом сплошные генералы. Мы в парадной форме. Стою и волнуясь. Вышел Царь. Я совсем оробел. И когда дошла очередь до меня, и на меня глянул Царь, небольшого роста полковник с добрыми и ласковыми глазами - весь страх сразу как-то прошел.*

*Я отпартовал, честь-честью по всем правилам воинского устава. И вдруг Царь, совершенно запросто, с мягкой улыбкой стал меня расспрашивать о нашем полку. Я ему отвечал без всяких колебаний, даже говорил то, о чем Он и не спрашивал. Царь всё слушал и всё улыбался. Улыбались и генералы.*

*Государь говорил со мною, ей-Богу, наверно, минут пять. А потом... подал мне руку. Я так растерялся от этого, что не знал - что же мне делать! Быстро глянул на своего командира полка, а тот мне "морг одним глазом", т.е. - *подай руку. Я и подал и крепко, по-военному, пожал руку Царю ... а Он ещё более улыбается...**

*"Я ждал, что меня произведут в прапорщики... Так хотелось... - добавляет он. - Но почему-то не произвели".*

*"Потом был обед за царским столом - и с самим Царем. Меня, как нижнего чина, посадили тут же за отдельный столик, но еду и всевозможные напитки подали с царского стола. Я ел и пил только водку, но глаза и уши мои были за царским столом. Очень интересно это было..."*

В "сражениях и пирах" прошёл Великую войну в 1-м Волгском полку подхорунжий Р.А. Глухов, заслуживший полный Георгиевский бант и четыре Георгиевские медали. С войны вернулся на Терек прапорщиком, выбран членом Войскового Круга от полка. Большевики заняли Терек, он арестован, сидит в кисловодской тюрьме с генералами Рузским, Радко-Дмитриевым и Кубанским Атаманом генералом Бабычем. Полковник Шкуро сделал налёт на Кисловодск, и Глухов ушёл с партизанами. В 1918-м, когда Кубанские части Добровольческой Армии освободили Пятигорский отдел, а потом и весь Терек, родная Ессентукская выбрала Глухова станичным атаманом. Пост атамана на знаменитом курорте, где находилось много офицеров в больших чинах - был нелёгкий. В 1920 году в чине сотника он с казаками ушел в Грузию через Кавказский хребет. В 1926-м, с большой группой джигитов выехал в Америку и, пройдя тяжёлые этапы "безопасности", осел в Нью-Йорке, 7 лет был станичным атаманом. Умер Р.А. Глухов неожиданно для всех в 1952 году, ему шёл 63-й год.

Трое сыновей осталось у Глухова на Терке. На присланной оттуда в 30-х годах фотографии мальчиши в казачьих "бешметиках-рубашках", в казачьих кавказских поясах "с набором", в мягких сапожках. Все стоят в положении смиренно, каблук вместе. Старший сын при отцовском се-

ребрянном кинжале. Печальный взгляд казачат, насильно разлучённых с отцом, устремлённый вперед. На обороте надпись: "*Папаны, когда ты вернёшься назад?..*"

Четыре Георгиевских креста в 1-м Волгском полку получил и подхорунжий Н.Л. Кулаков, окончивший Великую войну в чине сотника, а гражданскую - войсковым старшиной. Непрерывный путь с освобождением Терка от большевиков он формирует и возглавляет казачьи сотни, становится полковником 1-й Казачьей дивизии вермахта и Походным Атаманом ТКВ, членом Главного Управления Казачьих Войск. В мае 1945-го арестован органами СМЕРШ в Австрии и мученически гибнет в застенках.

## 1-й Уральский казачий полк

В составе 7-й армии Юго-Западного фронта к началу 1916 года находилось три Уральских казачьих полка - 1-й Уральский (6-сотенного состава), 8-й и 9-й (4-сотенного состава) и Уральская казачья батарея.

Армия готовилась к наступлению. Своими думами о войне станичники делились с родными. Ни страха, ни ропота не было в скупых строчках домой, а только, в большинстве своём, вера в победу. Казак А.М. Калягин писал жене в Уральск: "*...уведомляю тебя моя дорогая, что у нас на фронте начались бои, но нас пока не трогают с места, отпуск прекратился, не знаю, будем живы, не знаю, нет, Господь нам, верно, не велел повидаться с тобой. Хотелось было повидаться, но верно так Богом суждено, верно еще придётся дыму поглотить и быть может мне лечь костями в чужой стороне. За себя я так не страдаю, как за Вас, мои дорогие. Я уже привык глядеть смерти в глаза, мне уже не страшно и помереть, но жаль оставить вас сиротами, но верно Господь как сделает, так и будет. Быть может он Всевышний помилит меня от смерти и вынесет на родину... Молись, дочка, чтобы Господь вынес меня на родину, чтобы Вам не остаться сиротами. Наверно когда вы это письмо получите, то мы уже будем в бою. Настало у нас лето теперь верно опять, как и прошлый год страдали, и теперь придётся страдать за Русь святую погибать верно выпала нам доля такая злосчастная придётся ли все победить врага нынешней весной или будем вести войну дальше, об этом только знает один Господь... не поминайте меня лихом если придётся мне здесь и помереть за родину и вас моих дорогих. Это будет мой долг присяге, я в том буду доволен, что сделает судьба..."*

24 мая 1916 г. после 45 часовой артиллерийской подготовки 7-я армия перешла в наступление. Прорыв II-го армейского корпуса имел успех, австро-венгерские войска были отброшены за реку Стрыпа. Преследование противника организовал II-й конный корпус, куда входил 1-й Уральский казачий полк.

Понеся в этих боях огромные людские потери, самые большие за всю войну, казаки 1-го Уральского полка покрыли себя неуязвимой славой. 27 мая 1916 г. полк получил от командира дивизии генерал-майора В.А. Мошнина приказание атаковать пехоту в окопах у деревни Порхово. В 18 часов 30 минут полк, выстроившись в колонну по три, в составе пяти сотен и пулемётной команды, пройдя узкое лесное дефиле под ураганным огнем противника, неся большие потери, бросился в атаку на неприятельскую пехоту. Под лобовым и фланговым огнем со стороны Порхова казаки выбили противника из трех линий окопов - большую часть порубив, остальных взяли в плен. Взвод 2-й сотни, пройдя реку Зубжанку, атаковал вражескую артиллерийскую батарею, порубив прислугу и прикрытие, но огонь со стороны реки Борышки не дал возможности вывести орудия. Наступившая темнота и непроходимость р. Борышки не позволили развить успех.

Атака полка совместно с 9-й кавалерийской дивизией оттянула силы австрийцев от местечка Бучач, что позволило нашим войскам взять его и очистить дорогу на село Борышка. В этом бою полк потерял убитыми 2-х офицеров, ранено 5, контужен 1, нижних чинов убито 24, ранено 85, контужено 2, пропало без вести 9. Лошадей убито 128, ранено 90, пропала без вести 1. Взято в плен 9 офицеров и 457 нижних чинов противника, а также захвачено 15 артиллерийских лошадей.



доставка донесения казаком летучей почтой, 1916 г.

Тяжело раненый в этом бою казак 5-й сотни Ф.А.Подлипагин накануне предстоящих боев написал своему брату письмо, в котором выразил общее настроение казаков, их порыв защищать свою Родину, чего бы это ни стоило: *"Вот пришла такая доля для русского человека, что нужно все принести в жертву Отечеству. Бери в голову службу царскую, сам ты знаешь, что тебя возмрут служить и что за тобой есть долг перед Родиной и Царем, надо его выполнить по-христиански. Все, что в твоих силах, всё неси для пользы Отечества. Ну, жили бы дома, как-нибудь промотали бы свой век, без следа померли, а вот если тебе придется сложить свою голову за Родину, тогда будет честь и слава как русскому воину. Хорошо и для тебя и твоим близким сознавать эту жертву для блага Родины..."*

2 июня 1916 г. полк в составе сводной бригады 9-й кавалерийской дивизии генерала В.З.Савельева поддержал атаку 185-го Башкадыкларского и 188-го Карского пехотных полков. Вот как описал этот бой в журнале боевых действий командир 1-го Уральского казачьего полка полковник М.Н.Бородин: *"2 июня в 17 час. 50 мин. я получил от генерал-майора Савельева приказание поддержать двумя сотнями атаку пехоты, готовую перейти в наступление. 5 я и 6 я сотня лавами атаковали противника у выс. 360. Видя по обстановке, что двух сотен мало для атаки, я рассыпал в лаву 3 ю и 4 ю сотни, приказав резерву - 1 и и 2 и сотням под командованием полковника Акутина двигаться за боевой линией, которой я командовал лично, находясь впереди второй линии лавы. Как только пехота поднялась (около 18 час. 15 мин.) и повела атаку в направлении выс. 383 к деревне Гниловоды, боевая линия лавы, а за ней и резерв под ураганным огнем артиллерии, пулеметов и ружей противника карьером понеслись на неприятельские окопы... Передовая часть пехоты залегла в 15-20 шагах от неприятеля, но, увидя мчавшихся казаков, бросилась в штыки на передовые окопы неприятеля. Казаки и пехота рубкой и уколами быстро справились с первой линией и дальше на вторую, третью и четвертую линии окопов казаки мчались уже впереди пехоты, сокрушая всех не сдававшихся в плен. Упорное сопротивление оказали немцы, и большинство из них было изрублено. Стреляли они в упор и сзади. Удары шашек и уколы пиками в большинстве случаев были смертельны. Атака казаков навела панику на немцев и австрийцев, они сдавались в плен целыми сотнями, причём для конвоирования партий примерно в сто человек наряжались по 1 или 2 казака. 8-10 человек с прапорщиками Карнаузовым и Фроловым бросились на венгерскую батарею, стоявшую у самой окраины деревни Гниловоды. Было приказано полковнику Акутину с 1-й и 2-й сотнями атаковать батарею. Батарея стреляла картечью. При атаке прапорщик Фролов был убит, а прапорщик Карнаузов, доскакав до батареи, взял замок орудия, но был тяжело ранен и остался на батарее. В это время подошел полковник Акутин, который бросился на прикрытие батареи, где были захвачены пулеметы. Казаки привязали к захваченным трем орудиям веревки и под сильным огнем увезли их на бивак. Подошедшая пехота заняла Гниловоды..."*

За атаки 27 мая и 2 июня два офицера награждены орденом Св. Георгия 4-й степени - полковник М.Н.Бородин, есаул К.П.Солдатов (посмертно), пятеро Георгиевским Оружием - войсковой старшина А.И.Аничхин, есаул И.С.Пономарёв, подбесаулы Н.А.Лифанов, В.И.Быков, сотник П.Ф.Бошенятов. Уральцами было получено 265 Георгиевских крестов и 117 Георгиевских медалей. Полк был представлен к Георгиевскому штандарту и серебряным Георгиевским трубами. Десять казаков стали полными Георгиевскими кавалерами: подхорунжий Г.Поберухин, вахмистр П.И.Рукавишников, старшие урядники К.С.Белугин, П.Т.Вьюрков, Е.Г.Лопанов, И.Х.Нищев, И.С.Пустобаев, младшие урядники Ф.И.Завалов, М.К.Чапурин, Е.Чигрин.

В этих боях взойшла звезда, пожалуй, самого молодого офицера Войска - Дмитрия Максимовича Пузаткина. В 16 лет он ушёл на фронт, а в 18, уже заслужив два Георгиевских креста, 2 июня 1916 г. *"за отличия в боях с неприятелем"* произведён в прапорщики с назначением младшим офицером полка. Войну закончил сотником и, вернувшись в родные края, снова встал в строй, но уже Уральской армии. За бой под хутором Липилиным 3 ноября 1918 г. удостоен чина подбесаула. Строчки приказа донесли до нас

яркий образ героя: *"Сотник Пузаткин своим примером мужества, заставил казаков стойко держаться на позиции. Находясь под сильным пулемётным и ружейным огнем противника, переходил с фланга на фланг, ободряя казаков, и указывал прицел стрельбы. Противник неоднократно пытавшийся смять левый фланг был умелыми действиями сотника Пузаткина отбит и, потеряв много ранеными и убитыми, стал отступать. Сотник Пузаткин по своей инициативе быстро посадил свою сотню на лошадей и первый бросился в атаку на красных у, увлекая за собой сотню, чем поддержал атаку 4-й сотни, так блестяще удавшуюся".* Д.Пузаткин, как и основная масса офицеров, разделил судьбу своего "зародившегося на крови и погибшего на крови" родного Войска, стигнув в горниле Гражданской войны.



хорунжий  
Д.М. Пузаткин

1-й Уральский казачий полк также успешно преследовал вражеские части, отступавшие от местечка Коропец вдоль берега Днестра, уничтожая его арбергардные заставы, захватывая пленных, и вечером 26 июля подошёл к железнодорожному и шоссею мостам у местечка Нижнев. Здесь передовая часть полка была встречена ураганным огнём противника, пытавшегося задержать наступление и уничтожить мосты. Казаки под командованием сотника Албина, спешившись, после короткой перестрелки штыками опрокинули цепи противника. Своими смелыми действиями они не допустили разрушения мостов, что способствовало непрерывности наступления.

*"Первым бросился в атаку сотник Албин, служба примером безаветной храбрости подчиненных ему нижних чинов. Сам сотник Албин был ранен"*. В этом был весь Николай Авксентьевич Албин. Интересна его судьба. Получив за храбрость в октябре 1914 г. офицерский чин, не имея военного образования, он к 1919 году дослужился до полковника.

Решительность, правдолюбие и наравне с этим вспыльчивость были присущи этому человеку. Именно эти качества и решительные действия Н.А.Албина в 1918 году, кстати, помогли пресечь двоевластие в Уральском Казачьем Войске. В своих воспоминаниях генерал С.А.Щепухин так охарактеризовал своего бывшего сослуживца: *"Председатель союза есаул Албин, отчаянный по храбрости и дерзости партизан на фронте и очень влиятельное лицо на Круге, в одну прекрасную ночь арестовал весь Совдеп и посадил его в тюрьму, а утром доложил Кругу. На Круге депутаты всполюшили, но не решились отметить арест, так как большинство членов правительства и весь командный состав одобрили эту меру"*.

Жизнь Николая Авксентьевича была полна драматизма. Ещё на фронте в 1915 г. он получил известие о смерти молодой жены. С этого момента в его характере произошёл надлом. Не жалея себя, он был всегда впереди и вёл за собой казаков. Казаки уважали его за храбрость и одновременно побаивались, так как его строгость граничила с безрассудством. В апреле 1919 г. приказом по Уральской Отдельной армии 319 командир 1-го Партизанского конного полка войсковому старшине Албину объявлен выговор *"за рукоприкладство к казаку Гурьевского конного полка"*. Ударить станичника - страшный позор для офицера: измождённые войной, сдавали нервы. Под влиянием неудач на фронте, в июле 1919 года Албин пытался застрелиться, но лишь прострелил себе плечо. Выехал для лечения на Кавказ. Когда Уральская Отдельная армия уже перестала существовать, он продолжал борьбу на Юге России до ноября 1920 года, затем эвакуировался за границу.

Тяжёлая эмигрантская жизнь в Болгарии заставляла думать о возвращении к родным берегам Урала, и Николай Авксентьевич стал активным членом "Союза возвращения на Родину". В июле 1923 года ему удаётся попасть в "новую" Россию, но уже в порту Новороссийска он арестован сотрудниками ОГПУ и этапирован в Уральск. В 1924 году Албин был приговорён к 6-летнему заключению; через два года за примерное поведение освобождён. Лишённый избирательных прав, проживал в Уральске, работал на заводе. Но, вероятно, кому-то не давали покоя его "старые грехи", и в 1930 году он вновь арестован - "за антисоветскую агитацию" на заводе. Не дожидаясь суда, бежал из Уральского изолятора, проломив потолок. На следующий год был арестован в Андижане и расстрелян.

За тот бой 26-летний сотник Албин был удостоен Георгиевского Оружия...

# Столица Белого Семиречья



долина Лепсы

Название Лепсинск сегодня ничего нам не скажет - лишь историки Белого движения могут знать, что это последнее местопребывание оренбургского атамана и генерал-губернатора Семиреченского края А.И. Дутова. С января 1920 года и до ухода дутовцев весной того же года в Синьцзян этот горный городок был столицей Белого Семиречья.

При образовании Семиреченского фронта в отдельных населённых пунктах северных районов области тоже располагались руководящие центры белых частей - в Уч-Арале (штаб-квартира атамана Б.В. Анненкова), Сергиополе (Семиреченское Войсковое Правительство), станции Урджар (органы управления генерала Бакичова, а после взятия Копала - органы управления Семиреченской казачьей бригады генерала Щербакова, заместителя войскового атамана).

В самом Лепсинске с Дутовым был отряд конвоя и местные казаки-семиречки. Там же, вероятно, находилась священная реликвия Оренбургского казачьего войска - Табынская икона Божьей Матери.

Лепсинск - небольшой казачий городок Семиреченской области, центр одноименного уезда. Вырос из станицы Лепсинской, основанной сибирскими казаками - переселенцами с Бийской и Кузнецкой линий - в 1855 году в долине Чубар-Агач, вблизи китайской границы - в самом центре Русской Джунгарии. Славился здоровым климатом и ландшафтом, напоминающим швейцарские Альпы, горным мёдом. Казачьи пасеки и займки были разбросаны по всем прилегающим ущельям - "щелям".

Название своё городок получил по реке Лепсе, чьи истоки в высях Джунгарского Алатау. Во времена владычества джунгар здесь была ставка одного из калмыцких ханов. С разгромом ханства в 1758 году маньчжуро-китайскими войсками, пустующие земли Семиречья стали заселять киргиз-кайсаки Средней и Большой Орды.

Впервые попытку прочного закрепления в крае Россия предприняла в 1825 году: по просьбе султана Большой Орды Сюка Аблайханова, в урочище Каратал был образован сторожевой пост и возведены "некоторые постройки". Однако из-за протеста китайской стороны все сооружения были снесены уже в 1826 году. И лишь в 1831 году на подступах к Семиречью было заложено первое русское укрепление - Аягуз, впоследствии Сергиополь.

С 1847 года началась интенсивная казачья колонизация края, подробно описанная в 1908 году историком Н.В. Леденевым в его "Истории Семиреченского казачьего войска". Вот как он излагает историю основания Лепсинска: "Для поселений на реке Лепсе в 1855-56 гг. повелено водворить две сотни сибирских казаков из 6, 7, 8 и 9 полков Сибирского линейного казачьего войска и 200 крестьянских семейств. Первая партия казаков-переселенцев прибыла 18.06.1855 г. Местом для поселения была избрана, верстах в 40 с небольшим от истоков реки Лепсы, сильно расширившаяся здесь долина этой реки. Казаки, расположившиеся здесь, основали поселение, названное сначала поселением Лепсинским, затем, спустя некоторое время, станицей Верх-Лепсинской и потом уже, значительно позже, просто Лепсинской".

Известны имена первых командиров сибирских казачьих отрядов, водворившихся на Лепсе - войсковой старшина Тычинский, хорунжие Лаптев и Александров, командующий Верх-Лепсинским отрядом есаул Иванов.

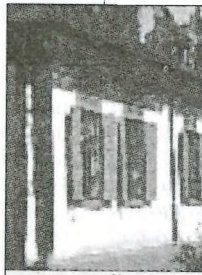
Во многом из-за своей оторванности от основных почтовых трактов и туикового местонахождения, станица, помещенная на Лепсе, и спустя 150 лет сохраняла первоначальный патриархальный облик: добротные, построенные в сибирском традиционном стиле деревянные избы, крытые железом, с резными крыльчелками и ставнями, а рядом двухэтажные, типично семиреченские казацкие и купеческие усадьбы (каких немало сохранилось в исторических частях Копала, Саркана, Талгара, Исыска, Каскелена и Алма-та), тенистые садики из тополей, арыки вдоль улиц, кладбище на пригорке и характерный для Семиречья приземистый православный храм в форме корабля - типичный об-

лик семиреченских казачьих поселений.

Как и все азиатские городки, Лепсинск делился на собственно город (где располагались казённые учреждения, храм и была сосредоточена вся торговля), казачью станицу и татарскую слободку (где жили местные мусульмане - татары, сарты, кашгарцы, киргиз-кайсаки, чала-казаки). Абсолютное большинство горожан и станичников составляло славянское население - семиреченские казаки и мещане, в основном этнические великороссы и малороссы, встречались также калмыки, евреи, немцы, поляки.

На 1906 год в городе числилось 75,9 % русских. После окончания активных боевых действий в 1920 году численность русского населения упала до 58,2%, но уже в 1923 году с возвращением беженцев вновь поднялась до 65,9 %.

С 1870 года станица Верх-Лепсинская фактически являлась центром Сергиопольского уезда, куда из Сергиополя перевели все государственные учреждения, а в 1883 году стала городом и официальным центром уезда.



старый дом в Лепсинске

В 1893 году исследователь Р. Закржевский так характеризовал Лепсинск: "Ужасно захолустный городок..., жутко застроенные кварталы; одиноко стоящие дома и небольшие группы построек деревянного типа, это так разбросано, что за отсутствием церкви, нет возможности сразу уяснить себе, где собственно Лепсинск. Только высокий минарет татарской мечети и торговая площадь, застроенная с трех сторон убогими лавчонками, напоминают, что уже находишься в черте города. Каменных зданий в городе нет, если не считать казначейство и городского училища; большинство лучших домов принадлежит татарам... В полувер-

сте от базара, к востоку, вдоль правого берега горной речки Булень правильным планом расположена казачья станица в 600 дворов. В станице много хороших домов... Все постройки деревянные, не исключая и церкви, находящейся в середине станицы. Около церкви хороший сад, а по улицам возле домов рассажены деревья. В общем, станица Лепсинская на свежее человека производит благоприятное впечатление".

Семипалатинский краевед Н.А. Абрамов: "Станица Верх-Лепсинская 10-го полкового округа Сибирского казачьего войска есть одна из самых лучших местностей в Семиреченском крае Семипалатинской области как по своему положению и качеству почвы, так и по благоразумному возведению, обильной в её окрестностях растительности разного рода деревьев, плодородных кустарников и трав и, наконец, по разным выгодам и удобствам жизни".

19 марта 1908 года был утверждён герб Лепсинска - "В золотом поле голова марала натурального цвета. В червлёной оконечности щита три золотых пчелиных улья в ряд. В вольной части герб Семиреченской области".

На 1913 год в городе со станицей числилось 15500 душ обоёго пола, храм, мечеть, 2 учебных заведения, несколько промышленных предприятий, уездные учреждения. Одним словом, Лепсинск был типичным уездным русским городом Азиатской России, далекой провинциальной окраиной; его история была связана с именами Семёнова-Тян-Шанского, Валиханова, Потанина, Голубева, Северцова, Гейнса, Сапожникова и других русских исследователей края.

В гражданскую войну северному Семиречью пришлось стать эпицентром драматического противостояния казаков и крестьян-новоселов, недавних переселенцев в область. В основе конфликта лежал неурегулированный земельный вопрос, обострившийся до вооружённого противостояния. Большинство казаков влилось в Белое движение, крестьяне поддерживали советскую власть.

Большевики и левые эсеры, захватив власть в областном центре - городе Верном - в начале марта 1918 года жестоко подавили вспыхнувшее казачье восстание. Многие заливские станицы были, в буквальном смысле, снесены с лица земли, а само население либо уничтожено, либо бежало на север области и к китайской границе с войсковым атаманом А.М. Поповым.

Очагом сопротивления с лета 1918 года до весны 20-го оставались Лепсинский и северная часть Копальского уездов.



Семиреченцы

После прихода из Семипалатинска в северное Семиречье отряда под командой полковника Ярушина и занятия им Сергиополя, здесь вспыхнула новая волна казачьих восстаний. Семиреки сумели взять под свой контроль станицы Саркан, Тополевку, Копал, Аксу, Урджар, выселки Каргалы, Баскан и ряд крестьянских сел. Из Лепсинска красные были выбиты отрядом капитана Ушакова, из Урджара, Маканчей и Бахтов - отрядом капитана Виноградова.

В конце 1918 года из Семипалатинска на помощь восставшим пришёл Партизанский отряд атамана Анненкова, значительно укрепив позиции белых на севере области. Данное обстоятельство способствовало возврату из Китая казаков, ушедших туда после неудачи восстания в заилийских станицах - Малой и Большой Алматинской, Софийской, Надеждинской, Тастакской, Каскеленской и Илийской.

На севере области вновь возродилась казачья власть во главе с Войсковым Правительством, легитимно избранная на Войсковом Круге в феврале 1918 года.

Однако больше года в центре Лепсинского уезда 13 крестьянских сёл оставались очагом красного сопротивления - в советской историографии названным "Черкасской обороной" (по с. Черкасское - центру восстания). Лишь к осени 1919 года анненковцам удалось подавить его - но время уже было упущено, красные получили подкрепление из Ташкента, Семипалатинск и Омск пали.

Оренбургская армия Дутова была разгромлена и с огромными потерями в конце 1919 года прибыла в северное Семиречье, заняв Сергиопольский район - вдоль хребта Тарбагатай до китайской границы. Анненковцы обосновались на юг от цепи семиреченских озёр - Сассык-куль, Уялы и Ала-куль, со штаб-квартирой в ст. Стефановской (Уч-Арал). Южное направление - часть Копальского уезда -

прикрывала Семиреченская казачья бригада заместителя войскового атамана генерала Щербакова. В приграничных с Китаем районах, в Джаркентском и Пржевальском уездах действовали партизанские части полковника Сидорова.

После разгрома крестьян-черкасцев Семиреченский фронт удалось сместить на юг, с линии ст. Аксейская - ст. Сарканская - к пикетам Ак-Ичке, Сары-Булак - с. Гавриловское. Были освобождены станицы Абакумовская, Арасан и Копал, но на продвижение вглубь области, к Верному, сил уже не было. Организованного сопротивления в тылу у красных не существовало - заилийские станицы были разгромлены, а отдельные очаги в Прииссыкулье и приграничье не могли изменить создавшееся положение.

Учитывая сложившуюся обстановку, остатки Оренбургской армии во главе с генералом Бакичем перешли границу в районе Бахтов, к китайскому городу Чугучак; к границе же через Джунгарские ворота и перевал Сельке (Чолак) вышла часть Партизанской дивизии атамана Анненкова.

Оставив из-за опасности окружения в конце марта 1920 года Лепсинск и соединившись с остатками отряда Щербакова (разбитого у ст. Арасан), дувовцы по Сарканскому ущелью и через перевал Кара-Сарык вышли в районе р. Боротола на территорию Китая. Так началась история русской казачьей эмиграции в Сынцзяне.

Основная же масса семиреченского казачества осталась на родине, испытав всю тяжесть расказачивания и "земельно-водных реформ". До начала 30-х годов в лепсинских горах ещё действовали повстанческие отряды, а в самом городе - подпольная организация во главе с Сушковым (разгромленная чекистами только в 1928 году). С тем и закончилась история Белого Лепсинска...

А. Ушаков

## Победитель Чаная

### боевой путь полковника Т.И. Сладкова

О "народном герое" - легендарном начдиве 25-й советской "Чапаевской" дивизии Василии Ивановиче Чапаеве - знает каждый. Книжки и многочисленные статьи рассказывают о его подвигах, снят фильм, придумано множество анекдотов, появились компьютерные игры с участием краскома. До сих пор спорят и о месте гибели Чапаева. К круглым датам регулярно печатают воспоминания чапаевцев и родственников Василия Ивановича, биографии его ближайших сподвижников. Зато практически не упоминается человек (или упоминается ошибочно не то имя), руководивший операцией по разгрому штаба 25-й дивизии - **полковник Уральского казачьего войска Тимофей Ипполитович Сладков**. Надеюсь, небольшой очерк об этом герое Урала хоть частично восстановит историческую справедливость!

9 января 1884 года в семье есаула Уральского войска Ипполита Селиверстовича Сладкова и его супруги Анны Дмитриевны Донсковой родился первенец - сын Тимофей. Как и большинство сверстников, среднее образование он получил в Уральском войсковом реальном училище. После этого, проучившись год в Московском военном училище, был переведен в Елизаветградское кавалерийское юнкерское училище и после двух лет обучения, в 1905 году, был выпущен оттуда по 1 разряду, произведен в хорунжие и назначен в... лейб-гвардии Атаманский полк, состоящий исключительно из офицеров Донского войска. Возможно, попасть в столь привилегированную часть Тимофею Ипполитовичу помогла его женитьба на казачке из очень уважаемого на Дону дворянского рода - дочери генерал-лейтенанта Ольге Варламовне Денисовой.

Итак, Т.И. Сладков начал свою службу в Санкт-Петербурге в гвардейской казачьей части. В конце того же 1905 года он был командирован полковым начальством в Ораниенбаум, в Офицерскую стрелковую школу для обучения стрельбе из пулемёта. В 1909-10 гг. стоял вместе с полком в Финляндии, 6 декабря 1909 г. произведён в сотники, а в декабре 1912 года занял должность полкового казначея. За весь период своей службы в полку он не раз аттестовывался самым положительным образом, был на хорошем счету у начальства и признавался достойным повышения по службе.

В феврале 1914 года подесаул (с 14 апреля 1913 г.) Т.И. Сладков, как отличный во всех отношениях офицер, был переведен из полка в Главное управление Генерального Штаба - высший орган оперативно-стратегического и строевого управления Русской армии. Однако, служить

долго там ему не пришлось. С началом 1-й Мировой войны Сладков, не желая оставаться на тыловых должностях, отпросился в строй, и в чине есаула был назначен командиром 6-й сотни Уральского казачьего полка. Этот полк (командир - полковник Н.В. Мизинов), развёрнутый по мобилизации в августе 1914



года, вошёл в состав Уральского казачьей дивизии.

За время войны Сладков был награждён многочисленными орденами: св. Анны 4 ст. с надписью "за храбрость", св. Станислава 2 ст. с мечами, св. Анны 2 ст. с мечами, св. Владимира 4 ст. с мечами и бантом. С 1916 года он состоял помощником командира 8-го Уральского казачьего полка, к которому был временно прикомандирован, продолжая числиться в своём 6-м полку. За боевые отличия был произведён в чины войскового старшины (18 апреля 1916 г.) и полковника (13 ноября 1917 г.) - причём последний чин получил уже после большевизского переворота.

В конце 1917 или начале 1918 года полковник Т.И. Сладков вернулся в родной Уральск, где на заседании Уральского Войскового съезда 10 апреля 1918 г. был избран кандидатом в члены ликвидационной комиссии по ведомству военного хозяйства. Основными задачами комиссии было решение технических и хозяйственных вопросов, связанных с ликвидацией и демобилизацией уральских полков, вернувшихся с фронта, учётом их военного имущества и снаряжения, а также его правильного распределения в зарождавшихся новых уральских частях.

С началом ведения активных действий уральских казаков против наступавших на Войско большевиков, Сладков, примерно с лета 1918 года, назначается командиром одного из вновь сформированных льготных уральских полков. Точное его название и место, где полк вёл боевые действия, выяснить пока не удалось - за почти полным отсутствием документов. Но точно известно, что на середину ноября 1918 года Сладков уже командует 6-м Уральским конным льготным полком, сформированным 8 сентября 1918 г. из казаков станиц Лбищенского района. Полк воевал на Шиповском фронте, прикрывая направление на Уральск.

Новый 1919 год начался для уральцев крайне неудачно. После нажима красных на Соболевском направлении, ка-

заки отошли к Уральску и, вследствие губительных ошибок командования, после кровавого боя сдали город 24 января (далее - все даты по новому стилю). Затем два неудачных штурма столицы Войска лишь окончательно внесли деморализацию в казачьи ряды - началось отступление Уральской армии вниз по Уралу и разложение частей. Некоторые казаки сдались красным, многие разъехались по домам, большинство же просто осталось на территории, занятой красными войсками.

Медленно отступая, оказывая красным сопротивление, казачья армия всё же оставляла посёлок за посёлком, хутор за хутором, откатываясь все дальше, и остановилась лишь в пос. Мергеневском. При таком положении дел крах Уральской армии был бы неминуем, но в это время как раз произошло избрание нового Войскового атамана. Генерал-майор В.С. Толстов, человек решительный и волевой, железной рукой начал водворять дисциплину в войска, навёл порядок в тылу, провёл ряд успешных мероприятий по организации остатков армии.

Под Мергеневым 30-31 марта 1919 года красным был дан решительный бой, в котором большевики были разбиты и начали отступление к Лбищенску. Начался приток в армию новых казаков, как молодых, так и ранее уехавших с фронта. В армию потекли и офицеры: старые отставники, инвалиды, они шли на любые должности (как правило, нестроевые), желая принести пользу родному Войску. Служил офицером для поручений при Уральском Войсковом штабе и отец Т.И. Сладкова, престарелый (в марте 1919 года ему исполнилось 72 года) войсковой старшина И.С. Сладков.

По приказанию атамана, часть старых полков армии была расформирована. Новые полки пополнялись вновь прибывшими казаками, сводились в бригады, дивизии и корпуса, получая более правильную военную организацию. 28 февраля 1919 года был расформирован и 6-й Уральский конный полк конного полковника, а его остатки влиты во 2-й Учебный конный полк.

Началась и чистка прежнего командного состава армии. Все неспособные, не проявившие себя в предыдущих боях, отчислялись в резерв или отправлялись в тыл. Молодые офицеры, выдвинувшиеся в период Гражданской войны, наоборот, невзирая на возраст и командный ценз, получали назначения на более ответственные командные должности. Едва закончив к апрелю ликвидацию дел своего полка, Т.И. Сладков 2 апреля 1919 г. был назначен командиром Лбищенского (до 29 марта 1919 г. - "Мергеневского") конного полка в состав 2-й Уральской казачьей дивизии полковника П.К. Буренина.

Кроме Лбищенского, в дивизию входили Уральский, Сахарновский и 1-й Партизанский конные полки, Сводно-пеший полк, Брыковский партизанский отряд и 2-й Уральский конный артиллерийский дивизион (3-я и 5-я батареи).

Во главе своего полка Т.И. Сладков принял самое активное участие во взятии Лбищенска 17 апреля 1919 г. После ряда тяжёлых атак, при активной поддержке артиллерии казакам удалось прорвать оборону красных. Победителям достались свыше тысячи пленных и огромные трофеи - 10 орудий, 28 пулемётов, более 3 тысяч снарядов, 300 тысяч патронов, около 1 тысячи винтовок и много обмундирования и военного снаряжения, в котором Уральская армия очень нуждалась. Почти полностью были уничтожены со своими штабами и обозами полки 22-й советской дивизии: 191-й Балашовский и 192-й Пензенский. Но, главное - был поднят моральный дух армии и очищен от большевиков весь Лбищенский район. Деморализованные красные почти без сопротивления откатились к Уральску.

Продолжая развивать наступление, Лбищенский конный полк участвовал в ряде успешных боев и в осаде столицы Войска. Но взять Уральск так и не удалось. Красные части несколько раз пытались пробиться к Уральску из Саратова, чтобы снять с него блокаду, но были отброшены назад.

В июне 1919 года полковник Сладков руководил операцией по взятию станции Шипово, где находились тылы и резервы ударной группы красных, наступавших на Уральск. После тяжёлого боя станция была взята, казаки, помимо тысячи пленных, захватили 10 орудий (из них два

тяжёлых), 3 тысячи снарядов, 100 тысяч патронов, семь автомобилей и вагон с военным имуществом. Успех боя был обеспечен не только самоотверженностью войск, но и умелым руководством со стороны полковника Сладкова.

В конце июня 1919 года Т.И. Сладков назначается командиром 2-й Уральской казачьей дивизии, входившей в состав 1-го Уральского казачьего корпуса. К тому времени дивизия включала в себя Лбищенский, 1-й и 2-й Партизанские, Сахарновский, Уральский конные и Уральский пеший полки, а также 2-й артиллерийский дивизион из 8 орудий (из них два гаубичных). Все полки были четырёхсотенного состава, в каждом своя пулемётная команда. Всего в дивизии состояло более 70 офицеров, около 1800 шашек, 300 штыков и 52 пулемёта. Силы небольшие, но дивизия по праву считалась одной из лучших в Уральской армии. Интересен и портрет начальника дивизии - Т.И. Сладкова, данный Л.Л. Масяновым: "...обаятельный, веселый, большой ухажер, но сильно отличался от типа офицера-уральца. Он не искал популярности, а был всегда весел и ровен со всеми в своих отношениях".

В июле 1919 года блокада Уральска была снята подошедшей по Бузулукскому тракту 25-й советской дивизией В.И. Чапаева. Усилившиеся красные части начали наступление по тракту Уральск-Гурьев, тесня немногочисленные казачьи полки вниз по Уралу. Несмотря на упорное сопротивление почти в каждом посёлке и хуторе, красные всё больше теснили 1-й Уральский корпус, заставляя его с боями оставлять важные стратегические пункты - Янайкин, Бударин, Лбищенск, Мергенев, Сахарный...

В конце августа фронт на некоторое время замер. Красные, измотанные непрерывными боями и переходами, понесли большие потери, растянув свои части и тыл на 150 с лишним вёрст, остановились в пос. Сахарный для передышки, укрепляя тылы и подтягивая резервы. Казаки, занимающие пос. Каленый, держали фронт пехотными частями, отправив конные полки в тыл для пополнения и приведения их в порядок после изнурительных боев. К концу августа в район Каленого подтянулась со Сламихинского направления 6-я Уральская дивизия полковника Н.Н. Бородин, существенно усилив тем самым части 1-го Уральского корпуса. Но, несмотря на это, общая численность наступавших красных войск (25-я и часть 50-й советской дивизии) превосходила 1-й Уральский корпус более чем вдвое.

Пользуясь небольшим затишьем на фронте, в конце августа в Каленом было созвано совещание высших чинов Уральской армии. Было ясно - отдохнув, красные продолжат наступление; необходимо попытаться взять инициативу в свои руки, нанеся упреждающий удар. Было решено организовать рейд в тыл красным войскам, атаковав хотя бы одну из станиц, занятых противником, и посеять панику у них в тылу, создав по возможности угрозу Уральску. При удачном стечении обстоятельств наступление главных сил неприятеля было бы приостановлено, а уральские полки выходили на новые базы снабжения.

Основу посылаемого в рейд отряда составили полки 2-й Уральской дивизии - 1-й и 2-й Партизанские и Лбищенский конные, наиболее сохранившиеся в количественном и качественном отношении. Отряд усилили двумя полками 6-й Уральской казачьей дивизии - 1-м Новоузенским (Поздняковским), 3-м Чижинским партизанским, Коржевским партизанским отрядом (два эскадрона), а также 1-й Учебной батареей с двумя орудиями. Общая численность отряда составила около 1,5 тысяч шашек и 30 пулемётов. Начальником отряда был назначен полковник Т.И. Сладков.

Конечно, отправляя в рейд свои лучшие полки, командование Уральской армией сильно рисковало. В случае неудачного продвижения отряда и быстрого его обнаружения, красные легко могли отрезать его от главных сил и разбить казаков по частям. Поэтому вести отряд должен был опытный командир, верящий в успех операции, обладал стратегической инициативой, был бы смел - и в то же время осторожен. Полковник Сладков по своим личным качествам, безусловно, подходил на роль руководителя операции.

Заместителем его стал ещё один опытный командир - полковник Н.Н. Бородин, с 1918 года бессменный командую-



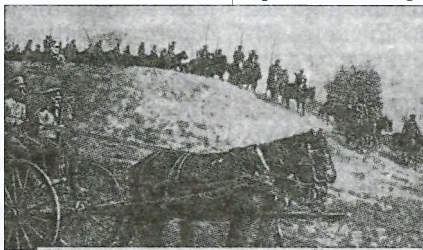
офицеры Уральской  
Отдельной армии (1918-1919 г.)

ший Сламихинским фронтом, командир 6-й Уральской дивизии. Он одержал немало побед над красными, несколько раз с небольшими силами брал за "гранью" войсковой территории города Новоузенск и Александров-Гай и имел репутацию самостоятельного инициативного командира.

В 20 часов 1 сентября отряд выступил из пос. Каленного на запад. Пройдя около 35 верст, он изменил направление на север, и, двигаясь по 17 часов в сутки по безлюдной степи параллельно тракту Уральск-Гурьев, вышел 4 сентября на линию Лбищенска, где, по данным уральской разведки, находился штаб группы красных войск.

Атака Лбищенска была произведена по личной инициативе полковника Сладкова, что не может не вызывать уважение - ведь успех не был гарантирован. Красные знали, что некая конная группа бродит в окрестностях города (хотя не знали ни количества, ни намерений отряда Сладкова), и вполне могли для обороны Лбищенска снять крупные силы с фронта, попытаться окружить отряд или загнать его в безлюдную степь и т.д. Тем не менее, Сладков не сомневался в успехе.

На рассвете 5 сентября спешенные части казаков ворвались в Лбищенск, сбив полевые караулы красных. Атака была стремительна, гарнизон застигнут врасплох спящим и поначалу почти не оказывал сопротивления. Казаки быстро заняли главную площадь города и штабную улицу. Однако в решающий момент боя красноармейцы



Уральская конная батарея

смогли организовать оборону в районе своего штаба.

Бой затягивался, что никак не входило в планы командования казачьим отрядом. Красные, совершенно оправившись, осмелели и даже перешли в контратаку, выбив казаков из прилегавшего к штабу квартала. Спас положение, заплатив за это жизнью, храбрый полковник Н.Н. Бородин, бросившийся с отрядом в 50-60 человек на сопротивляющуюся группу красных. Они не выдержали этой атаки, многие сдались в плен, другие бросились к Уралу.

Упорнейший бой длился около трёх (по другим данным, шести) часов. Победа казаков над гораздо более сильным противником была полной: в Лбищенске захвачено до 700 пленных, 5 аэропланов, 5 автомобилей, исправная радиостанция, продовольственный склад и многое другое. Обоз с трофеями составлял 500 подвод, а многое просто не смогли взять и взорвали, покидая город.

Версий гибели самого Чапаева много, но как он погиб на самом деле (если вообще погиб!), точно так и не известно. Да это и не важно: главное, что был ликвидирован один из опаснейших врагов уральского казачества, погубивший много уральцев. Погиб и почти весь его штаб.

К сожалению, развить успех не удалось, в том числе и по ряду объективных причин: нерешительности руководства Уральской армии, измотанности казачьих полков, плохого обеспечения продовольствием, обмундированием и медикаментами, отсутствия пополнений и, самое главное - начавшейся эпидемии тифа. В самое короткое время Уральская отдельная армия почти не могла воевать.

В середине октября 1919 года красные перешли в наступление по обеим сторонам Урала. Оказать сильное сопротивление казаки уже не могли и начали почти без боёв отступать вниз, по дороге на Гурьев. Боевой состав армии таял с каждым днем, корпуса, дивизии и полки оставались только на бумаге.

С ноября фактически перестала существовать и 2-я Уральская конная дивизия. На фронте оставался сборный отряд из разных полков, пытавшийся оказать хоть какое-то сопротивление. В декабре Т.И. Сладков временно занял должность командира 1-го Уральского корпуса, но никакого корпуса также давно не существовало.

С остатками армии и беженцами отступал со своей семьёй и полковник Сладков. В феврале 1920 года он прибыл в форт Александровск. С этого времени Тимофей Ипполитович начал вести дневник, который впоследствии послужил ему основой для составления воспоминаний. Он подробно описывал происходившие события, встречи, разговоры, свои наблюдения. Дневник Сладкова, без сомнения, представляет собой уникальный материал по истории последних дней Уральской отдельной армии.

В феврале 1920 года полковник Сладков был назначен временно исполняющим должность начальника штаба

Уральской отдельной армии - это было последнее его назначение в Гражданской войне. В апреле он в составе отряда атамана Толстова вышел в свой последний поход "от красных лап в неизвестную даль", оставив в форте Александровск жену и маленькую дочку. Вскоре из-за разногласий с атаманом полковник Сладков с небольшой группой казаков и офицеров отделился от основного отряда, выбрав для дальнейшего движения путь по Каспийскому морю. Удача благоприятствовала ему. Чуть не попав в руки красных, пережив шторм и встречу с морскими разбойниками, пройдя около 800 верст, группа Сладкова прибыла в Персию.

На этом приключения уральцев не закончились. Им пришлось объехать почти всю Персию, побывав в Тегеране, Казвине, Хамадане, Керманшахе, Багдаде. Наконец, в июне 1920 года они прибыли в русский лагерь в Басре. Там англичанами были собраны более 300 офицеров и около 200 солдат и матросов белых армий, которые смогли добраться сюда различными путями. В ноябре в этот же лагерь прибыл и атаман Уральского Войска со своим отрядом, прошедшим тяжелейший сухопутный путь. Полковник Сладков встретил атамана официальным рапортом, но отношения между ними остались напряжёнными.

Поползли разнообразные слухи о будущем русского лагеря, но все сходились на том, что англичане собираются его расформировать. Т.И. Сладков, испросив разрешения у английских властей, 1 дека-

бря со своей гражданской женой - спутницей ещё с выхода из Александровска, сестрой милосердия А.К. Михайловской - на корабле "Чагдара" отплыл в Бомбей. Через Индию 23 января 1921 г. он прибыл в Марсель.

Первым из уральцев, прибывших во Францию из Персии, Сладков отправился в Париж для встречи с представителем Русской армии генералом Е.К. Миллером. Сделав ему подробный доклад о русском лагере в Персии и о положении уральских казаков, Сладков просил о помощи в переезде их во Францию, а затем вернулся в Марсель (где устроился на должность помощника садовника в богатом имении; в его обязанности также входила работа на виноградниках, разбивка тяжёлых камней и т.д.).

Жизнь на чужбине складывалась непросто: постоянный тяжёлый физический труд, отсутствие надежды на скорое возвращение на родину, недостаток материальных средств... Уже в феврале 1921 года Сладков пишет в дневнике: "Мечтало с большим наслаждением вернуться в Россию и в конце июля, наверное, выведу, каково бы положение не было".

О дальнейшей его судьбе известно не так уж и много. В 1920-х годах Тимофей Ипполитович жил в небольшом городке на побережье, занимаясь физическим трудом. Некоторое время переписывался с женой, оставшейся в советской России; потом получил сведения, что она скончалась, и женился на А.К. Михайловской.

Т.И. Сладков активно участвовал в жизни русской колонии. В 1930 году он был избран помощником атамана общеказачьей станицы в Ницце. Печатал небольшие очерки и рассказы в казачьих эмигрантских журналах. Позднее переехал в Париж - где к нему однажды явился два представителя советского посольства - с просьбой уточнить обстоятельство гибели Чапаева.

То, что вышедший на экраны фильм и книги о Чапаеве неправдоподобны, советские эмиссары прекрасно понимали, поэтому им нужен был живой свидетель гибели начдива. Но помогли им "победитель Чапая" - неизвестно...

Скончался Тимофей Сладков 22 марта 1956 года в инвалидном доме Монморанси под Парижем, похоронен на местном кладбище.

Кроме рассказов и очерков, в 1927-28 гг. Сладков написал на основе своего дневника воспоминания о последних трагических днях Уральской отдельной армии, последнем походе в "неизвестную даль". Искренне надеюсь, что когда-нибудь этот интереснейший материал будет напечатан, а имя одного из самых видных борцов казачества против большевиков займёт достойное место в памяти уральцев.

И - как знать! - когда-нибудь на вокзальной площади Уральска приезжих будет встречать не палач казачества, а наш легендарный земляк. Ведь побеждённым - памятников не ставят!..

Д. Дубровин

## Казачи и компартия, 1920-1932 г.

В западной историографии нередко высказывается мнение, что советская власть после гражданской войны и года 1921-22 гг. потеряла всякую поддержку населения, особенно казачества. С другой стороны, встречаются утверждения, что именно из-за отсталости и пассивности крестьян в отношении к прогрессу нетерпеливые коммунисты были вынуждены силой загонять их в колхозы!..

Спор об отношении казачества к советской власти ведётся давно. До смерти Сталина историки в основном рассматривали казачество как единую массу, которая всё время была против большевиков. После 1953 года многие, напротив, доказывали, что казаки (как и крестьяне) не были однородны в социальном плане, и во время гражданской войны немалый процент "трудящихся казаков" воевал в Красной Армии.

Моё исследование основано на изучении крестьянского, иногороднего и казачьего населения бывшей Донской области, а также трех кубанских районов - Ейского, Кущевского и Старомиинского, взаимоотношению его с коммунистической партией в период с 1920 по 1934 год.

Казачество, конечно, не было однородной массой - я бы разделила его на четыре неравные части. При этом, в отличие от советских историков, различие между ними я вижу не в происхождении и материальном положении.

Все они гордились тем, что были казаками. По словам Горюнова, беспартийного казака из Ейска (здесь и далее цитируются документы российских архивов - ГАРО, ГАРФ, РГАЕ и ЦДНИРО), казак "думал, что нет ничего выше звания казака, что он - опора родины". Ведь земля "в нашем казачьем быту - всё. Она, матушка, и кормит, и поит..." Но по разному относились они к офицерству, атаманам и царю, к идее равноправия для всех, включая иногородних.

Как отметил в своей книге "Революция и Донское казачество (февраль - октябрь 1917 г.)" Ю. Кириенко, революционные казаки северных округов Дона даже "предлагали, чтобы коренные крестьяне были наделены землей на равных правах с казаками". Казаки Старомиинского района Кубани считали, что, "давать землю надо всем хлеборобам, но казакам - на юрту, а иногородним на участках" (т.е. на землях госфонда). Казаки Шахтинского округа ещё в 1926 году, по свидетельству ОГПУ, заявляли: "Мы будем давать землю только тем, кто ждёт наших атаманов, а пришлый элемент может получить землю в своих губерниях". Существовало также различие между тем, что для них являлось определяющим в жизни - сельское хозяйство или военное дело.

В одной части спектра были те казаки, которых я называю "непокорными". По социальным признакам к ним относились не только экономические "кулаки", офицерство, но и представители иных слоёв казачьего общества. Как говорилось на совещании секретарей сельских ячеек ВКП(б) в январе 1926 года - казак может быть "бедняк совсем, а говорит, что он не бедняк". Сравнительно бедные казаки в станице Старощербиновской, например, сказали приезшему инструктору: "Мы не бедняки. Мы казаки". Алексей Егоров, казак из Дубовского района (по сведениям ОГПУ), хорошо подытожил их отношение к советской власти: "Советская власть противная, как рвотный порошок, во главе сидят лица, каковых раньше не нанял бы даже и свиной пасти".

"Непокорные" не сосредоточивали энергию на восстановление своих хозяйств. В отношении мероприятий советской власти - всегда им сопротивлялись, какая бы идея это ни была. Выступали даже против тракторов, если те были куплены через какую-нибудь советскую корпорацию, или строительства дамб. Один такой казак, по данным ОГПУ, во время хлебозаготовительного кризиса в 1928 года сказал: "Хлеба большевикам не дам. Лучше сожгу".

"Непокорные" постоянно думали, как быстрее освободить Родину от оккупантов, держали связь с единомышленниками в других станицах. Один молодой казак Сальского округа сказал: "Вся молодежь, которая числит у себя отцов погибшими на стороне белых... только и думает о востаниии... Говорю, что без крови жить стыдно и позорно".

Летом 1927 года, во время китайских событий, когда заговорили о неизбежной войне, "непокорные" были в восторге. В ст. Каргальской среди казаков, члены семей которых находились в эмиграции, можно было слышать заявления, что "если на нас пойдут войной другие государства, то нам хуже этой жизни не будет". Казак хутора Н. Иванков Ка-

менского района говорил по поводу хлебозаготовок: "Вы, братицы, крутитесь, не крутитесь, а хлеб всё равно заберут, потому что империалистические державы насаждают на нас, и наши коммунисты откупаются хлебом. А если не дадут хлеба, то будет война, а раз война - пропала коммуна, а вместе с ней и республика. Если вы хотите этого, то, когда придут брать хлеб - не давайте, гоните их колом".

Противоположная часть спектра - сторонники советской власти, в основном воевавшие в Красной армии, из самых бедных семей и небогатых районов. Хотя были и существенные исключения из общего правила. Тихон Андреевич Тараба, например, считался одним из лучших хозяев кубанской станицы Новомиинской, но воевал на стороне большевиков, был избран делегатом Всероссийского съезда Советов в 1918 году, членом стансовета и райисполкома.

В июне 1928 года середняк ст. Шапсугской, добровольно пожертвовав государству 10 пудов пшеницы, сказал: "Мне дорога советская власть, она меня подняла на ноги".

И у бывших красных партизан во время НЭПа были жалобы - но всё же до 1928 года они на стороне государства: "Мы хоть и ругаем соввласть, но мы будем её защищать".

Третья часть казачества, по словам казачьего учителя Луки Фёдоровича Полякова из Каменска, "только примирились с советской властью как с вооружённой силой. В душе же они её ненавидят, проклинают и ещё чего-то ждут, оглядываясь на границу, где их бывшие "вожди" и атаманы сулят им в будущем помощь и спасение от ига коммунистов". В отличие от "непокорных", "примирившиеся" стремились поднять свои разрушенные хозяйства и готовы были на компромисс вместо борьбы до последней капли крови.

Летом 1927 года отношение казаков Кясляковской станицы к международной обстановке было таково: "Надо от войны откупиться - война разорительна". В Ейском районе "примирившиеся" согласились платить большие налоги, "если хозяйственные затруднения встретятся", чтобы откупиться от войны.

В Морозовском районе в сентябре 1920 года двое из самых зажиточных стариков передали хуторскому председателю агитатора, причём один из них пояснил: "Я остался с одной парой да с жеребенком, и то я всё же свой хлеб жру, да ещё и коммунистов кормлю. А придет фронт, и остальное пропадет. Вот тогда уж верно получится - пролетарии всех стран соединятся в одну кучу, вместе с голоду помрут. А когда у нас ничего не останется ни во дворе, ни в амбаре, тогда нам один черт, что председатель, что атаман". Эти казаки были готовы примириться с большевиками в определённых пределах, главным их делом было хлеборобство. Они были даже не прочь использовать советские организации для приобретения кредита и тракторов.

Самой интересной частью была группа казаков, после 1925 года начавших проявлять интерес к отдельным идеям и мероприятиям компартии - "любопытствующие".

В 1924-25 годах ВКП(б) убрала несколько препятствий в общении с казачеством - по словам Микояна, "уступила в мелочах, чтобы добиться перемены в крупном". До 1925 года стеснялся даже казачий быт. По выражению Горюнова, "самое слово "казак" было чуть ли не ругательным". Когда власть стала поворачиваться "лицом к казачеству", казакам вернули право носить лампасы ("нигде в нашей программе не написано, что нельзя носить лампасы, и что кубанка означает контрреволюцию, а английская кепи - революцию").

Партия даже немного уступила в земельном вопросе. В ноябре 1925 года Микоян объявил, что необходимо сообщить казачеству об окончательном решении не отбирать у него землю. На выставках и в прессе стали расхваливать хлеборобов-передовиков (которые до того недоумевали - что это за власть, превозносящая бедняков - лодырей?).

"Любопытствующие" говорили: "Если вы повернулись к нам, то и мы повернёмся к вам". А. Гендлин, инструктор Донского окружного исполкома, на основании личных разговоров с казаками Старомиинского района пришёл к выводу, что "подавляющая масса настроена по-советски". Хотя, как показала реакция на китайские события, его вывод и был слишком оптимистичен, в 1926 году значительная часть казачества действительно стала переходить от полного скептицизма к частичному доверию в отношении намерений советского правительства. Многие казаки в Новочеркасском районе в 1927 году "говорят о советской



власти как о власти своей". У них даже появилась ревность к крестьянству, когда они почувствовали, что их снова не замечают. Казак из хутора Керченского Шахтинско-Донецкого округа говорил на собрании о своей поездке на окружной съезд Советов: *"очень много говорили о бедняке, а о казачестве ни слова, тем более о зажиточных"*. Присутствовавшие на собрании, по сведениям ОГПУ, шумно реагировали на то, что *"о казачестве власть забыла"*.

В середине 20-х казаки охотно посылали детей в школы. В Ейском, Кущевском и Староминском районах активно интересовались агротехникой, требуя привлечения к работе большего числа агрономов, из рук в руки передавали книги о сельском хозяйстве. По мнению одного инструктора, работавшего в Кущевском районе в 1927 году, хотя казаки-средняки роптали на советскую власть из-за большого налога, они в то же время понимали, что проводившиеся в станице агромероприятия направлены на улучшение их положения. Они не только одобряли расширение возможностей получения ими специальных знаний, но и отдавали должное власти, которая создавала такие возможности.

При этом казаки, по мнению кубанца Лолы, видели разницу между самой партией и деятельностью партийных ячеек на местах. И.А. Озиенко из ст. Канеловской написал в 1928 году в редакцию газеты "Советский пахарь", что в 1923 году у него была только пара лошадей и одна корова. *"Благодаря газете "Советский пахарь" о поощрении сельского хозяйства я с большой энергией взялся за работу своего хозяйства"*. Он участвовал в выставках, даже получил премию, добросовестно выплачивал все налоги. В 1927 году его лишили права голоса за то, что приобрёл четвертую лошадь. Он спрашивал редактора: *"Мне как быть, чтобы быть советским гражданином, а не врагом советской власти?"*

Но, хотя определённая часть казачества и поддерживала советскую власть, это не означало, что эти люди были готовы слепо подчиняться ей. Существовала грань, через которую они не могли переступить - и многие из них уже в 1928 году изменили своё мнение. Например, один казак в Полтавской станице сказал: *"Я никогда не думал, чтобы советская власть так прижимала хлебороба. Если я раньше был сторонником этой власти, то теперь не на словах, которые я слышал, будучи в Красной армии, а на деле убедился в противоположном и стал её противником"*.

Понимание казачества единой массой контрреволюционеров - позиция значительной части неказачьего партийного руководства казачьих районов. Так, А.И. Приходько, крестьянин по происхождению, работал в Константиновском районе с 1919 года, в 1925 году был председателем РИКа. По его мнению, казаки всегда будут против коммунистов: *"Нечего с ними церемониться, надо переселить сюда иногородних"*. Когда Каганович приехал в Ростов в ноябре 1932 года, он принял сторону разделявшей это мнение местной фракции (про Приходько говорили: *"Его достоинство в том, что он прямо сказал, а многие этого не говорят"*). Партия не понимала истинного состояния дел - в частности, нереальность её хлебозаготовительного плана. Считая казачество единым, коммунисты оправдывали выселение целых станиц, не взирая на классовые признаки.

Механическое, чисто экономическое понимание "кулака" как собственника больше четырёх лошадей (на Кубани, например), независимо от отношения его к советской власти, лишало партию самых опытных хлеборобов в стране и многих сторонников. Вернёмся к Озиенко, казаку, работавшему днём и ночью, изучавшему сельскохозяйственную литературу. Он спрашивал: *"Если все хлеборобы будут работать, как бедняки, тогда кто же будет поддержи-*

*вать советское государство?.. Если крестьянин-хлебороб богатый, то и государство будет богатое, и никакой враг тогда не сможет победить нас"*.

Самыми важными моментами в изменении взаимоотношений компартии и казачества стали коллективизация, раскулачивание и голодомор. В результате к осени 1932 года, впервые после революции, почти всё казачество объединилось против мероприятий советского государства!

Решение проводить сплошную коллективизацию в самый короткий срок без согласия народа имело много негативных последствий. Мало того, что значительная часть крестьянства и казачества перестали поддерживать власть. Проведение этого решения в жизнь отбило любовь к сельскому хозяйству почти у всех хлеборобов, погасило их энтузиазм во внедрении агротехники и модернизации.

До 1930 года хозяева сами заботились о севе, прополке, уборке, прекрасно зная, что один день может испортить урожай всего года. В 1928 году, например, когда местная власть запретила выезжать из станиц в степь в июне, казаки были в ужасе, ведь была пора прополки. В мае 1930 года их состояние описали так: *"Взрослое население частично занято своими огородами, а большинство слоняется без дела, ловят рыбу, сидя на берегу Кубани... В прекрасные солнечные дни, когда сотни гектаров зарастают бурьяном, здоровенные мужчины устилают берега Кубани, сидя с удочками, и бродят по степи с лопатами"*.

Враждебность к советской власти лишь усилилась после 1933 года. Если раньше казаки относились к работе в поле с радостью, то теперь проклинали её. Одна очень трудолюбивая на своём подворье казачка гордилась, рассказывая, как каждый день бригадир был вынужден ходить по домам, чтобы выгнать их на работу в колхоз.

Вместе с тем, отсутствие единодушия против большевизма объясняет, почему такая мощная военная сила, как казачество, не смогла во время сплошной коллективизации сплотиться для отпора. Разногласия были особенно заметны между представителями молодого поколения. В то время, когда ребята в Цымлянске думали о восстании, из Вешенской казак-комсомолец писал родственникам за границу: *"Да, ты тысячу раз прав, что я не могу переменить твоих политических взглядов, но и меня, я думаю, не перевернуть..."* Он гордился тем, что был членом *"малой, но сильной гвардии комсомольцев, которые всегда были на страже"*.

Молодые казаки в Терновке выражали письменный протест против лишения их голоса в 1927 году: *"Мы считаем это ошибкой, что молодое поколение лишается прав в нашей свободной стране. Мы не хотим отставать от своих товарищей и хотели также научиться военно-политическому делу и в будущем стать на оборону нашей свободной страны"*.

При этом антисоветски настроенные казаки недооценивали власти страны, порой переключая на них своё презрение к местным иногородним коммунистам, более бедным и менее грамотным, чем они. Один казак из Вешенской сказал - *"без ума власть долго в руках не продержится"*. Они не только недооценивали долговечность своих врагов, но не могли иногда даже представить, какие меры компартия была готова принять, чтобы победить. Не раз, обсуждая необходимость бойкота налогов или хлебозаготовок, казаки говорили: *"Всех нас не арестуют и не осудят"*.

Остающиеся скверными отношения с иногородними мешали казакам возглавить борьбу против советской власти. Слишком большие надежды возлагали они на возвращение из-за границы "своих", повторяя - *"когда наши придут, тогда мы вам покажем..."*

Дизни Пеннер (Вашингтон, США)

## "Кубанский Сборник" - II (23)

В прошлом году мы сообщили о возобновлении издания "Кубанского Сборника" - продолжившего традицию публикации историко-краеведческих материалов, начало которой было положено в 19 веке такими известными учёными Кубанского казачьего Войска, как Е.Д. Фелицын и Ф.А. Щербина. В подготовке возобновлённого сборника - 22-го по общему счёту - приняли участие и члены редколлегии "Станицы". Спустя год вышел очередной том "Кубанского Сборника". Он продолжает рассказывать о древностях Кубани, её народов, об истории и культуре отдельных станиц, о расцветах казачьей "старовины", об отдельных казаках и казачьих семьях, которыми по справедливости может гордиться родной край. Во вступлении к 23-му тому отмечено - *"при всей разнице научных и идейно-концептуальных подходов авторов, наших подвижников-меценатов и добровольных помощников объединяет любовь к родному краю, его драмам и победам, прошлому, неразрывно связанному с грядущим"*. Хотелось бы верить, что отмеченная "разница взглядов" не помешает продолжению нашего сотрудничества. И что при всех неизбежных переменных в составе редакции "Кубанского Сборника" на следующий год мы выпустим его 24-й том!..



# Свято-Покровский храм станицы Каневской

Это сегодня возвращение в лоно Церкви для многих дань моде. Вера прежняя была неотделима от бытия человека.

Для казачьей семьи одним из условий уважения станичников было посещение храма, празднование церковных праздников, соблюдение постов. В доме должны были быть иконы, по праздникам зажигаться лампы. Детей учили молитвам не только в школе, но и дома. При том казаки чурались ханжества, показной набожности.

Храмы в станицах строили их всем миром, с размахом. Ведь с церковью у казака была связана вся жизнь. Здесь его крестили и провожали в последний путь, в храме получали Господне Благословение новобранцы. На церковной площади происходили все значительные события в жизни станичного общества. Отсюда провожали на войну, здесь же встречали возвратившихся с победой. В церковной ограде хоронили самых уважаемых станичников.

Хотя содержание храмов и стоило немалых денег, долгом чести станичников было иметь их не один, а два и даже три. Богатая станица Каневская в начале XX века могла иметь уже три церкви. Еще в 1828 году на самой старой площади станицы - Церковной - на средства казачьего офицера Билого был построен один из красивейших храмов Кубано-Черноморской области - двухпрестольный Свято-Троицкий храм ("Сошествия Святого Духа на Апостолов"). Затем было решено строить ещё два храма - на Южной площади (район Дворца спорта) и на Северной (территория парка имени 300-летия Казачьего войска - на территории "загребли", в центре вырубленной в 1933-34 гг. живописной роши). Но осуществить задуманное полностью не успели. Более того, из имевшихся в станице храмов уцелел лишь выстроенный незадолго до революционных событий Свято-Покровский - один из немногих вообще уцелевших в крае; и долгие годы к нему приезжали жители других районов.

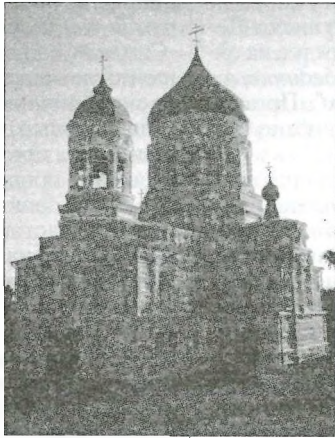
В Покровский храм привела меня бабушка - было мне лет пять-шесть. Потом я собирал материал по истории станичных церквей, расспрашивая пожилых людей. Первая информация о Покровском храме была получена мною от бабушки и мамы. Отцов отчим Спиридон Трофимович Шевченко до смерти (в 1948 году) был ктитором церкви. Что касалось церковного архива, то он был полностью уничтожен в 1942 году при "эвакуации".

Точная дата начала строительства храма неизвестна. Но в журнале "Школа и жизнь" (10 за 1907 год) уже говорится, что Каневское станичное общество отказалось от строительства второго этажа 3-х классного училища для детей казаков (ныне здание районной гимназии по ул. Вокзальной) в пользу возведения новой церкви.

Бабушка рассказывала - когда ей было 25 лет, для "новой" церкви заложили в землю на гашенные известь. Семья моего деда Никиты Ивановича занималась изготовлением кирпича-сырца. Но для церкви изготавливали обожжённый кирпич. Собрали 5 млн. штук яид - бабушка видела, как готовили раствор для кладки из известкового теста и яичного белка, придающего кирпичной кладке особую прочность. Как показали последующие события, это было действительно так.

Старики вспоминали о годах строительства: "Всё народ, всё народ - от мала до велика... Помогали деньгами, руками рабочими, строительными материалами (у кого что было), но в основном личным участием, бескорыстным, ради Христа... Стали по четыре часа в сутки, а то и меньше... Дорог, как сейчас, не было, после дождя грязи по колено, не пройти - не проехать..."

Покровский храм стоит на высоком фундаменте в центре Южной площади. Место это выбрал схимник Киево-Пе-



закладка храма



черской Лавры. Стоимость проекта составила около 100 тыс. руб. Храм строился четыре года, на деньги, собранные казаками Каневского юрта, и средства станичного правления (от аренды земли, ярмарочных сборов и т.д.). Архитектором был Иван Христианович Морбель - более 50 храмов в Кубанской области возведено им (хотя принадлежат они к разным архитектурным стилям, характеризуют их богатый орнамент, особая воздушность).

Работали приглашённые мастера, а подсобными рабочими - молодые станичники. Дядя сторожила Каневской Василия Стефановича Святого в возрасте 20 лет долго помогал строителям и оставил воспоминания. Требования к качеству были очень высокие. Подрядчик на стройке находился неотлучно, брак устранялся немедленно. Вообще отношение строителей к сооружению храма было особое, трогательно-ответственное.

От разных людей слышал я и такую притчу. Якобы подрядчик - обрусевший индеец - при закладке сумел как-то уменьшить размеры храма. Потом побоялся, что лишний кирпич подведет обман, и "погнал" храм вверх. При обсуждении ситуации гласные станичного правления порешили - "Хай вин будэ высокый, зато издали видно".

В плане храм в виде креста, состоящего из 4-х приделов, с главным барабаном, увенчанным одноглавым куполом. Небольшие "луковки" башенок храмовых приделов носят чисто декоративный характер. Важным элементом конструкции является звонница с открытыми боковыми проемами. Кресты были легкими, из дерева, с медной позолоченной обшивкой. Все окна с многозвенными переплетами - сделаны добротно, служат уже почти век. Колокола были отлиты уральскими мастерами: родной звон храма, по рассказам, был чудным, "малиновым".

Покровский храм недаром считался одним из наиболее красивых на Кубани. Во внутренней его отделке участвовали итальянские мастера. Мраморная отделка стен, настенные и потолочные росписи на библейские темы, очень красивый алтарь придавали храму особое величие.

В ведомости Покровской церкви ст. Каневской IV Благочинного округа Кубанской области за 1914 год сказано:

"Построена в 1912 году. Кирпичная, одной главы, холодная, с таковою же колокольнею, покрыта железом, ограда вокруг церкви железная, с чугунными столбами, на каменном фундаменте. Престолов один - во имя Покрова Пресвятыя Богородицы... Расположена в 260 верстах от кансistorии, от Благочинного в 35 верстах, от уездного города Ейска в 100 верстах, от Екатеринодара в 120 верстах. Ближайшая церковь Духосошественская ст. Каневской, в 1,5 версты и Успенская ст. Стародеревянской в 4-х верстах..."

Внутри церковной ограды постепенно образовалось небольшое кладбище, на котором покоится прах уважаемых каневчан - полный Георгиевский кавалер Григорий Левченко, Георгиевские кавалеры Павел Лоцман, Иван Романюта, Николай Денисенко и др. Захоронения 1918-19 гг. Некоторые из этих могил утрачены или оказались безымянными. Но само то, что часть кладбища сохранилась до наших дней, пережив войны и голодомор, не может не вызывать удивления.

Ныне церковная площадь почти вся застроена - в основном агрофирмой "Победа". Не сохранилось прежней церковной ограды, зато уцелело здание сторожки - как сказано в клировой ведомости, "построенной тищицем прихожан". В ней крестили детей и пекли просфоры.

Дом моего родного деда Никиты Ивановича был против церкви, а два его брата имели торговые лавки на Южной площади. Северо-восточная её часть когда-то была занята старым кладбищем, там же до 50-х годов 20-го века находился небольшой курган - "Шевченкова могила". Рядом находилась школа для детей казаков, построенная в 1906 го-



ду (снесена в 70-е годы). В 1925 году часть площади была отведена под строительство электростанции (теперь на её месте дворец спорта)...

Первая служба в новом храме состоялась в 1912 году на праздник Покрова Пресвятой Богородицы. Первым священником его стал отец Иаков (Яков Михайлович Донецкий). Он окончил Ставропольскую духовную семинарию в 1902 году, в 1904 году был рукоположен в сан священника. В 1906 году стал священником Свято-Духосошестввенской церкви ст. Каневской, заведующим и законоучителем церковно-приходской школы. В 1908 году, после открытия 2-х классов училища (нынешняя гимназия по ул. Вокзальной) стал в нём законоучителем.

В штате храма состоял также диакон-псаломщик - отец Макарий (Макарий Иванович Дроботковский). Если священнику было при открытии церкви 34 года, о. Макарий был пожилым человеком 65-ти лет. Окончил в 1866 году Екатеринодарское духовное училище, с 1880 года служил в Духосошестввенской церкви ст. Каневской.

Священник и диакон жалованья не имели - жили за счет доходов с церковной земли. Священнику шло от аренды причтового участка 413 руб., диакону - 215 руб. Кроме того, священник, как учитель двух школ под попечительством церкви, получал ещё 100 руб.

Службы проходили также в часовне, до 1933 года стоявшей на станичном кладбище.

Церковным старостой был избран 44-летний вахмистр Михаил Венедиктович Джумайло. В 20-е и в начале 30-х годов в храме был ещё один священник - отец Михаил (Иерамко). По рассказам старожилов, он не чурался и мирской жизни - занимался хлебопашеством.

Пока стоял Духосошестввенский храм, все станичные мероприятия по-прежнему происходили на площади перед ним (теперь парк 30-летия Победы) - к моменту коллективизации старый храм подошёл к своему 100-летию. В новый же ходили жители той части станицы, что и поныне зовется "Мыгрынкою" (а теперь ходят уже правнуки первых прихожан).

По завершении строительства Покровской церкви станичное общество начало подготовку к строительству ещё одного храма - на Северной площади. Удивительно, но 4 млн. штук кирпича пролежали в целостности с 14-го по 26-й год под открытым небом!..

В советское время Покровский храм едва не постигла печальная участь большинства храмов края. Среди тех, кто ещё в годы раскулачивания и Голодомора подвергся репрессиям, было много верующих. В станице, как и по всей Кубани, умерло от голода очень много людей. После голода на Южной площади решили разместить Куйбышевскую машинно-тракторную станцию, выбрав под контору дом репрессированного казака Михаила Черныша.

Политотдел МТС сразу начал активное наступление на храм. Чтобы создать видимость законности, власти обложили церковь нереальными налогами. К 34-му году половина населения Каневской вымерла, прихожан стало совсем мало, приход обнищал - и налоги, естественно, оказались непомерными. Тогда-то храм и был изъят у церковной общины "в погашение долгов". В 1935 году из Ростова приехали "специалисты" по экспроприации церковной собственности. Всё конфискованное было сдано в Госхран, что-то успели разобрать по домам прихожане. Священники отец Иаков и отец Михаил с семьями были отправлены в ссылку (известно, что семья о. Якова жила потом в Волгоградской области).

По настоянию райкома, было решено разрушить храм. Несмотря на массовые возмущения верующих, была сколочена группа разрушителей из числа переселенцев. Вооружённые ломами и кувалдами, они взобрались на крышу храмовых приделов. Но крепость кирпичной кладки оказалась необычайной. Не помогли и наскоро собранные сцепки из тракторов для растаскивания стен. Удалось лишь сбросить колокола, стащить луковки маленьких куполов да раскрыть часть крыши одного из приделов. Нашёлся и доброволец, взявшийся сбить крест на главном куполе.

Прибывшие взрывники предупредили, что взрыв должен быть очень большой силы и неизбежно вызовет разруше-



разборка храма

ние ближайших жилых домов. Пришлось бы эвакуировать и МТС. Её директор Пётр Прохорович Скворцов предложил передать храм на баланс МТС под ремонтную мастерскую. Пришлось, правда, по настоянию райкома разобрать звонницу.

Скворцов призвал бережно относиться к храму, говорил, что в нём когда-нибудь откроют музей. То, что удалось хотя бы частично сохранить уникальное внутреннее убранство храма - непосредственно заслуга Петра Прокофьевича.

Одно время здание храма использовалось под зерносклад. Дымом выхлопных газов был испорчен итальянский мрамор внутренней отделки, серьёзно пострадали фрески, особенно на куполах. Была почти уничтожена великолепная кованая ограда.

Осенью 1937 года Скворцова вызвали в райком партии и ультимативно потребовали разрушить купол главного барабана. Мелкие листы кровельного железа, снятые с купола, невозможно было бы использовать для плоской крыши - и райкомовцы предложили укрыть её... камышом!

Скворцов отказался от очевидной глупости и был арестован органами НКВД. Но за него встал весь коллектив МТС, значившейся среди передовых, и после мытарств директор вернулся на работу.

По окончании войны, когда Пётр Прокофьевич вновь возглавил МТС, храм уже действовал. Его вновь открыли при немцах - 14 октября 1942 года. Иконы собирали по домам; в 1943 году несколько больших икон было передано бабушкой Спиридоном в храм и из нашего дома - они находятся там и поныне.

Вновь открытому храму требовался капитальный ремонт, поэтому сначала службы правили в здании нынешней церковной библиотеки.

После ухода немцев пришла директива - открытие храмы не закрывать, разрешить деятельность церковных общин, вернуть священников и часть церковного имущества (малоценную утварь, иконы). В каждой семье было своё горе: погиб отец, сын, брат - и нужно было заглушить эту общенародную скорбь. На весь наш район оставалось на тот момент лишь два храма...

Служить во вновь открытом Свято-Покровском храме стал священник, вместе со своей матушкой работавший на МТФ.

После войны храм потихоньку ремонтировали на достаточно скромные средства. Много для восстановления его сделал протоиерей Георгий Сидоров. Но ещё в начале 60-х годов храм представлял собою безрадостное зрелище: разрушена часть крыши одного из приделов, разбит пол, основательно испорчен итальянский мрамор, отсутствовали отопление, нормальное водоснабжение, освещение, испорчены росписи. Церковная община существовала в атмосфере недоброжелательства и антирелигиозной пропаганды, дело доходило до хулиганских действий молодежи во время престольных праздников...

**В этом году Покровскому храму - 95 лет!** Сделан необходимый ремонт, изготовлена такая, как прежде, кованая ограда, на куполе - новый крест... При храме работает школа для детей и взрослых, детская театральная студия. Хор нашего храма считается одним из лучших в крае.

В престольные праздники церковная ограда уже вмещает прихожан. Пришлось на базе военачика сделать передвижную часовню, которая доезжает теперь до самых отдалённых хуторов района!

Большую лепту в налаживание духовно-просветительской работы с детьми, ремонт храма, организацию фольклорных праздников (на которые несколько лет приезжают многие казачьи коллективы России) вносит благотворительный фонд "Вольное Дело" известного кубанца О. Дерипаски...

Наши предки давно ушли из жизни, а построенный ими храм продолжает напоминать о вере кубанских казаков, помогает приобщиться к вечноному новым поколениям каневчан. А для неверующих... Что ж, пусть храм остаётся для них памятником архитектуры. В любом случае - станичникам есть, чем гордиться и любоваться!..

*Н. Лемии*



восстановление храма в 1963 году

# Атаман Громославский



Пётр Яковлевич Громославский родился в 1870 году. У его отца, дьячка станицы Букановской Якова Васильевича, закончившего Усть-Медведицкое епархиальное училище, было пять дочерей и один сын. Достаток семьи позволил дать основательное образование только сыну.

Семья Громославский среди станичников пользовалась уважением. А с началом работы Петра пришёл в дом и достаток.

Пётр Яковлевич в молодые годы, по воспоминаниям старожил, был красив, выше среднего роста, с прекрасным басистым голосом. В церковном хоре голоса Громославских звучали по особенному. Говорят, что за это и фамилия была пожалована семье от Войска.

Женился Пётр рано. Купил себе самый лучший тогда в станице офицерский дом в рассрочку за 100 рублей. Но жена вскоре умерла от туберкулеза, оставив ему двух сыновей - Виктора и Василия.

Петру Яковлевичу приглянулась дочь богатого купца Фёдора Шорникова - Мария, красивая весёлая казачка из станицы Чернышковской. Родители её были против этого брака: жениху под тридцать, да ещё два сына. Однако Пётр Яковлевич проявил настойчивость, дав обещание тестю, что дети от первого брака, которые были ненамного моложе его новой избранницы, будут жить отдельно - у его бездетной вдовой сестры, для чего он купит им отдельный дом. На том и порешили...

До 1915 года Пётр Яковлевич три раза подряд избирался атаманом станицы Букановской. Однако в 1916 году в "Памятной книжке Области войска Донского" за 1916 год в разделе "Станичные атаманы" записано: "Букановская - (вакансия)". Старожилы говорили, что Пётр Яковлевич обладал организаторскими способностями, строго следил за чистотой в станице, особенно на площади и у церкви, но начал "заниматься тёмными делами", за что и не отходил третий срок в атаманах.

В своей биографии в 1937 году М.А.Шолохов напишет: "Отец жены - Громославский Пётр Яковлевич - до Октябрьской революции был станичным атаманом ст. Букановской Хопёрского округа, затем почтарём".

За годы атаманства Пётр Яковлевич разбогател, в хозяйстве увеличилось количество работников. Держали три пары почтовых лошадей, ямщиков нанмали. Мебель в доме была мягкая, темно-бордового бархата, три зеркала-трюмо.

После отставки Пётр Яковлевич вновь вернулся в храм дьячком. 30 января 1900 года у него родился третий сын - Иван. А затем род Громославских стал пополняться дочерьми. Старшая, Мария, появилась на свет, когда Мария Фёдоровна ещё кормила грудью Ивана. Потом родилась Лидия, а спустя годы и сестры-близнецы, Анна и Полина.

Пётр Яковлевич хотел, чтобы сыновья стали священниками, послав их учиться в Усть-Медведицкое епархиальное училище, а затем в Новочеркасскую семинарию. Дочерей он также поместил в епархиальное женское училище в Усть-Медведице. По воспоминаниям Ивана Петровича Громославского, все дети атамана были хорошо одеты, имели золотые часы на цепочке, а дочери - украшения. Дома были и в станице Букановской, и в Новочеркасске.

Однако 1917 год нарушил все планы семьи Громославских. Гражданская война разметала сыновей. Сам Пётр Яковлевич, понимая, что возврата к старой России нет, чтобы спасти семью в смутное время, решил "жить тихо".

Интересный эпизод есть у А.Воронцова в романе "Огонь в степи" - диалог между молодым Шолоховым и Харлампием Ермаковым, участником Верхнедонского восстания:

"...Ты скажи, Михайло Александров, чего это твой тесть такой богомольный стал?"

Вопрос застал Михаила врасплох. Он развел руками:

- Так ведь верующий он... Давно.

- Вот это правда, что давно! Он был верующим, и когда атаманил при старом режиме, и когда от всех мобилизации бегал - от белой, красной, кудиновской, и когда в станице покое сидел и бозател, как будто советская власть его не ка-

сается. Правда, вышла и у него осечка, попал в исправдом, но быстро вышел, быстрее меня, и пошел в церкву пономарем как ни в чем не бывало! Где же он, богомольный, был в 19-м, когда безбожники святые церкви поруганию подвергали? Видел я его недавно: всё такой же гладкий, справный, пузо шию больше стало. Зараз у меня, Миня, вопрос: ежели Бог таким, у которых завсегда хата с краю, помогает, а мне нет, зачем мне верить в Него? Я в этом вопросе большевиков понимаю!

- Я, Харлампий Васильевич, за тестя не ответчик...

- Знамо дело! У меня к тебе претензий нет. Ты мне скажи, отчего Бог таких, как Пётро Яковлевич, любит?

Михаил отвел глаза..."

Петру Яковлевичу пришлось всю свою изворотливость пустить в ход, тая от станичников семейный достаток. Как потом рассказывали в семье Ивана Петровича, все вдруг стали пешком ходить - дескать, лошадь не на что купить. Девчата наряды в сундук попрятали.

А тут ещё сыновей мобилизовали в Белую Армию. Спасло от расправы то, что на постой к Громославским был определен известный комиссар Малкин. Станичники звали его "Ванька-зверь" - много казаков в краснотале порубил. Но Громославских не трогал. Был случай, о котором вспоминает Павлова Роза Михеевна, 1928 года рождения:

"Мой отец Павлов Михайл Нестерович работал председателем Букановского Совета... Комиссар Малкин остановился на квартире у будущего тестя Шолохова. И вот прибегает мать-старуха ихняя: "Михей Нестерович, нашего хазяина посадили! Поговори с Малкиным..."

Отец пошел, а тот своё: "Я решил так: всю семью расстрелять". Михайл Нестерович говорит: "Нельзя так. Это будущие строители коммунизма". "Нет, завтра надо выводить в хворост". Да уж кое-как уговорил Малкина".

Спасло бывшего атамана не только это заступничество, но и то, что Малкину приглянулась старшая дочь Громославского Мария. Пётр Яковлевич даже выхлопотал у Малкина справку о своей благонадежности.

В 1919 году восставшие казаки звали его на свою сторону. Но Пётр Яковлевич отказался - и даже, как пишет М.А.Шолохов в автобиографии - "в 1919 году во время Верхне-Донского восстания против Советской власти со своим старшим сыном добровольно вступил в красную Слащевско-Кумылженскую дружину, летом в этом же году был захвачен в плен белыми, предан военно-полевому суду и приговорён к 8 годам каторги, которую отбывал в Новочеркасской тюрьме вплоть до занятия его в начале 1922 года красными войсками".

Однако жители Букановской утверждали, что Пётр Яковлевич вернулся домой сразу после ареста, никуда из станицы потом не уезжал и всё время был дома. Поговаривали, спасло его то, что сыновья служили у белых. Тем не менее, slučaj дал пищу для фантазии многим исследователям. Так, В.Воронов в книге "Юность Шолохова" пишет: "Бывший атаман станицы Букановской, П.Я.Громославский был сильно мобилизован белым атаманом, генералом Гусельщико-вым, но не подчинился приказу, а во время Вешенского восстания с двумя сыновьями ушел к красным. В одном из боев попал в плен и был приговорен военно-полевым судом на каторжные работы. Из Новочеркасской тюрьмы его освободили в январе 1920 года отряды кавалерийского корпуса Думенико".

Вскоре вернулись и сыновья. Как потом напишет в автобиографии Иван, конец 1919 - начало 1920 года он провёл в госпитале в Ростове: тиф свалил как раз перед отступлением. Воспользовавшись неразберихой, вернулся в станицу и Виктор с Василием, поселились отдельно от второй семьи отца. Вскоре, однако, Виктор повесился - почему, так никто и не узнал.

Как "пострадавший" от белых, Пётр Яковлевич был принят на советскую службу. В той же биографии Шолохова так говорится об этом: "С 1920 года по 1924 был заведующим станичным земотделом, а затем псаломщиком в течение, кажется 2 лет. Судился за невыполнение сельскохозяйственного налога, получил 3 года принудработ, но досрочно был освобождён и восстановлен в избирательных правах".

Вместе с отцом работали в земотделе и его дочери - Мария и Лидия. Там и познакомился с ними молодой Михаил Шолохов. Букановские старожилы рассказывали, как будущий



П. Я. и М. Ф.  
Громославские

писатель ухаживал за Лидией и даже *“сорвал первый поцелуй”*. Однако потом увлекся старшей сестрой, Марией.

Пётр Яковлевич для дочерей хотел другой партии - зажиточнее, родовитее. О прошлом же матери Шолохова, Анастасии Даниловны, ходило много разговоров, а отец, Александр Михайлович, и вовсе спился. Но новая власть делала упор на своих - *“пролетариев”*. Миша Шолохов был как раз не из казаков и пролетарий. Без денег, но смыслённый. Если его поддержать, *“ума вложить”*, то можно и свою семью спасти... Да и лучше такой муж для Марии, чем комиссар!..

Когда Михаил пришёл свататься, бывший атаман пригласил его на разговор без свидетелей. Никто не знал, о чём шла у них речь, но вышли оттуда вместе. Пётр Яковлевич объявил, что выдает замуж Марию, которая была старше Михаила.

Продолжая изображать *“бессребреника”*, Пётр Яковлевич свадьбу сыграл бедную и приданое дал пустяшное - куль муки да узелок с вещами, немало удивив станичников. Но венчание на Рождество 1924 года было торжественным - как венчали всех именитых людей, при всех зажённых люстрах, с хором.

Вскоре Пётр Яковлевич любимую дочь с зятем *“выпроводил”* со двора на квартиру с одним узелком, чем тоже удивил станичников. Поговаривали - подальше от Лидии. Но, видимо, в том *“узелке”* было всего достаточно, чтобы молодые жили самостоятельно, не имея своего хозяйства, а потом и уехали в Москву (где Шолохов, по его собственным же словам, сменил десяток профессий за короткий срок - и, значит, постоянного заработка не имел). Нет ни одного воспоминания, свидетельствующего о том, что молодые голодали в то время.

Зато у Михаила появилась страсть к творчеству. Г. Сиволов в книге *“Страницы биографии”* пишет:

*“Не баловал старый тесть вниманием молодого зятя. Не нашлось молодым места в большом атаманском курене. Михаил вынужден был снимать квартиру в доме купца Долгова. С утра до поздней вечера в кузне стучали молотобойцы, а рядом днями и ночами работал над своими рассказами Михаил. Работал много, напористо и с вдохновением. Писал чем придётся - карандашом, самодельными чернилами из бузины.*

*Родственники жены, старый атаман с недоверием относились к литературным занятиям своего зятя. А Михаил упрямствовал, наедине с чистым листом бумаги просиживал ночи. За сравнительно короткое время написал несколько рассказов...”*

Живя то в Каргиновской, то в Букановской у Громославских, Шолохов за 18-20 месяцев создал большинство своих рассказов и повесть *“Путь-дороженька”* - то есть занимался только литературным творчеством. Кто, кроме тестя, мог тогда поддерживать молодых с появившейся на свет внучкой?

Очевидно, и первые литературные опыты зятя бывший атаман поддерживал. В том числе и как бывший литератор, хоть и посредственный. Образование у Петра Яковлевича всё же было *“повыше”*, он обладал каллиграфическим почерком, о чём свидетельствуют сделанные им надписи на фотографиях (находящихся теперь в музее в Вёшенской).

Нередко ночами вместе с зятем они просиживали над страницами рассказов, обговаривая и корректируя написанное. Иначе и не могло быть. Михаил в армии не служил, события гражданской войны воспринимал глазами подростка. Пётр Яковлевич понимал, что его записи и рассказы никто печатать не будет. Другое дело - Михаил. Биография его не отягчена атаманством, нет родственников, которые бы служили в Белой Армии.

Бывший атаман делает ставку на Шолохова, но перед станичниками играет роль тестя, недовольного, что зять жжёт много керосина. Житель Букановской Валерий Андреевич Гладышев вспоминал, что Громославский, *“когда Шолохов уже был зятем, все посмеивался: “Черте что - люди землю пахнут, хлеб сеют, а этот сидит, сочиняет чего-то...”*

Как пишет Р.Медведев (*“Правда и ложь о М.А.Шолохове”*) - после того, как Шолохов породнился *“с семьёй Громославских, литературная деятельность Шолохова становится все более успешной и интенсивной”*.

Шолохову пишется только рядом с тестем! Тандем Шоло-

хов - Громославский продолжил и когда Шолоховы переехали в Вёшенскую. Вспоминает Токина Полина Николаевна, 1902 года рождения: *“Я сама вёшенская. Рядом со мной жила по улице Ленина, 109 Резцова Груня. Сын у нее работал в сберкассе, проиштрафился он, и его судили. А мать пожила-пожила одна и умерла. После нее тут поселился Шолохов. Весь дом занял, а к нам поставил тестя с тещей, потому он часто у нас бывал (Громославские года два жили у нас на квартире)”*.

И здесь тесть практически содержит семью Шолоховых, даже покупает зятю самый большой дом в центре станицы. Когда же сюда переезжает сын Иван с семьёй, то покупает добротный дом и ему, прямо против Шолоховых. Сам же с женой живёт во флигеле рядом. Неожиданный достаток объясняет продажей дома в Букановской.

Успех первых рассказов окрылил, и Громославский предлагает зятю писать роман о казаках. Как потом точно подметит старожил хутора Черновского Никонов Иван Иванович, *“атаман не мог пропустить такие переломы, перегибы, как революция”*. Вместе с Шолоховым ездил по хуторам, расспрашивал казаков о недавних событиях. Авторитет старого атамана открывал двери казачьих куреней, умение вести беседу располагало к разговору. Михаил всё тщательно запоминал и записывал. Пройдёт еще немного времени, и будущий писатель сам исколесит окрестные хутора.

А пока, как напишет потом Пётр Луговой - *“писать, трудиться над книгами он уходил в свой флигель, где жили Пётр Яковлевич и Мария Громославские. Старички ложились спать, а он занимал свободный зал флигеля и подолгу просиживал над рукописями. Иногда работал там и днём...”* (*“С кровью и потом. Из записок секретаря райкома партии”*).

Следовательно, все черновики, материалы для произведений хранились у Петра Яковлевича, что не исключает и его личной работы над текстом. Не зря же Евгения Левицкая вспоминала, как поразило её, что в кабинете писателя не было даже листов бумаги на столе.

И ещё воспоминание П.Лугового: *“Замечательным стариком был Пётр Яковлевич Громославский. До Советской власти он служил атаманом Букановской станицы. Но это был не реакционный, а, так сказать, нейтральный атаман. Белогвардейские власти посадили его в новочеркасскую тюрьму за то, что он не отступил с белыми. Освободила его Красная Армия, занявшая Новочеркасск, в то время областной центр донского казачества.*

*Пётр Яковлевич был высокий, полный, стройный человек с громким голосом и с уже седой головой. Он во многом помогал Шолохову по хозяйству, организовывал доставку дров, фуража, добывал муку, зерно и другие продукты. Помогал строить дом с мезонином, тот самый, который потом фашисты разбомбили. На домашних вечерах Пётр Яковлевич руководил пением и сам пел с желанием и успехом”*.

И то же самое - в начале 1930-х годов: *“У Шолохова в 1930 году было двое малолетних детей - Светлана и Александр. Значительную часть свободного от работы времени Михаил Александрович проводил среди родных и близких. Это были три сестры Марии Петровны - Анна и Полина с мужьями и Лидия, в то время девица, двое их братьев - Иван с женой Евдокией и Василий, хотя Василий в Вёшенской бывал редко, он работал где-то в другом месте. А первенствовали в этом семейном кругу, конечно же, родители Марии Петровны - Пётр Яковлевич и Мария Федоровна Громославские”*.

Мы видим ту огромную роль, что Пётр Яковлевич играл в семье Шолоховых. Он был фактически её главой, на его плечи легли все хозяйственные дела. Михаилу Шолохову были созданы все условия для творчества. Более того, бывший атаман всегда был рядом с зятем, если ему нужен был совет, подсказка. Вот почему для работы над романом *“Тихий Дон”* было выбрано ночное время.

Оставила свои воспоминания о поездке в Вёшенскую и Е. Левицкая. Есть в них и такая характеристика бывшего атамана: *“Этакий браваый казачий офицер с седыми усами и отличной военной выправкой”*.

Интересно воспоминание и упомянутого выше И.И.Никонова: *“Стройный, тушистый. Каждую неделю приезжал к сыну в Черновку. Конь у него был огромный, служивский. На дрожках приезжал. Поговорит с сыном и уедет. Помогал зятю материал собирать для романа. За отца ему был.*



М. Шолохов с женой



Шолохов с родными, 30-е годы

Что он в 21 год знал? А у атамана жизненный опыт был. Одному собрать материал, обдумать и обработать такую махину молодому Шолохову было не под силу".

Семья Шолоховых была в Вёшенской на виду. Заметной фигурой был и Пётр Яковлевич. О том, какое влияние он имел на Михаила Александровича, может служить доклад Сталину комиссии, побывавшей в станице. Оно характеризуется как "контрреволюционное". Писателю рекомендуют уехать, порвать с семьёй тещи.

"Лучше всего было бы для Шолохова (на которого и сейчас влияет его жены родня, от неё прямо несёт контрреволюцией) - уехать из станицы в промышленный центр, но он решительно против этого, и я бессилён его убедить в этом..." - пишет Сталину В.П. Ставский 16.09.1937 г.

Арестовывают Ивана Громославского - директора Черновской школы, снимают мужа Анны Петровны Громославской - директора Еланской школы Владимира Шолохова. Ведётся слежка и за Михаилом Александровичем. В апреле 1937 года на стол секретаря горкома ВКП(б) в Ростове ложится донос коммуниста Н.В. Богдановича:

"Вам известно, что в ст. Вёшенской живет писатель Шолохов М. У него на иждивении находится отец жены Шолохова бывший Атаман ст. Вешен, который был сослан, при ходатайстве Шолоховым из ЦК ВКП(б) Шолохову удалось вернуть своего тестя в ст. который в настоящее время проживает с Шолоховым вместе. Но дело не в этом что он живет, а дело в том что необходимо обратить внимание на этого типа бывшего атамана тестя Шолохова который заходит в магазин сельпо Вёшенской станицы и требует от зав мага выдать ему не расцененный товар. Зав маг отвечает товар не расценен, атаман в ответ зав магу заявляет что мне суете ваши порядки. Эх, не старая время я бы вас всех перевешал бы сволочей с вашими порядками. На такую контрреволюционную вылазку не однократно со стороны атамана Зав маг заявил 1 м секретаря райкома ВКП(б) ст. Вёшенской 1-й секретарь вместо того чтобы привести к порядку такого бандита разясняет зав магу это пусть не обращай внимание как видно атаман был не в духе.

2 факт. Атаман скупает мануфактуру распуснит полотенно перед стоящей очередью в магазине и говорит вот дураки посмотрите: а вы стойте в очереди".

Все, кто находился в родстве с Громославскими, подвергался слежке или аресту. Искали "выход" на самого писателя. О том, что тестя должны были арестовать, Шолохова предупредили. И лишь прямое обращение к Сталину спасло его семью и родственников жены. Вот почему Шолохов в своей биографии в 1937 году большое внимание уделяет не столько себе, сколько семейному окружению. Петра Яковлевича представляет как бывшего атамана, пострадавшего от белогвардейцев, заканчивая словами: "Сейчас живет в ст. Вёшенской и находится на моём иждивении".

Выражение "на иждивении" здесь можно расценивать как "взят на поруки". Хотя Пётр Яковлевич с Марией Фёдоровной в это время жили в доме, купленном Ивану.



Громославские, 30-е годы

К 1939 году И. Громославский был освобождён как незаконно арестованный, В. Шолохов восстановлен на работе. Кажется, семья наконец-то обрела покой. Возобновились семейные чаепития с визитами друг к другу по выходным...

Вспоминает В.В. Громославский: "Дед, Иван Петрович Громославский, рассказывал, как Пётр Яковлевич умер. Было это 15 марта 1939 года. Шолоховы из Москвы приехали домой. Все их очень ждали. Знали, что всегда с гостинцами приезжали для всех, подарки привозили каждому. Да и интересно было новости узнать. Михаил Александрович и Мария Петровна пригласили к себе на чаепитие всех Громославских часам к 10 утра. Чаепитие Громославские любили и устраивали их по разному поводу. Ходили друг к другу в гости. Вот и в этот день все оделись во все лучшее, довольные, с настроением пошли. И Пётр Яковлевич с ними. Встретили их Шолоховы радушно. За стол все сели, смеются, разговаривают, чай пьют. Мария Петровна рюмочку водки налила и подает Пётру Яковлевичу. Пётр Яковлевич выпил и сразу же повалился, упал на пол. Тут уж не до чаепития. Все вскочили, бросились к нему, а он мёртвый. Врачи сказали, что приступ с сердцем. Для всех это было так неожиданно: никогда не болел и сразу умер..."

В семейном архиве сохранилась фотография с датой 19.03.1939 г. У тела П.Я. Громославского сын Иван с женой и сыном Владимиром, дочери Полина и Анна с мужьями, Лидия, Мария Петровна Шолохова, двоюродный брат писателя - Сергин. У изголовья - Мария Фёдоровна. На фото нет М.А. Шолохова. В семье говорили, что ему власти "не рекомендовали" фотографироваться у гроба атамана.

Могила его была на старом вёшенском кладбище (его уже нет). Архив Петра Яковлевича, говорили станичники, перешёл к сыну Ивану. Говорят, там были личные записи и какие-то бумаги, привезенные сыновьями из Новочеркасска, фотографии... При жизни Марии Петровны Шолоховой часть фотографий была отдана в музей. Бумаги вроде пропали во время войны...

Когда Шолохов в Москве печатал "Тихий Дон", почти в каждом письме жене в Вёшенскую упоминал тестя. Многие годы литературоведы будут искать "заветный сундучок" Петра Яковлевича. Многого связывало его с зятем: охота, рыбалка... Но было и что-то большее в их отношениях. Пётр Яковлевич заменил зятю отца, не оставившего в сердце писателя ничего, кроме горьких воспоминаний. Стал его наставником, помогал сделать первые шаги на литературном поприще...

Не претендуя на соавторство, П.Я. Громославский был рядом с писателем в самые его плодотворные годы, в тяжёлое для семьи время, поддерживая материально и морально. Старый атаман вложил в Михаила самое дорогое, что у него было - нереализованный им самим запас знаний, свой жизненный опыт, литературные способности.

Казак-старожилы до сих пор поминают старого атамана добрым словом, неизменно добавляя: "Никого никогда не обижал. Грамотный был. Крепко помогал Шолохову..."

А. Жбанников



у гроба П.Я. Громославского



## Байки деда Игната

Предания семья Радченко - забавные или странные, но всегда правдивые ("дед Игнат брехать не станет!..") - связывают воедино несколько поколений этого кубанского рода. В 30-х годах XX века Дмитрий Игнатьевич Радченко рассказывал байки внуку - Виталию Григорьевичу. К нам же они попали благодаря праправнучке "деда Игната" - Софии Пономаревой.

### Байка седьмая - про Касьянов и Касьяновичей в роду нашем - казаков, весьма склонных к приключениям

Так уж повелось в роду нашем, что испокон веку с Касьянами у нас всегда всякие истории приключались. С ними и с ихними детьми - Касьяновичами. С внуками уже нет. Видно, все их "касьянство" перебраживает в материнских кровях. Но если среди внуков появляется Касьян - все повторяется снова. Так шло до конца прошлого века. В конце нынешнего, двадцатого, в роду нашем Касьянов нет. Перевелись. А вернее - искусственно пресеклись, ибо стали наши родичи имени того чураться.

А первый Касьян, о котором сохранилась у дедов наших какая-то память, жил на Полтавщине где-то в середине (а

может, чуть раньше) благословенного "осьмнадцатого", как тогда говорили, столетия. И состоял в Запорожском войске ещё до того, как оно стало Черноморским и переселилось на дарованную царицей Екатериной Кубанскую землю, привольную и богатую...

Так вот, по преданиям, стародавний тот Касьян был отчамахой и паливодой, человеком шустрым и даже проказливым, и даже бунташным. Ежели на других Касьянов приключения сыпались как-то сами собой, по прихоти свыше, то тот Касьян их искал и находил - хотя, конечно не без вмешательства всё тех же сил необъяснимых. За от-

дельные провинности супротив писанных и неписанных казацких законов он неоднократно бывал подвержен разного рода наказаниям, о существовании которых дед Игнат путём не знал, и внукам своим, то есть нам, особенно не распространялся. Но вот последнее из них в житии того Касьяна крепко врезалось в память последующих поколений, и о нём наш дедуля всё же повествовал. Дело в том, что легендарнейший из дедов наших, тот самый Касьян, за активное участие в каком-то незнатном бунте приговорён был не то отцами атаманами и братьями войсковыми судьями, не то самой радой казацкою к высшей мере - повешенью на перекрестке дорог. В назидание прочим смутьянам и заводилам. Как говорят, кому мука, а другим наука!

Палачей-вешателей в казачьем вольном войске не было. Никто не хотел, да и не должен был брать на себя такой грех. Приговор приводил в исполнение сам осуждённый: его подвезли под виселицу - "шибэньцю" - на неосёдланном коне, охлопью, он сам надевал на себя петлю. Сопровождавшие стегали лошадь плетью - она, само собой, рвала вперед, и приговорённый заканчивал своё брэнное земное бытие... Но было два нерушимых правила: если веревка не выдерживала и под тяжестью сердешного смертника обрывалась или развязывалась, а он при этом оставался жив, - ещё раз его вешать не полагалось. И второе - если по пути к шибэньцю к процессии выходила дивчина и объявляла о своем желании выйти замуж за висельника ("шибэньця"), то он смертной казни не подвергался.

И вот, когда нашего Касьяна сопровождали на казнь, на дороге возникла женская фигура в белом саване - дивчина, пожелавшая как раз взять приговорённого в мужья.

И что же наш баламут? Он подъехал на коне к той дивчине, приподнял у нее на голове белый саван, поглядел на её лицо, опустил саван, и, сплюнув, изрёк, что лучше принять безвинную смерть и предстать пред судом Божьим, чем всю остатную жизнь провести с такою страхолюдною бабой.

Есаул махнул рукой, скорбная процессия двинулась дальше. - Ну и дурный же ты, Касьян, як сало без хлеба, - сказал ему один из конвоиров. - Жинка нэ стинка!

Касьян вздохнул и опустил голову. Мужик, он лишь задним умом силен.

А дальше всё повторилось. Бог, как говорится, не без милости, а казак - не без счастья. На выезде из села, из-за огородов белая женская фигура снова появилась на дороге. Настырная, видать, была молодуха, хоть лицом-обличьем не взяла.

- Ну что ж, - сказал Касьян, - кому не судьба быть шибэньком, тому, видать, другое предписано наказание...

Однако брак непутёвого Касьяна со "страхолюдною" дивчиной стал для него не Божьим наказаньем, а подлинным

спасеньем - он перестал бражничать, искать на свою голову приключений, судя по всему, увлекся домовым хозяйством. Был он, по преданиям, мастеровитым, умел все делать сам. А у нас как: тот господин, кто умеет всё делать один. А если труд - в радость, то и жизнь - счастье. Жинка же его на зависть всей округи оказалась страсть плодovitой: что ни год-полтора, одаривала Касьяна, как говорят, если не двойней, то хотя бы одним, - чаще хлопчиком. Ну, может изредка - дивчинкой. А от материнского счастья подобрела и похорошела. Не зря же люди говорят: не родись красивой, а родись счастливой...

Было у них тех хлопчиков, только выживших и выбившихся в люди, не то двенадцать, не то больше. А уж внуков - и сосчитать невозможно. И все они были, по заверениям деда Игната, казаками добрыми, службу несли исправно, строго поддерживали наш семейный завет: не пить и закусывать, а есть и запивать... Случалось, не без того, что кто-то из них приходил с гулянки до родной хаты без шапки или с расквашенным носом, но чтобы выйти за межу совестью и послушания старшим - того ни-ни. И ещё: тот стародавний Касьян любил называть своих сынов Касьянами. Когда его спрашивали, зачем ему в семье третий или четвертый Касьян, он с ухмылкой отвечал: один Касьян - не Касьян, два Касьяна - пол-Касьяна, а уже три Касьяна и есть настоящий Касьян на долгие-предолгие годы...

Кто-то из тех бесчисленных Касьяновых внуков пришёл на Кубань с атаманом Саввою Леонтьевичем Белым. Они поселились в низовых станицах - от Катеринодара и до Темрюка с Таманью. А те, что год спустя добрались сюда с атаманом Харьков Чепигой, - в основном обосновались выше по течению нашей славной реки, по ее правому берегу.

И до того много расплодилось нашей фамилии, что куда ни ткнешься - везде напорешься на родню, особо дальнюю. Хотя сейчас пошли такие родичи, что не признают родства. Мы, говорят, однофамильцы! Так это на их совести пусть будет: "фамильцы" то они "фамильцы", а все ж - одно! Может, седьмая, а то и семьдесят седьмая вода на киселе - как говорится, чёрт козе дядько, а все ж свой, сродственник...

Дед Игнат часто повторял, что он обязательно читает фамилии захоронений в братских могилах. При этом он редко когда не наткнулся на нашего вроде как бы однофамильца, а скорее - сродника. А так же, насколько он знал, на ещё более отдаленного родича по материнской линии. Или кто-то на ком-то был женат, или кто-то кому-то кумсват. Поглядишь, говаривал он, и подумаешь, что в той войне на всех наших поруха пришла. Ан нет, и в числе ныне здравствующих их предостаточно. Видать, и в правду, казацкому роду нет переводу!..

### Байка восьмая - про детские забавы сынов Касьяновых, от которых у них, случалось, чубы трещали

Дед моего деда, "старый" Касьян, женился после службы, когда ему было под пятьдесят; по понятиям того времени - очень поздно. Это мужчины из панов и бар-помещиков считались хорошими женихами после 45-ти, когда у них чины "подходили", накапливалось какое ни то состояние. Простые шли под венец рано - лет в 16-18, а девчата выскакивали замуж и того ранее. Казацкая семья спешила обзавестись сыновьями, ибо на каждого хлопчика полагался земельный надел - "пай", а он для казака-кубанца был "всё" - и справа, и слева, и его казна и достаток, и всё остальное.

До женитьбы дети считались детьми, независимо от возраста, хотя с шести-семи лет гарцевали на конях, участвовали во всех домашних работах, невзирая на их сложность и тяжесть. В свободное же время им, как и любым детям, дозволялись умеренные шалости. А Касьяновы дети отличались не только живостью, но и неудержимой изобретательностью, особым рвением по части сумасбродств.

- Ну шо у нас за диты таки, - сокрушался старый Касьян. - У людэй диты як диты, а у нас байстрюкы якись, аничутки и аничубулята. И в кого вони таки удалысь? Нэ пойму...

При этом он, естественно, забывал о днях своего далекого к тому времени детства, когда и ему за то, что любил колотить, перепадало то лозиною, то "хлудом", а то и кием, то бишь палкой... Ну, а в кого они "удалысь", то что тут скажешь? Бык и теля - одна родня...

Было у того "старого" Касьяна три хлопчика, один от другого на год-полтора младше, но где-то летам к десяти та разница стала стираться. Старший, тоже Касьян по про-

званию, был заводилой всяких ребячьих происшествий. О самом раннем из их деяний, когда хлопчикам было годов по 12-13, сохранилась память, и дед Игнат повествовал нам эту историю с удовольствием, позволяющем подозревать его предвзятое одобрение той шалости своих, а значит, и наших почтенных предков.

В ту неблизкую нашим дням пору были в моде чумацкие обозы - ватаги возчиков-чумаков, перевозивших на волах разные товары. Это сейчас их возят по железной дороге или автотранспортом, а в те времена грузили соль, рыбу, зерно и все другое, потребное для жизни, на возы, и волы неспешно тащили все это по чумацким шляхам и просёлочным дорогам в разные места. Такой обоз двигался медленно, волы шли со скоростью усталого пешехода, но они, эти самые волы, были очень выносливыми, сильным тяглом, спокойным и надежным. Как говорится, медленно, но верно.

По кубанским дорогам чумаки обычно двигались вечерами и по ночам, отдыхая в жаркое время где-нибудь у речки или колодца. Пути чумацкие им хорошо известны, их хожены, истоптаны, так что заблудиться никакой угрозы не было, даже в темнющие южные ночи.

Один такой накатанный шлях проходил через нашу станицу. Главная улица бурьяном не зарастала - по ней то и дело проезжали обозы. А широким шлях был не только потому, что спасал станичников от пожарного наветрия, а скорее по другой причине. Дорога не была мощёной. Одна-другая гарба проедет, растолчёт землю в пыль, и первый же дождик превратит пыляку в непролазную грязь. Приходится прокладывать новую колею, а для этого нужно

было пустое место. Бывало, к зиме так разъезжают тот шлях, что он кажется широкой грязевой речкой. Весной та "речка" высыхала, но под копытами тягла и тележных колесами очень скоро превращалась в мягкую пылевую перину.

Вот наши хлопчики и забавлялись частенько тем, что, сгурговавшись со станичными подростками, где-нибудь под вечер сгребали ту пыль в бугры и валы, и выстраивали их в два-три ряда поперек наезженной части дороги. Задержавшийся в поле станичник, возвращаясь к ночи домой и уже предвкушая конец трудового дня, врезался своей гарбой в такой бугор, застревал в нем, чертыхаясь, слезал, помогал коням вытащить телегу из пыляки а через минуту-другую его приключение повторилось. Не подозревая в этих деяниях злого умысла, добродушные станичники сетовали на "несмышлёнышей", заигравшихся на шляху, и вроде как бы не ведавших, что творят.

А несмышлёныши меж тем заприметили сохнувшие вдоль забора дрова - выкорчеванные во дворах пни, и быстро сообразили, что это прекрасный материал для шутки более затейливой и более злой. И однажды к вечеру, увидев приближающийся к станции чумацкий обоз, ватага подростков по сигналу нашего Касьяна кинулась к этим пням и, молодецки поработав, на дальнем конце квартала соорудила поперек шляха ограду. Да не прямую, а по дуге, так, чтобы у неё не очень были заметны стыки с "хозяйскими" заборами-плетнями, перед которыми годами сохли те самые пресловутые дрова. Недостающие для стройки пни хлопчики таскали с соседних улиц. Дурное дело - не хитрое...

Закончив стройку на дальнем конце квартала, они перебежали к его началу и залегли в бурьяне и канавах, со злорадством наблюдая, как в надвигающейся ночной тьме чумацкий обоз медленно и торжественно втягивается в ловушку. Как только последняя гарба прошла мимо, они с таким же

радостным возбуждением воздвигли стену с тыла обоза.

Волы головной гарбы между тем упирались в преграду и останавливались. Это делали и все остальные, наткнувшись на впереди стоящих. Передний возница окликал своих волов, понукая к движению, но и "цоб", и "цабэ" стояли, как вкопанные. Стегнув их для порядка хворостинной, хозяин соскакивал с гарбы, подходил к препятствию и ощупывал.

- *Шо за чертви батько*, - говорил он подошедшему товарищу, - *с дороги вроди нэ свзталы...*

В крошечной тьме южной ночи разобраться, в чём дело, было не легко. Дорога знакомая, пройденная не раз и не два, и заподозрить что-либо необычное - просто невозможно. Чумак брал налыгач, поворачивал волов вдоль стенки и возвращался на место:

- *Цоб... Цабэ!*

И умные волы послушно двигались поперёк пыльной улицы, тем более, что она была шире иной городской площади. Идут себе и идут. Идут, пока чумаки не сообразят, что катаются по кругу, и где теперь тот перед, а где тот зад - не понять, не угадать. Можно только предвидеть излияния их чувств, когда они, бывало, с рассветом поймут, что до чего и в чём заковыка!..

Так что когда дед моего деда поругивал своих шустрых "анцыбулят", обзывая их не очень лестными словами, - доля его правоты в том была... Они заслуживали и большего. До особых, тем более жёстких мер пресечения обычно не доходило: старый Касьян, как большинство стариков, в тайниках души умилялся шалостям своих "анчуток", во многом повторяющих дни его отдаленного детства, и справедливо полагал: придёт время - перебесятся.

Дед Игнат, повествуя нам о проказах пращуров, со вздохом подводил такой итог этой всё же забавной байки:

- *Ото ж така була у ных семинария, бурса и академия...*

### **Байка тринадцатая - про клады и сокровища, попову пуговку, да про салотовку царя Соломона**

Однажды дед Игнат посетовал, что в последнее время что-то ничего не слышно про клады, про найденные или, наоборот, ненайденные сокровища: "*Чи, можэ йих вси поткопалы и шукать ничого... А в старовыну йих, тих кладив, було, як ббчжол...*" И на наши - его, деда Игната внуков - настоячивые просьбы, он рассказывал, что помнил. Да не про волшебные, охраняемые нечистой силой, а про спрятанные людьми настоящие клады, которые, правда, так же упорно не давались искателям, как и те, сказочные...

Один из ближайших к станции клад, как поговаривали знающие люди, покоился под Зелёным Яром, на дне быстротечной Протоки. В те места после погрома булавинского мятежа перебежали с Дона казачки со своим атаманом Гнатом Некрасом. Переселились основательно - с семьями, кое-какой худобой, и построили на кубанских островах несколько небольших городков-поселений. Некрасовцы были народ буйный. Спокойно не жили, а вместе с бусурманской татарвой совершали, бисовы их души, набеги на русские земли. Если раньше "за зипунами" ходили сюда, на Кубань и за Кубань, то теперь - с Кубани на Расаю-матушку. Не по-христиански это, но такой уж у них, тех некрасовцев, был характер и свычай, и тут уж ничего не поделаешь. Про них в России, может, и забыли бы на какое-то время, так они сами напоминали: мы, мол, вот они, знай наших!

В отместку и в упреждение тех набегов царские войска гнались за некрасовцами, бывало, до самой Протоки. Дело кончилось тем, что разбойные казачки подались на туретчину, а их потомки, внучата-пра-внучата, вернулись на Кубань недавно, через двести годков. Дед Игнат с одним из таких вернувшихся встретался случаем, и тот ему калыкал кое-что про своих предков - кубанских некрасов.

Ну, так вот, однажды царские войска пожгли некрасовские городки; некрасовцы же, по обычаю, разбежались по камышёвым плавням, а казну свою несметную в двух замоленных колодах и бутылкнули в заводь у того Зелёного Яра. Место заприметили, но только вытащить казну из воды так и не успели - вскоре царские полки вновь нагрянули в эти места, и некрасовцам пришлось откочевать сначала под Анапу, а потом и вовсе за море, к султану турецкому, стало быть. А колоды те долгие годы стерёг оставленный при них одноглазый казак Перетятку.

Жил он в плавнях, где-то на островах у него были землянки, ловил себе рыбу, охотился и за омулком приглядывал, чтобы никто ненароком те колоды не поднял. Пробовали

Перетятку схватить и допросить с прилежанием, чтобы открыл он секрет, да где там - плавни он знал, как свои дражные штаны, от погони смывался мигом. Был тут - и нет его. А то, бывало, каюк его - вот он, а его - как не было. Он, чертяка косой, может, лежит на дне той плавни, через камышинку дышит, пойдти, найди его.

Пробовали подстрелить, да без толку, заговорённый был, пули его не брали. Так было много лет, но в конце-концов его-таки достали: полковой поп дал одному казаку пуговку от своей рясы, тот зарядил ею ружницу и, помолясь, стрельнул по тому Перетятке. Пуля-пуговка попала ему в здоровый глаз, некрасовец матюгнулся, сослепу врезался каюком в проплывавшую по водяной стремнине корягу, и копырнулся за борт. Его утопное тело прибило к берегу в семи верстах от Зелёного Яра, да что толку - рассказать про свою тайну мертвяк уже не мог. Пуговку, правда, из его глаза достали, вернули попу, а колоды с некрасовской казной теперь уже никто показать с точностью не мог. Зелёный Яр большой, где их искать, под этим берегом или под тем?..

А искали. Много раз цедили Протоку сетями, шуровали дно баграми. И колоды иногда поднимали, только обычные. Дубы морёные, да не смолёные, с сучьями и дуплами, но без злата-серебра.

В таких поисках участвовал и дядько деда Игната, Спиридон. Пригласил его однажды хороший знакомый, станичник Охрим Довбня. Так, мол, и так, на хуторе у того Зелёного Яра доживает свое один старичок, дальний родич Охрима. И тот дедок, дай ему Бог здоровья, знает тайну некрасовской казны. Не так уж, чтобы совсем точно - вот тут лежат те колоды и нигде иначе, а приблизительно: "*дэсь тут, от тих бурнунов до сухого явора*". Дедок уже в годах и самому ему не под силу то нелегкое дело, чтобы, значит, завладеть кладом, но вот ежели Охрим с надежным другом возьмутся, то некрасовское злато-серебро, считай, у них в торбе. Он, Охрим, уже приготовил старую борону, а если к ней прицепить для верности две-три четырёхконцовые кошки, то, опустив ту борону на вожжах в воду и потягав её по дну указанного места, они обязательно подцепят те колоды, даже если они засосаны в донный ил или песок...

Сказано - завязано. Забрав приговоренную снасть, Спиридон с Охримом на гарбе добрались до старичка. Тот и впрямь был в годах, да еще и хворый, - тут у него болит, там колет. Но ничего, пересилив хвори, он на утро вытащил из сараухи вёсла, усадил гостей в лодку и велел грести наис-



косок к тому берегу, где саженей в десяти от устья небольшого ручья и было *"тэ самэ мисто, дэ лэжить та покляжа"*.

О том, как они опозорились со своей снастью, дядько Спиридон рассказывать не любил. Дело в том, что борона сразу же *"вгрузла"* в придонный ил и попытки тянуть ее вожжами вперед лишь способствовали всё более глубокому влипанию в грязь. Промучившись с час, хлопцы с большим трудом освободили *"кляту жилизьяку"* от крепких объятий *"бисовых"* донных осадков. *"Дэ ржало, як вроди борону изчиста сыла ухватъла, - отмахивался от вопросов Спиридон, - а можэ, той самый казак Пэ рэ тятъко"*.

Выкинув на берег борону, наши кладоискатели отцепили от нее кошки и попробовали продолжить поиск с их помощью, уже не веря в успех. Избороздив безрезультатно весь указанный дедулей куток Протоки, они, изрядно уставшие, причалили к берегу, где их ожидал старичок. Тот развел руками и успокоил их тем, что *"нэ воны пэрви, и воны, мабудь, нэ послидни, така тут заковыка..."*

Дядько Спиридон, правда, нашёл на берегу Протоки большой катерининский пятак, который, само собой, не имел никакого отношения к некрасовскому кладу. Пятак этот давал впоследствии брату его Касьяну повод к насмешкам:

*- А чи шо покажи, Спырыдону, той пятак, шо царыця Катэрына посила, гуляючи у Протоки, - просил он иногда подвыпивши и будучи в настроении. - Та заодно расскажи, як вы с Охрымом боронували ту бисову ричку!*

Спиридон, добродушно улыбаясь, привычно отмахивался - мол, есть поважнее дела. Пятак же хранил - уж больно хорош, большой, тяжёлый, с красивыми вензелями. Побрасывая его на ладони, он, бывало, с ухмылкой говорил:

*- Нычого... Мы свое ще найдэмо...*

В отличие от брата Касьяна, он верил, что клад, если *"добрэ пошукать"*, найти всё же можно.

А кладов тех в старину было немало. Прошёл как-то слух, что в Славянской, на том, говорят, самом месте, где в стародавнее время располагался штаб самого Суворова, случайно откопали глэчик, а в нём *"чималая жмэня"* турецких червонцев синего золота. Не бывает синего? В других местах не бывает, а тут вот было... А взять ту же Полтавскую. На её месте при том же Суворове стоял столичный аул татарского верховоды, не то султана, не то хана, а может - просто князя, у них что ни главарь, то непременно князь. А только звали того султана Асланом. Это потом батько Бурсак, хай ему будет добре на том свете, переселил сюда казаков-полтавцев из-под Катеринодара.

Так вот, в той Полтавской малые хлопчики откопали в глинищах, а может, в бурьяне нашли - по разному говорят, - старинный кинжал такой красоты, что сам Аслан не погребовал бы его носить. Железо, правда, от земной сырости перегнило и превратилось в ржавую коросту, но золотая с каменьями рукоять блестела, как архиерейское облачение.

Но то все случайные находки, всё равно, что спиридонов пятак - шёл себе человек, ничего такого не думал, а тут ему - счастье, планида такая. Другой, может, сто раз тут спотыкался, или огород копал, а то и криницу, - и ничего...

Касьяну, когда он был на турецкой войне, рассказывал один служивый, казак-пашковец, что у них там дюже серьёзный клад искали. Приехали из Катеринодара чины войсковые, стариков под большим секретом расспрашивали, может, кто чего знает. Награду обещали немалую, если, значит, чьи соображения на след наведут. И как стало потом известно, искали бочонок, а может и два - засмоленные, с червонным золотом. Вроде те бочонки где-то тут, то ли у Пашковки, то ли у Круглика закопали по приказу отцов-атаманов доверенные после Персидского похода, когда в Катеринодаре казачий бунт случился. А когда тот бунт разогнали, то хлопцы, спрятавшие те бочонки, по судебной ошибке в Сибирь *"зашкандыбали"* и сгинули, а другие участники той захоронки не объявились, и только через много-много лет в войсковой канцелярии нашлась какая-то бумага - старинный папир, из которого начальство и прознало, что был такой клад, да только где его искать?

Старики-пашковцы после отъезда высоких чинов за квартал перцовки-горилки трясли чубами, думку думали - *"а чи шо правда про ти кляти бочонкы, так тоди дэ их шукалы?"* Протрезвев, решили-таки сами поискать, полагаясь на здравый смысл, и обозреть подозрительные закутки, исходя из размышления: а куда бы ты сам закопал казённую скарбницу, если бы, не приведи Господь, тебе то было поручено. Мест подходящих было много, но при об-

щем обсуждении все они были по разным соображениям отвергнуты, и выходило, что, может, того *"червонного"* клада и вовсе не было, а старинный папир был вовсе не о том, - *"мы ж його нэ бачили!"*

Так или иначе, а в станице еще долго жил слух про персидские бочонки, да так и заглох. Как заглох никем не проверенный слухок про то, что в Ангелинском ерике, прямо у самой нашей станицы, давным-давно затонул турецкий корабль с несметным богатством.

*- Можэ пошукаем того клада, - не то в шутку, не то всерьёз предлагал Касьян брату Спиридону. - А як найдэмо, то гульнэм жэ по-широкому, як гулялы колысь казаченькы-черноморцы!*

*- Та ни... - обычно отказывался Спиридон. - Клад? Чого його шукать? Вын сам тэбэ найтэ, як дийдэ твий ряд...*

Однако дядько Спиридон всё же не удержался и чуть внове не увязался в поиск сокровищ, не ожидая, когда до него дойдет тот *"ряд"*. Как-то осенью, когда неотложные полевые работы были окончены, к нему явился всё тот же неизменный друган Охрим и поведал, что под Таманью какие-то учёные мужи из самого Петербурга *"могилы"* (т.е. курганы) копают, и уже нашли *"что-то золотое"*, и что те столичные паны нанимают помощников копать и отвозить от раскопа землю. И платят, говорят, неплохо, а харчи ихние... И что им, что есть Охриму и Спиридону, в самый раз поехать бы до той Тамани, не доезжая которой где-то близ Старой Кубани за хутором Белым, - Спиридон дознался точно, - и идут те самые раскопные работы. Надо съездить туда, и вовсе не для того, чтобы так вот сразу и подрядиться в раскопщики, а для начала покалякать с теми, кто уже копают, приглядеться, - *"як цэ кручэнэ дило робыця"*. Может они, даст Бог, сами потом какой-нибудь курган раскопают. А гарба у него, Охрима, исправна, и кони застоялись...

В общем, друзья поехали, но ничего для себя полезного на раскопе не увидели, копают люди и копают. Поразила их куча черепков, да еще *"заграничный немец"*, длинный, худой, который всё что-то объяснял нашему - *"русскому немцу"*, - и уж тот командовал рабочими. Копают неспешно, каждый ржавый гвоздик, каждую черепушку откладывают в сторону. Перед вечером, правда, откопали небольшую посудину с длинной ручкой. Видать, медную, очень зелёную от старости и вековых невзгод.

*- Кругла, - объяснял Спиридон, - така, як салотовка, тикэ манэнька. Загордонный нимэць дужэ зрадив, крутыв йиш, крутыв, нюхав и чуть нэ облызував...*

Как объяснил *"русский немец"*, эта штукавина была очень старой, ею пользовались еще до рождения Иисуса Христа, может, при самом царе Соломоне. Друзья так и прозвали виденную ими диковину *"салотовкой царя Соломона"*.

*- А шо, - посмеивался дед Игнат, - можэ сам царь Соломон як раз в ции салотовци сало соби на борци товкмачив. Як шо дужэ стара була та посудына. А шо мала, так вин, можэ, сало не долюблював...*

*- Так той жэ Соломон був цудейской веры, - напоминала бабка Лукьяновна. - И сала нэ йив!*

*- Эгэ-ш! - не соглашался дед Игнат. - Потому и салотовка була манэнька, як вин гришив помалу. Як вин був мудрый, то знав, шо борци бэз сала нэ зробишь: бэз свынячого тила нэма дила! А шо сало йив, так за то йому и провыщэ: Сало-мон...*

А свой какой ни то курган друзья так и не решились раскапывать. Уж больно много таких курганов вокруг станицы в то время было. Это сейчас их почти все распахали, приземлили, и тоже ничего не нашли, да и не искали. Вот проклады сейчас и не слышать, то ли их действительно все понаходили, то ли люди стали богатыми и им чужое сокровище как бы в брезготу. Дед Игнат сокрушался, что не слышно и о техкладах, что попрятали наши паны, которые в 20-е годы *"тикалы за кордон"*. Может, хорошо прятали. Ходил же слух, что еще в 18-м году Рябовол закопал где-то под Уманской войсковую казну, а где - никто не знает, и ничего от тех казацких сокровищ по рукам не ходило...

Не без того, чтобы где-нибудь найдутся серебряные ложки или чарки. Недавно в хате купчихи Хоменчихи (тоже была такая родичка!) нашлась на горнице торба с неразрезанными керенками. Так разве это клад?! Смех один, а не клад. Кто ж за таким *"кладом"* пойдёт с лопатой, да ещё в какое-нибудь страхолудное место?

*- Всэ ж, мабудь, самый лучший клад, - вздыхал дед Игнат, - колы вин своим горбом облаштован, а той, шо надурняк найшов, так и уйдэ, як прыйшов!..*

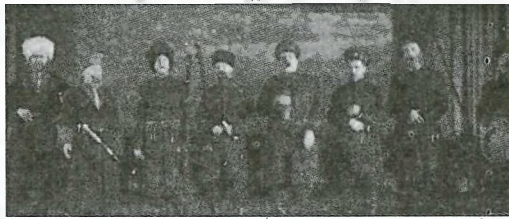
## “Казачьему Кругу” - 20 лет!

20 лет назад в одном из домов культуры на сцену впервые вышел фольклорный ансамбль “Казачий Круг”. Это стало событием - не для Москвы, конечно, но для казачьего движения.

Впрочем, тогда ещё “Движения” не было - так, разговоры немногих знакомых друг с другом “потомков казаков”. Само-то оно только и началось после выступлений “Казачьего Круга”! Песня стала тем знаменем, под которое стали собираться “асфальтовые” казаки. На том ли именно концерте, на другом ли - но за достаточно недолгое время перезнакомились мы все - те, кто спустя пару лет собрали сход первой казачьей общественной организации страны - Землячества казаков в Москве.

Мне довелось тогда участвовать в подготовке выступлений ансамбля, что-то говорить на них, самому петь после концертов в метро... То были не просто концерты - скорее, необыкновенные, яркие лекции по нашей истории и культуре, сопровождавшиеся такими удивительными песнями, что - мурашки по коже! Песнями, которые никогда не показывало ТВ, которые мало кто из нас и редко мог до того слышать, даже в родных станицах - разве что совсем в детстве, когда люди ещё сами пели на застольях. Пробуждающими в душе что-то давно позабытое - или вообще неизвестное до того. Память поколений.

“Казачий Круг” с тех пор не только не распался, как десятки “казачьих” организаций, не забронзовел в своей славе “первоисполнителя” казачьей песни, не



превратился в эстрадный ансамбль “народного творчества”. Будет завтра “казачье движение”, заглохнет ли окончательно, выродясь в подобие ДОСААФ - “Казачий Круг” пел и будет петь. Помогая другим, создав через Российский фольклорный союз целую систему обмена опытом.

И сам “Казачий Круг”, и рождённые им фольклорные коллективы - совершенно самодостаточны. Не нуждаются в одобрении каких-то атаманов. Не пустая болтовня за ними, а конкретное живое дело, живая традиция!

На праздничном концерте, на который приехали более двадцати фольклорных коллективов со всей России, один из атаманов “войскового уровня” очень долго надувал на сцене щёки, раздавая ордена, медали и грамоты. Так старался быть в центре события, что “съел” немалую часть отпущенного на выступление юбиларов времени! Эх, лучше бы г. атаман спеть попробовал вместе с ансамблем... Так у нас всегда: власти вспоминают о тебе, когда сам успеха добьёшься - с удовольствием ловя момент, дабы рядом “засветиться”. Ну да хоть так о культуре вспомнят...

В конце концерта весь зал - несколько сот человек - пел “По горам Карпатским”. Жаль, не видели этого десятки тысяч потомков казаков по всей России. Это было не просто красиво. Это показало - какие бы мы не были разные, мы ещё можем вместе петь.

Есть то, что продолжает объединять всех нас - Казачья Песня!

Г.К.

## Ковыль на асфальте

В малых своих, обиденных проявлениях великая сила природы порой удивляет не меньше, чем мощные волнения стихии, наблюдаемые даже из космоса. Разрывающий толщу городского асфальта зелёный росток одним фактом своего существования вызывает, по меньшей мере, уважение к недюжинному упрямству растения. А пройдёт малое время, рядом поднимут головы другие, такие же - и откуда взялись! Глядишь, цветок распустился на радость городским детям. Вот это непреклонное, вопреки всем обстоятельствам следование доставшемуся от предков обычаю, положенному Творцом закону природы, поражает и радует. Если вы, конечно, не работаете в “асфальтовой службе”...

Образ этот невольно приходит на ум, когда разговор заходит о народной песне в России.

В 20-м веке, казалось, безвозвратно “укатали под асфальт” старопрежний казачий уклад жизни. Уничтожена система самоуправления на всех уровнях, храмы, изменились условия землепользования; устранились были сами казачьи войска - вся жизнь была развернута в каком-то совершенно ином направлении. Немногое, никем не поддерживаемое, оставалось в самих людях.

В 70-80-е годы, казалось уже - всё, забудьте, на дворе “развитой социализм”. Народ повалил из села в город, в новую жизнь, к новым песням. Молодые в станицах и хуторах редко подхватывали старинные песни, что играли отцы и деды, а сами и вовсе почти не могли петь. Ярлык “несовременного” получало всё, что не совпадало с новой картиной жизни: обычаи, манера поведения, даже сам язык. В городе-то всё по другому, всё “культурно”...

И вдруг через толщу всего идеологического и культурного мусора, как привет из иного, лучшего мира, к нам пробилась настоящая казачья песня. Как раз в те годы и именно в больших городах возник интерес к традиционной народной культуре, особенно песенной. Вот и в Москву стали приезжать сельские коллективы. Появились портативные магнитофоны - и к мастерам-песенникам поехали собиратели. Они успели записать замечательное поколение исполнителей, родившихся ещё на переломе 19-20 веков, на долю которых выпали все беды и победы этого непростого времени.

В городах стали возникать молодёжные фольклорные коллективы, пытавшиеся противопоставить звучавшей со сцены псевдонародной музыке “новое” (а по существу - старое), традиционное звучание. Не всегда выходило гладко, но искреннее стремление освоить родную культуру, помноженное на энергию молодости, обещало хорошие результаты.



Одним из таких коллективов стал ансамбль “Казачий Круг”. Основное ядро его сложилось в середине 80-х в студии известного фольклориста Андрея Сергеевича Кабанова - собирателя старинных песен, убеждённого, что они вполне “современны”, что нынешняя молодёжь и в городах может с удовольствием петь их.

Петь в студии могли все, независимо от возраста, талантов и умения. Во всяком случае, человеку предоставлялась возможность - выучивать с записей народных исполнителей песни разных областей России, даже ездить в экспедиции. Внезапно открывшаяся эта красота сразу заразила, окрылила, вывела городскую молодёжь на совершенно иной уровень сознания. Не было никакого желания “стать артистами”. Была огромная любовь к этому переплетению голосов, гармонии звука, слова и души. Хотелось петь вместе, снова и снова переживать удивительное чувство, когда время будто останавливается и раздвигает границы, собирая всех пращуров и потомков, минувшее и живое, весь род в единый круг. Собирались после работы, но отведённого времени не хватало. Пели, оставаясь после репетиций, на улице и в метро, пели дома. И слушали, слушали народных исполнителей, “дедов”.

Вне конкуренции были казачьи песни - легко усваиваемые строевые, задушевные лирические, сложные, но невероятно красивые протяжные. Ездили в станицы, записывали, расспрашивали, как правильно, да и просто о жизни говорили.

В какое-то время солист и преподаватель студии, уроженец верхнего Дона Владимир Скунец стал собирать отдельно мужской состав - кто уже достиг определённого исполнительского уровня, кому интересна была именно казачья тема. 22 февраля 1987 года состоялось первое публичное выступление нового коллектива, тепло принятое столичной публикой. Этот день и считается датой рождения “Казачьего Круга”.

А дальше - многочисленные экспедиции, репетиции, выступления... Встречи с новыми людьми, для которых “казак” - не просто слово, но судьба. Песня, в которой парни из “Казачьего Круга” искали правду, сама собой выводила их на правдоискателей по жизни. Так ансамбль оказался в 1989 году среди учредителей московского Землячества казаков. Дальше этого участие в официальных и неофициальных казачьих формированиях у “Казачьего Круга”, правда, не пошло, но об этом чуть позже.

Наверное, эти встречи, дедовские разговоры, да и сама песня (она ведь много глубже, чем прямо прочитанный текст) постепенно меняли отношение людей друг к другу, своей

культуре и к жизни вообще. Казачья одежда, появлявшаяся вначале как элемент сценический, бутафорский, стала восприниматься иначе, с уважением. Некоторые из ребят стали серьёзно заниматься воинской традицией, конной подготовкой, рукопашным боем. Казачья история стала одной из главных тем у членов ансамбля, профессионально занимающихся живописью и скульптурой. Свадеб без венчания уже не гуляли, и некрещёных в составе не осталось. Сам собой сложился неформальный круг, в котором поступки и действия оценивались тем, насколько они соответствуют образу, достойному имени казака.

Сама казачья тема тем временем становилась одной из самых популярных в обществе. Казачьи организации росли количественно. Слово сочетание "возрождение казачества" стало устойчивым выражением, на экранах телевизоров замелькали образы эдаких "новых казаков": обычно экзальтированный ухарь, непременно в форме, с нагайкой - и обязательно говорящий или делающий нечто из ряда вон выходящее, вызывающее ("для сюжета лучше порка, чем рубка"). Хватало таких деятелей!

Порой совсем не обязательно было действительно быть таким вот горе-казак - достаточно выйти в кадр в казачьей форме, а тебя уж снимут "как надо", зададут "наводящие вопросы", прокомментируют "нужным" образом, соответствующей картинкой-фоном сопроводят... И постепенно все к этой новой картинке привыкли, приняв её за истинное казачество - другого-то не знали. Так отношение к казакам в форме, радостно-восхищённое в начале 90-х годов, довольно быстро и обидно поменялось на отрицательное, в том числе и в традиционных казачьих областях.

До последнего времени почти ничего не пишут о тех казаках, кто без помпы и фанфар пытается наладить жизнь, воспитывает молодежь, ставит поклонные кресты на могилах предков. Потому как "жареного" в этих фактах нету!..

И казаки подлили воды на медийную мельницу, с самого начала приступив к делению и ожесточённому противостоянию друг другу. Куда ни приедешь, везде как минимум два "казачества", а уж если город крупный - можно и больше найти, по несколько десятков лишь официально зарегистрированных. И "Казачий Круг" не минула чаша сия.

Хотя, даже разделившись на два состава, ансамбль счастливо миновал участи "придворного" при каком-либо из атаманов. Нельзя сказать, чтобы коллектив так уж отмахивался от заманчивых предложений со стороны - их просто не было. Напротив, сами предлагали: давайте сделаем казачий центр, детей учить. Видно, Бог отвёл - никому это не нужно было. "Песенки петь" - это всегда найдутся артисты. Есть дела посерьёзнее. Всё, как положено - "на культуру дадим, если останется". А вы только представьте, сколько было бы сейчас активных казаков, знающих свою историю, если бы 20 лет назад начали именно с воспитания детей и молодежи, с серьёзной прививки родной культуры!..

20 лет назад ансамбль был одним из самых ярких примеров того, что называли "молодежным фольклорным движением". Как быстро летят годы - в этом году Н.Н. Шантаренкову исполняется 70 лет. Но он и сегодня - самый молодой по духу участник коллектива: посмотрите только, как лихо отплясывает казачка!

Основной состав "Казачьего Круга" за прошедшие годы

почти не изменился. Зато рядом с ним образовался широкий круг друзей и соратников мастеров и просто любителей казачьей песни, знатоков истории, литераторов, художников, скульпторов, специалистов ратного дела, воспитателей молодежи. Имена С.А. Гавриляченко, И.Г. Машкова, П.И. Ткаченко, К.Р. Чернявского, входящих в объединение "Казачий Круг", известны всем, кто неравнодушен к казачьей теме в искусстве.

А сколько ещё интересных людей, по праву считающих себя членами этого большого круга, открывают народную традицию для молодежи, работают с детскими и взрослыми коллективами - в Москве, Волгограде, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Новосибирске, Первоуральске и других городах!

Новой формой жизни большого "Казачьего Круга" стала Культурно-просветительская Инициатива "Походь". Цель её - познакомить как можно больше соотечественников с их родной культурой. Это целая программа действий - концерты, мастер-классы, фестивали и традиционные праздники, выставки, выпуск дисков, публикация книг, учебных пособий, организация клубов традиционной культуры. Некоторые из мероприятий (особенно там, где они встречаются поддержку на местах) - такие, как фестивали "Слава казачья" в Санкт-Петербурге, "Сторона моя сторонюшка" в Первоуральске, творческая мастерская "Фольклор и молодежь" в станице Каневской на Кубани, фестивали "На речке Камышинке", "Мировая деревня" - стали уже традиционными.

Конечно, всё это требует серьёзной материальной базы. Но интерес к традиционной культуре сегодня у людей столь велик, что надеемся, когда-нибудь будет и в Москве у "Казачьего Круга" свой центр, как в некоторых городах России.

Особая речь о молодежи. Иногда поверхностное отношение к "песенкам" встречается и у молодых казаков. Мол, что там горло драть, вот у нас - "боевая подготовка" (или бизнес, дисциплина - что угодно). Да, одними песнями сыт не будешь - нужно строить свою жизнь, приобретать профессию, растить детей. То есть - делать то же, что и поколения до нас, с поправкой на обстоятельства нашего времени. А песня тут, спросят, причём? Да при том, что она, доставшаяся тебе от дедов, есть некий идеальный образ - не внушённый через привлекательную картинку на экране неизвестно кем. Ты сам воспроизводишь его, он в твоей крови, в духе. Соответствуя ему, ты не собьёшься с верной дороги и не отвернёшься от своего наследия.

Остаться "ничим" - это одна из больших удач "Казачьего Круга". Песня - она для всех. В этом её соединяющий, связующий смысл. Она как легендарная степная ешмантрава, помогает в далёком городе вспомнить запах Родины.

...Сидит кобзарь у дороги, играет стародавнюю песню - про девичьи очи, про вражье войско и нашу армешку, про геройскую смерть казака, про коня и ворона, орла и сокола, про материны слезы и землю изукрашенную... А мимо идут конные и пешие - с разными кокардами да знаменами, а кто и без них вовсе. Кто слушает кобзаря, кто нет. Кто-то пустит эту песню в душу - а кто, глядишь, из певца душу вынет. Тебе выбирать, казак!..

М. Лупанов

## "Любо, братцы, любо!.."

Как на Черный Ерик, там, где дикий берег  
Выгнали татары 40 тысяч лошадей,  
И покрылся Ерик, и покрылся берег  
Сотнями порубанных, пострелянных людей!..

А первая пуля, а первая пуля,  
А первая пуля - в ногу ранила коня,  
А вторая пуля, а вторая пуля,  
А вторая пуля - дура ранила меня!  
Атаман узнает - ус седой покрутит,  
Сядет загорюет, помянуть меня велит,  
А мне жалко волюшку да во широком полюшке,  
Жалко саблю востру да буланого коня!  
А жена узнает - выйдет за другого,  
За маво товарища: забудет про меня,  
А мне жалко Родину, матери-старушки,  
Жалко малых деток да кремнёвого ружья!

Тело мое белое, сердце мое смелое  
Вороны да коршуны по степи пронесут,  
Кудри мои русые, очи мои ясные  
Травами-бурьянами, полынью зарастут.  
Будет дождь холодный, будет дождь осенний,  
Будет дождь осенний мои кости поливать,  
Будет ворон черный, будет ворон черный  
Очи голубые соколиные клевать.

Вестку невеселую да печаль тяжёлую  
Братья-ветры буйные в станицу донесут,  
Долю мою горькую, песню мою звонкую  
Казаки-товарищи по сотням допоят.  
Все мое имущество меж собой поделают,  
Пули да заряды в сумки покладут,  
А потом посядут на коней высоких,  
Кивера заломят, стройно запоют.

Любо, любо, любо, братцы жить!

С нашим атаманом любо голову сложить!

Сборник "Играй, Отецкая станица" поясняет: "Чёрный Ерик (он же Казачий Ерик) - один из рукавов, которыми впадала в Черное и Азовское моря Кубань. Речь идёт о неудачной попытке в 1783 году Светлейшего князя Г.А. Потемкина-Таврического переселить ногайские орды из Прикубанья на Днестр. Непосредственное руководство осуществлял генерал-поручик А.В. Суворов. Попытка потерпела провал - ногайцы взбунтовались и ринулись за Кубань. Казаки-донцы приняли на себя основной удар на Чёрном Ерике, выполняя поставленную задачу преградить путь ногайцам ухода в Закубанье".

Но не менее часто говорят и об ином происхождении сюжета: предки казаков бились-де на Тереке с 60-тысячным войском Тамерлана, оставив по себе память в песне...

Какая из привязок к историческому событию верна - или обе? С одной стороны - Терек... Но откуда бы взять тогда столько казаков, и кто это были (терцы - вряд ли), и было ли у Тимура огнестрельное оружие?..

Сама песня играется широко, распевно, как у запорожцев (у донцов другая манера - будто рысью едут, да и медленные песни поют особо, как и терцы). А вариант из сборника мог быть потом подогнан к более позднему событию. Вот в книге "Казачьи войска Российской Империи" говорится, что донцы в русско-турецкой войне 1783 года отражали набег ногайских татар близ урочища Кременчик. Тут и замена: грозный Терек на Чёрный Ерик...

Немало видоизменений этой песни - драгоценной жемчужины в ожерелье казачьей культуры. И хороши все!

Поёт казак Чернорубашкин (Борис Рубашкин):

А первая пуля, а первая пуля,  
А первая пуля, братцы, ранила коня,  
А вторая пуля, а вторая пуля,  
А вторая пуля, братцы, ранила меня.  
А третья пуля, а третья пуля,

А третья пуля,  
братцы, угодила в лоб...

А вот другая редакция:  
Как на быстрый Терек,  
на широкий берег  
Вывели казаки сорок  
тысяч лошадей,  
И покрылся берег,  
и покрылся берег  
Сотнями порубленных,  
пострелянных людей...

Атаман наш знает,  
кого выбирает,  
"Сотня! Все по коням!"  
- да забыли про меня...  
Им досталась воля  
да казачья доля, -

Мне досталась пыльная горячая земля...

А первая пуля в лоб меня целует,  
А вторая пуля да поранила коня.  
Жинка погорюет, выйдет за другого,  
Выйдет за другого, позабудет про меня.  
Жалко только волюшку во широком поле,  
Жалко мать-старушку да буланого коня.  
Во широком поле станет чёрный ворон,  
Станет ворон очи соколиные клевать.  
Старики, старухи, дети, молодухи,  
Тихо спит станица, матери не спят.  
Запалил станицу, вырезал станицу  
Местечковый, трехязыкий, жадный продотряд.  
Так помянем, братцы, братьев наших верных,  
Терских да кубанских наших братьев во Христе.  
То иуда Троцкий, то иуда Свердлов  
Подло распинали мать-Россию на кресте.  
И все то, что было, помним все, что было,  
Тяжела казацкая мертвая слеза.  
Даже и в могилах, в ямах торопливых  
О Святой Руси Великой забывать нельзя...  
Или - так:  
Атаман наш славный, удалой да ладный, -  
В бой нас сам ведет он, пух да сабель не страшась.  
Сеча закипела, сабля зазвенела,  
Свора басурманская от наших понеслась!..  
Или вариант С. Боханцева:



"Казачья песня". С. Гавриляченко  
(объединение "Казачий Круг")

Как неслись тачанки полем на Воронеж,  
Падали под пулями, как под косою рожь.  
На тачанках сзади надписи "Не догонишь!"  
Под дугою спереди: "Живыми не уйдёшь!"

Тело мое белое, сердце мое смелое  
Вороны да коршуны на части расклюют.  
Не горюй, мамаша, что взяла не наша,  
Скоро ли догонят, да когда ещё убьют?  
Ало, братцы, ало кровь моя стекала,  
Стремена за шпоры да руками по стерне...  
Наискось рубашку расстегнула шашка,  
Скоро конь буланый позабудет обо мне.  
С немцами, японцами вслед за белой конницей  
К западной границе потянулись облака.  
Девушка тоскует, солнце - степь донскую  
Красит в цвет рубахи молодого казака.  
А вот из газеты Питерской Лиги Анархистов "Новый свет" (январь 1992 г.):

Как на вольный Терек, на широкий берег,  
Въехали казаки - сорок тысяч лошадей...  
Есаул узнает, кого не хватает,  
Сотню вновь пополнит, позабудет про меня.  
Эх, была бы волюшка во широком полюшке,  
Мне бы остру шашку да буланого коня...  
Будет дождь холодный, будет дождь холодный,  
Будет дождь холодный мои кости обмывать,  
Будет ворон чёрный, будет ворон чёрный,  
Будет ворон очи соколиные клевать.

А вот вариант, важный в поиске первоосновы песни:

Как на чёрный берег выгнали татары  
Супротив казаков сорок тысяч лошадей...  
Вот умру в степи я, над моей могилой,  
Разнесёт лишь ветер только сорную траву,  
Иде сложил под саблями, под саблями татарскими,  
Буйну, да кудряву, да красивую голову...  
Или ещё начало:

На Великой Грязи, там, где Чёрный ерик,  
Татарва нагнала сорок тысяч лошадей,  
Замутился ерик, и покрылся берег... - и т.д.  
"За Чёрный ерик..." - изначально первая строка (ерик - непроточный рукав покинутого русла реки, протока или ответвление основного русла).

Может, сюжет песни восходит к 3 апреля 1774 года - обороне Матвеем Платовым большого обоза у речки Калалах (Калала) на Черногозском шляхе от многоотрядной орды ногайцев и крымцев Девлет-Гирея? Было их против полка казаков тысяч 16, да ещё заводные лошади (хотя "40 тысяч" - явно поэтическое округление). Казачий вагенбург выдержал 8 атак. Платов получил за это дело медаль.

Банальная версия: хотели отбить у ногайцев большой табун. И основной бой прошёл в поле, у реки, что твёрдо зафиксировано во всех вариантах.

Если допустить раннюю версию (о битве Тамерлана с Тохтамышем 15 апреля 1395 года на левом берегу Терека) - в войске последнего действительно было много из числа предков казаков (их тогда именовали обычно "татарами"). После разгрома Тохтамыша они сражались уже на стороне Тимура - их атак в конном строю не выдерживал ни один противник. Потом у старшего сына Тохтамыша, Джелаль-уддина, в знаменитой битве с крестоносцами при Танненберге было 37 тысяч "казаков" - их вычеркнул из истории, как конницу мечеряков В.Кн. Дмитрия на поле Куликовом...

Постепенно историческая основа песни утратилась, татары превратились в именно казаков, ерик - в Терек... Как более "правильно" - теперь дело вкуса. Говорят вот, что казачьему мироощущению вместо строк о жене и матери естественнее слова о "волюшке во широком полюшке" - вот чего более жалко ему, да "саблю востру", да "буланого коня"...

Мы привели лишь часть известных версий знаменитой песни. Кто-то припомнит и другие... Я вот помню, в 1961 году инвалид с гармошкой пел: "а первая пуля, а первая пуля \ а первая пуля в ногу ранила коня \ а другая пуля, а другая пуля \ а другая пуля на-анала в меня..." Куда там ушла третья пуля - за давностью лет запаматовал...

Если Платов, то ерик, Кубань; если Тохтамыш - Терек. Плюс наслоения XX века. Сплавилось всё...

# Воин или грабитель?..

(Рынкевич В. "Шкуро: Под знаком волка". М.: АСТ, 2006)

Горький осадок и недоумение остаются после прочтения этой книги. И ещё ярко выписанный образ А.Г.Шкуро - изощрённого предателя, спекулянта и грабителя. Чудище ли это многоликое - или генерал, до конца жизни в застенках Лубянки оставшийся верным Казачеству и Белой борьбе?

Да, это не историческое исследование, а роман. Вот только герой сего творения не вымышленный. И может ли повествование в романе, претендующем на "исторический", выходить за рамки исторической реальности?

Маленькая неправда порождает большую ложь. Очевидно, у автора неладит с военной историей, а его познания об офицерах Русской Императорской армии, к коим, несомненно, относится Шкуро, и представления о службе казаков настолько фантастичны, что остаётся лишь надеяться на безграничные возможности человека в самообразовании.

Имена, чины, родственные отношения перевернуты до неприличия. Походный Атаман Великий Князь Борис Владимирович почему-то называет Императора Николая II дядей (приходится ему кузеном). Терский Атаман Г.А.Вдовенко, "генерал-лейтенант, получивший чин ещё от императора" - в действительности окончил мировую войну полковником. Семья Красновых во время выданных большевикам в 1945-м "пополняется" каким-то братом Петра Николаевича (генерал-майор С.Н. Краснов и полковник Н.Н. Краснов были двоюродными племянниками бывшего Донского Атамана).

Даже простое перечисление сотен нелепиц из книги заняло бы довольно много места. Отметим лишь главные авторские "изыски".

Учёба и служба А.Шкуро (с.156): "По всем тогдашним казачьим правилам" отец отдаёт Андрея последовательно в учебные заведения (следует их перечисление), в т.ч. и в "высшее" Николаевское кавалерийское училище. Если автор полагает, что именно этот перечень является "правильным", он заблуждается, забывая о многих других технических и реальных училищах, семинариях, гимназиях, кадетских корпусах, в которых обучались казаки, наконец, о самых разных военных училищах. Ни одно из них высшего образования не давало.

Поступление Андрея Шкуро в Николаевское кавалерийское училище (с. 9-10) начинается с "цука": избияния новичков, ответного "сапогом между ног" - этаким современной "дедовщины". Для сведения: "цук" - система внутриучилищного воспитания молодых юнкеров; основана на традициях, военной дисциплине, моментальном исполнении приказаний старших. Юнкер старшего класса не то что ударить - пальцем прикоснуться к младшему не смел, как и оскорбить его человеческое достоинство. Казак попадал сразу в Сотню училища, где в отличие от Эскадрона даже маломальских "издевательств" не существовало. Строгая дисциплина и послушание достигались совсем иными методами. Автору следовало почитать воспоминания бывших юнкеров военных училищ, коих издано множество.

Любопытно, в каких "кавалерийских боях" (с.157), какой войны в Карсе в 1907-1910 гг. отличился молодой хорунжий 1-го Уманского полка А.Шкуро и "даже получил первую награду Станислава 3-й степени", если это первый очередной орден офицера мирного времени?

Офицерские и генеральские "звания" соседствуют в книге с чинами, причем в одном абзаце (с.125). В Русской Императорской армии для офицеров были чины. Штабс-капитан говорит вахмистру (с.152): "Мы же с вами офицеры". Вообще, вахмистра то и дело автор и его герои называют офицером. Звучит! А настоящие офицеры постоянно "тыкают" друг друга, особенно старшие младших, как в Советской армии. Капитан Г. упрямо обращается к полковнику Шкуро "ваше превосходительство" (с.166-168); столь же верным было бы обращение "ваше святейшество".

О 1-м Кубанском ("Ледяном") походе и казачьих восстаниях 1918 г., об их участниках - первопоходниках - автор пишет (с.155): "Погибли лучшие офицеры, прошедшие Ледяной поход, "первопоходники". Будто они занимались на Кубани открытием новых земель.

Почему полковник С.Улагай (будущий знаменитый генерал), "поддержавший Корнилова и потому попавший в эту заваруху", в ином случае мог "рядом с Сорокиным сражаться" (с.189), известно лишь самому писателю. Ещё

сильнее поражают такие глубокомысленные выводы автора: "генералы затеяли свои походы, чтобы избежать наказания за участие в Корниловском мятеже" (с.441). Вот, оказывается, где "зарыта" причина возникновения и разгадка сути Белого Движения!

"Тайно сговорившиеся" офицеры поднимали казаков против советской власти, а те "по привычке послушались" (с.14). Вообще-то, население станиц почти поголовно поддержало восставших. Офицеры вступили в борьбу с большевиками, оказывается, потому, что "боялись расправы"! Расправы за что? Чего они успели такого наделять, только что вернувшись с фронтов Великой войны?

Начштаба в отряде Шкуро полковник Слещов "закончил Академию Генштаба по 2 разряду, без права причисления (к Генштабу), потому как пил много" (с.20). Я.А.Слещов окончил два курса Академии по 1-му разряду плюс третий дополнительный курс "успешно". Причислен к Генеральному Штабу не был, но прикомандировывается к штабу С.-Петербургского ВО и в течение двух лет преподаёт тактику в Пажемском корпусе. Хорошо "пьяница"!..

"Уточнил" автор и биографию П.Н.Врангеля (с.196). Оказывается, на фронте, стоя во главе Уссурийской дивизии, он "мешал есаулу Шкуро развернуть партизанские дела". Врангель командовал дивизией лишь вторую половину марта 1917 г., в апреле он находился в Петрограде. В те месяцы боевых действий дивизия не вела, Шкуро ему не подчинялся, и как мог Врангель мешать партизану - не ясно.

В сцене боя (с.82-83) атакующих казаков, артиллерия красных "бьёт в лицо" картечью, шрапнелью, белых разрывают на куски снаряды. Когда затем казаки рубят красноармейцев - они "убийцы"! Кстати, отрубить бегущему голову с коня (так в романе) - надо ухитриться, это практически невозможно.

Сдачу Ставрополя отряду Шкуро, оказывается, устроили красные и лично главноком Сорокин по их договоренности в обмен на раскрытие всех планов наступления армии Деникина (с.220). Шкуро предал белых! Вот оно как! О "секретных делах" с Сорокиным знали только двое - сам Шкуро и его вахмистр (с.141 и др.). Ни единого документа или свидетельства, подтверждающего закулисные переговоры Шкуро с красными, а затем и с батькой Махно (с.268), да ещё с помощью генерала Кутепова (!), автор не приводит. Шкуро прямо заявляет (с.353) генералу В.З.Май-Маевскому (командующему Добровольческой Армией), что он "договорится" с Махно, если его не произведут в генерал-лейтенанты сейчас же! Прямой шантаж... в воспалённом воображении писателя? Зато как здорово читается!

С набитыми золотом потайными карманами черкески Шкуро ходит постоянно. Весь свой боевой опыт и талант военачальника Шкуро положил не на борьбу с большевиками, а подчинил, по автору, одной цели - грабежу, рейдам "восьмеркой по Донбассу: склады, банки, магазины..." (с.368). Спекулировал углём, спиртом и всем, чем прилетит (с.376 и др.). "Главное - взять свое" - и так во всех городах, освобождённых Шкуро. А кто же, спрашивается, под его именем дрался с красными?

На описании автором службы казаков, их формы и снаряжения стоит остановиться особо. На параде в Екатеринодаде "казачьи эскадроны шли красивым галопом" (с.394). Автор не знает, что на начало XX века казачьи полки состояли из сотен, а аллор "галоп" у казаков называется "намёт".

А вот и апофеоз авторских познаний (с.430): в бою провернется новый командир эскадрона (на одной странице он в чине и хорунжего и сотника сразу!), скачущий во главе своей сотни, растянувшейся в одну лаву. Значит, по автору, бывали атаки и в две или три лавы?

При описании известного случая с рассыпавшимися патронами из газырей, после чего Шкуро стали считать заговоренным, автор даёт яркую деталь: "рванул ворот черкески" (с.69). Если автор нашёл у черкески ворот, то почему бы уж тогда Шкуро не оторвать рукава от жилетки?

Вот автором выстроен "почетный караул из казаков в новых черкесках с золотыми погонами" (с.142). Красиво! Но



А.Г.Шкуро со штабом, 1919 г.

неправда. И взялась она, скорее всего, от советского пропагандистского штампа “золотопогонники”. Получилось, автор “выстроил” караул из одних офицеров-пластунов или артиллеристов. Только у них были золотые погоны, да и те различались. Здесь же речь идет о казаках Волчьей сотни (или дивизиона) Шкуро - конных: погоны - суконные красные, у офицеров - серебряные.

Нагайка в романе присутствует везде, реже плеть. Тогда как, Кубанцы и Терцы пользовались именно плетью, так её и называли.

Вот подьесаул С. “тронул коня шпорой” (с. 104). Кавказский казак со шпорами - то же самое, что римский легионер с самурайским мечом или французский мушкетёр с ятаганом: шпор кубказские казаки в начале 20 века не носили!..

Текст романа наполнен старой советской ложью о Гражданской войне. И мыслям, которые вкладывает автор в голову своего героя, самое место - в головах большевиков и комиссаров. Скажем, такие чувства и мысли посещают Шкуро относительно Русской Армии генерала П.Н. Врангеля в Крыму (с. 459): “Тотва вновь продолжать убийства, грабежи, пожары, развал жизни”. А вы думали, Россию

развалили большевики? И несчетное число поднятых “революционными солдатами” на штыки и замученных в “чрезвычайках” офицеров, опутанных колючей проволокой и утопленных в Севастополе и на Балтике моряков, 6 тысяч расстрелянных на Северной Двине казачьих офицеров и военных чиновников, мальчишек кадет, юнкеров, гимназистов, священников, купцов, кадровых рабочих, не согласных с советской властью, думали, убили красные? Видимо, и многомиллионное казачество Российской империи, из которого вышел Шкуро, само себя практически и уничтожило. Вот так выходит, по автору.

Говорят, книгу “о таком Шкуро” собираются переиздавать еще большим тиражом. Откуда берутся “исторические” романы, подобные роману В. Рынкевича? Видимо, всею виной стремление авторов ради славы побыстрее “слепить” текст из домыслов, не утруждая себя изучением исторических реалий хотя бы по опубликованным воспоминаниям? Или дело в стремлении издателей ради прибыли поскорее опубликовать эти тексты, не тратя времени и денег на научное рецензирование и редактирование?

**П. Стрелянов (Кулабухов)**

## Краснов “на Кубани”, или снова ложь советских историков

**Наталья Вячеславовна Назаренко** - дочь В.Г. Науменко, первого атамана кубанских казаков в эмиграции (с 1920 по 1958 год), попросила “Станицу” выступить в защиту донского атамана, известного общественного деятеля, героя 1-й Мировой войны П.Н. Краснова. В дневниках, которые В.Г. Науменко вел с первого дня 2-й Мировой войны, содержатся подлинные свидетельства о деятельности казачьей эмиграции в этот период, опровергающие клевету советских и ряда нынешних российских историков. Н.В. Назаренко родилась в Екатеринодаре в августе 1919 года, сейчас проживает в США.

Непонятно - каким образом, уже по разоблачению лжи и насилий, на которых основывался Советский Союз, до сих пор почитаются в России “священными” и неприкосновенными архивные документы НКВД (МГБ-КГБ), на которых всё ещё продолжают строить свои исследования некоторые современные историки! Печатаемые при этом “исторические сведения”, основывающиеся на клеветнических измышлениях, не только вводят в заблуждение читателей - они оскорбляют память давно ушедших, которые не могут встать в защиту своего имени.

Вот пример клеветы, бросающей грязную тень на имя знаменитого Атамана Войска Донского генерала П.Н. Краснова, чьи книги, разоблачающие суть угрожавшего миру коммунизма, переведены на все европейские языки. Во время 2-й мировой войны Пётр Николаевич возглавлял созданное в Берлине Главное Управление Казачьих Войск, затем, будучи уже глубоким стариком, был выдан в СССР и зверски повешен в 1947 году в Москве.

Оставить на поругание память мученически погибшего за свои идеи Атамана считаю неблагодарным - тем более, имея на руках такие доказательства, как дневники моего отца.

Клеветой является утверждение, что П.Н. Краснов, призванный со Штабом в Краснодар для содействия немцам при формировании “7-й Казачьей добровольческой дивизии - отряд “Свободная Кубань”, в присутствии эмигрантов, облаченных в казачьи формы и “кубанки” с красным верхом молча покрывал якобы творившиеся немцами зверства над казаками. Архивные сведения, которыми продолжают руководствоваться некоторые современные российские историки, следующие. В присутствии ген. Краснова в Краснодаре:

- в здании гестапо было заживо сожжено около 300 казаков;
- в Краснодаре было уничтожено свыше 13000 жителей;
- на территории края погибло более 60000 кубанцев.

Лживые сообщения так и повторяются в официальных изданиях, как не подлежащие сомнению! Нынешнее старшее поколение историков Кубани, будучи студентами, просвещалось известным в своё время историком профессором Г. Ивановым. Это он первым огласил приведённые выше данные в своей исторической монографии, уже одним своим заглавием указывающей на источник, при составлении её используемые: “Коммунистическая партия - организатор и руководитель всенародной борьбы в тылу немецко-фашистских оккупантов в годы Великой Отечественной войны. Архивные документы Краснодарского управления Федеральной службы безопасности РФ”.

Очевидно, Г. Иванов был исключительно талантливым преподавателем, т.к. приведённые им без всяких проверок сведения продолжают и по сей день вводить в заблуждение историков. Хотя, казалось бы, они взаимно исключают друг друга! Например - провозглашаемое Ивановым стремление немцев формировать в Краснодаре “Казачью добровольчес-

кую дивизию” с призывом вступать в неё добровольцами (никакую дивизию немцы не формировали - Н.Н.) - и одновременно там же происходящее будто бы массовое истребление тех же потенциальных добровольцев!

При этом уничтожено якобы было 7000 казаков в разезжающих по городу “душегубках”, около 300 казаков заживо сожжено!.. Только умалишенный может поверить в изобретение немцами подобного способа призыва добровольцев в формируемые ими части!

Для чего же понадобилось приводить такое нагромождение лживой лжи? Сведения эти никого из советских вождей не прославляют, и вся эта “постановка” - приезд ген. Краснова со штабом в Краснодар, вызов туда же “старых кадров”, демонстративное удушение в “душегубках” казаков, сожжение их заживо и прочее - совершенно ясно указывают её назначение: нанести урон имени П.Н. Краснова. Пётр Николаевич был всем известным врагом Советского Союза, активно выступал на мировой арене в течение всей эмиграции, обличая преступления “отца народов”. Поэтому для Сталина даже сама по себе мученическая смерть своего заклятого врага не стала достаточным удовлетворением мести!..

Предлагаемые вниманию читателя фрагменты дневников ставят последнюю точку над “i” в истории с “приездом генерала Краснова в Краснодар”. Атаман Кубанского Войска В.Г. Науменко глубоко переживал все события, относящиеся к Кубани, отмечая их до последних мелочей (включая рапорты, присылаемые из Берлина его представителем полковником М. Зарецким). В дневниках записаны также все сношения атамана с немецкими властями, их сообщения, обещания и встречи в Белграде. Пропустить в дневнике такое важное сообщение, как основание в Краснодаре некоего Штаба, да ещё и под возглавлением генералом Красновым - является немислимым! Зато в тех же дневниках приводятся сведения, совершенно исключающие всякую возможность нахождения П.Н. Краснова во время оккупации немцами Кубани в Краснодаре.

Вот запись о встрече отца с племянником генерала П.Н. Краснова, полковником Н.Н. Красновым - только что вернувшимся из Берлина, где он провёл конец января 1943 года. Полковник привёз ответ П.Н. Краснова на письма В.Г. Науменко.

Дневник 11. 3 февраля 1943 года, 10 ч. вечера, среда (с. 53): “Позавчера (1 фев.) мы с Татаркиным (Донским Атаманом) имели свидание с Красновым полковником, приехавшим из Берлина. Рассказывает он о дешёвизне жизни там. Довольствие стоит 5 марок в день! Вся его поездка в течение 12 дней обоилась меньше чем 4000 дин. Говорит, что все есть, но по карточкам. Настроение спокойное. Город чист, английские авионы до центра города не долетают - оборона идеальная. Каждую ночь город затемняется. Ограничения времени “полицейского часа” нет. Генерал Краснов от-

ветил на ряд писем, привезённых ему из Белграда полк. Красновым - ответной одной запиской о положении русского вопроса в Германии. Нового ничего не пишет. Призывает всех помогать немцам и не мечтать играть роль! Многие натяжек в записки начинается с того, что Германия начала войну не с Россией, а с коммунизмом!"

Здесь важно признание П.Н. Краснова, что он не хочет играть никакой роли и выдвигание его эмиграцией для него нежелательно!

Краснодар был занят немцами в период с 1 августа 1942 года по 12 февраля 1943 года. Между тем, П.Н. Краснов пробыл в Берлине в гостях у генерала П.Н. Краснова 12 дней и вернулся в Белград в последних числах января (1 февраля вручив казакам ответное письмо П.Н. Краснова, написанное им в Берлине).

На с. 64 от 5 февраля подтверждается: "Ничего особенного не происходит. Вечером имел в Штабе свидание со Шкуро. Он совершенно придавлен событиями на фронте! Письмо Краснова на него произвело удручающее впечатление!"

Сам тон этих записей свидетельствует о глубоком разочаровании в надеждах на успех в переговорах с немцами, на генерала Краснова полагаемых. И генерал Науменко, и генерал Шкуро явно не удовлетворены положением казачьего вопроса, выносимым Красновым в его письме.

Как далеко это от измышлений "штаба в Краснодаре" - с возглавлением его генералом Красновым! Существование такового считалось бы верхом достижений и подняло бы дух всех казаков. Но, увы! Как выясняется из письма генерала Краснова, во время приписываемого ему пребывания со Штабом в Краснодаре, он находился в Берлине, никакого Штаба в Краснодаре не существовало и никакого положения он при немцах ни там, ни в Берлине не занимал. Что это так, явствует из заявления в его письме, что "выдвигание его на какую-то роль при немцах ему нежелательно!"

Первой и последней ролью П.Н. Краснова при немцах явилось возглавление (но уже через несколько месяцев) в Берлине Главного Управления Казачьих Войск, созданного для защиты прав казаков. В Краснодаре он никогда не был!

Нельзя оставить без упоминания и другую советскую ложь: присутствие в Краснодаре "старых кадров" - якобы призванных туда старых эмигрантов.

Что никаких эмигрантов немцы на Кубань не допускали, явствует из возмущённой записки генерала Науменко в дневнике 9 от 3 ноября 1942 г. (с. 54): "Как часто приходится задумываться над своей судьбой! Казалось бы, что нам, старым борцам с коммунистами, место дома! Однако это не сходится с намерениями немцев и нам приходится сидеть здесь за границей! До каких пор это будет, сказать невозможно - по-видимому, пока не изменится политика немцев, а она может измениться или в силу перемены положения на фронте или перемене лиц!"

Как известно, у немцев есть два направления в смысле разрешения русского вопроса. Одно, олицетворяемое Герингом и поддерживаемое военным миром - создание сильной России (с намерением заключения с ней выгодного для Германии союза). Другое - представляемое партией и олицетворяемое министром Востока, русским немцем Розенбергом - деление России! Сейчас явно берёт верх второе течение. Конечно, положение это может измениться, но сейчас положение атаманов, в частности мое, очень тяжёлое! Казаки нам верят, а вместе с тем нам немцы говорят, что нас до конца войны не пустят домой!"

С. 58 дневника: "То же, о нашем положении подтверждает полк. Лебеда, который служил в югославской армии, потом в хорватской, с хорватским Легионом был в России, с ним дошел до Харькова, а оттуда его и ещё нескольких офицеров вернули в Хорватию по распоряжению фюрера: "Убратъ с фронта всех царских офицеров!" Получается почти безвыходное положение!.."

На с. 92 дневника 9 говорится о попытке майора гестапо Рексайзена послать нескольких казаков из Белграда на Кубань: "Семёнов (командир полка "Варяг") сказал, что Рексайзен предполагает послать на Кубань делегацию строевых казаков, чтобы до известной степени успокоить казаков, которые возмущаются, что Кубань почти вся освобождена, а они попасть туда не могут и не имеют никаких сведений оттуда!" На этот запрос со стороны начальника гестапо из Берлина был получен резкий отказ, и не один наш казак на Кубань никогда не был допущен.

Этим и ограничиваюсь - нет смысла цитировать все днев-

ники, в которых сведения по затронутой теме продолжают на всем их продолжении. Извращения при составлении истории всегда возможны и неоднократно выявлялись, но ложь, относящаяся к периоду якобы пребывания генерала Краснова в Краснодаре, превышает все рамки случайно допущенного и является злонамеренной.

Возможно, что искажающие историю архивы и подвергнутся какому-то просмотру в будущем, когда окончательно уйдёт поколение, до сих пор тоскующее по советским временам. Но если сейчас не будет восстановлено попираемое достоинство славного сына Дона - то имя его может так и остаться опороченным для будущих поколений! Свидетели ушли, а дневники никто читать не будет!..

### Н. Назаренко - Науменко

**От редакции.** Вопрос, поднимаемый Наталией Вячеславовной, очень важен. И говорить нужно о проблеме в целом - про обилие захлестнувших Россию книг и "научных исследований" "казаков между Сталиным и Гитлером" (название ещё одной "монографии", вышедшей в Москве в 2006 году и "объединившей", в основном, уже давно опубликованные работы - в том числе и определяемые **в них же самих**, как лживые!). Глянем только на строчки аннотаций этих "произведений", и всё сразу станет ясно: "вольное и невольное предательство" казаков - с одной стороны, и "защищавший свою Родину и весь мир (!) советский народ" - с другой. Какие уж там кубанские профессора!..

Доказывать что-то большинству старшего поколения и многим из молодых - бесполезно. Человек, не "живущий" историей России 20 века (тем более, не казак по корням своим; а если и казак, то "советский" - каковые среди юных преобладают по причине дремучей своей безграмотности в казачестве) - останется в убеждении, что казаки вермахта, власовцы и белогвардейцы-эмигранты - суть предатели! Убедить его в этом невозможно, проверено.

Уважаемая Наталия Вячеславовна пишет нам: "Трудно поверить, что по прошествии многих десятков лет, никто из изучающих историю так и не заметил всю несуразность слияния воедино, приписываемых немцам противоположных, но параллельно идущих действий". Думается, нет никакой нужды опровергать малоизвестного советского профессора - тем более, что в мало-мальски серьёзных исследованиях по участию казаков во Второй Мировой войне в борьбе с большевиками ни его имя, ни его труды не упоминаются.

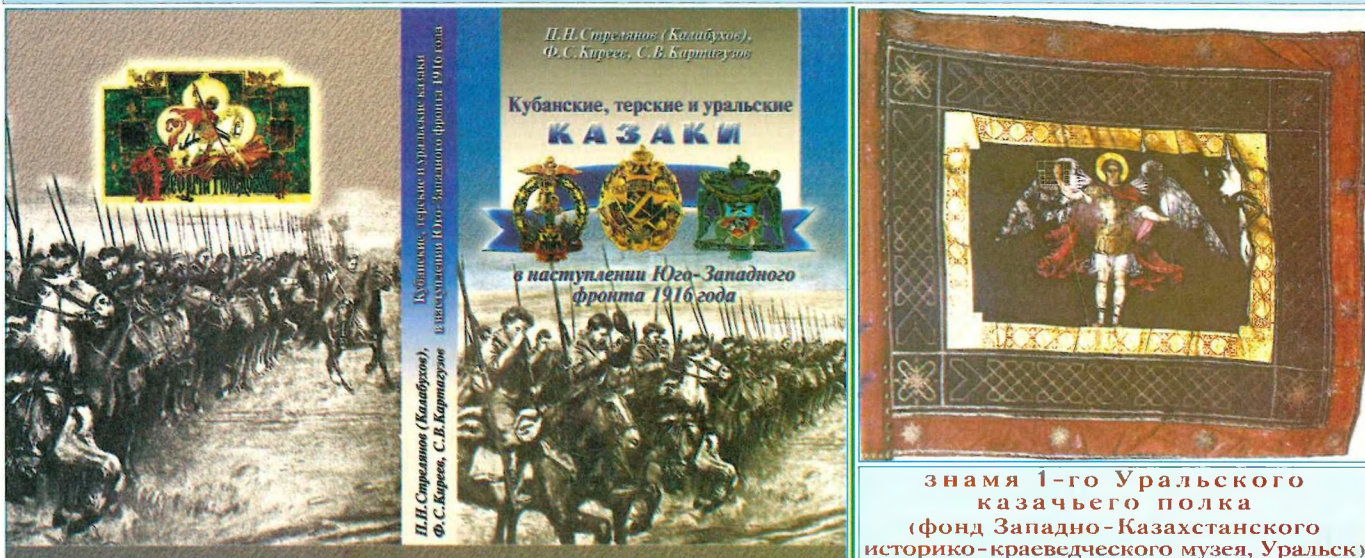
Говоря о составленных "под диктовку НКВД-МГБ-КГБ" архивах, оставшихся в наследство от СССР, автор, видимо, не знает о существовании в России других архивов, коих, к счастью, не затронули вышеперечисленные спецслужбы - не их профиль. Таковыми, например, являются военные архивы. Остались они в наследство не от СССР, а ещё от Российской Империи, и документы в них подлинны. Кроме того, в 90-х годах прошлого века открылись многие спецхраны, создавались фонды поступлений из Русского Зарубежья - таким образом, в России стало доступно изучение материалов Белой эмиграции. Причём пришли они сюда из самых разных мест и уже в таком количестве, что вряд ли уважаемые потомки там имеют представление о существовании подобной информации *здесь*.

Мы не говорим, что с архивами всё у нас прекрасно; трудностей работы в них - достаточно. По сравнению с теми же 90-ми годами, кстати, стало гораздо труднее получить доступ ко многим из них. Но есть всё-таки главное - *подлинные* документы.

Почему же тогда в работах "ивановых" представлены всё те же выдумки и подтверждающие их "документы"? Вопрос - авторам и их издателям. Наверное, тот, кто поставил себе задачу опубликовать (по советской привычке) ложь, кто не может (в силу воспитания или многолетнего преподавания) уйти от "светлого прошлого", так и будет без конца цитировать заказные сочинения советских времён. Кому-то же, наверняка, просто не хватает обыкновенного образования и уровня культуры. Как бы то ни было, подобной литературой забиты полки почти всех книжных магазинов.

Но есть ведь и другие книги, их всё больше! Кстати, и часть дневников В.Г. Науменко, относящихся к эпохе спасения Кубанских войсковых регалий, на Кубани уже переиздана (стараниями, отметим, самой же Наталии Вячеславовны). А к архивам спецслужб с их материалами (в том числе и "ласково полученными" признаниями) - и отношение соответствующее.

## “Кубанские, Терские и Уральские казаки в наступлении Юго-Западного фронта 1916 года”



знамя 1-го Уральского казачьего полка (фонд Западно-Казахстанского историко-краеведческого музея, Уральск)

Московское издательство “Рейтар” издало книгу П.Н. Стрелянова (Кулабухова), Ф.С. Киреева и С.В. Картагузова “Кубанские, терские и уральские казаки в наступлении Юго-Западного фронта 1916 года”, посвящённую боевой работе казачьих частей Русской армии в Луцком прорыве и других событиях Великой войны. Описание боевых действий казаков не ограничивается строго рамками весны - осени 1916 года, представляя более полную картину действий полков, батарей и пластунских батальонов на Юго-Западном фронте.

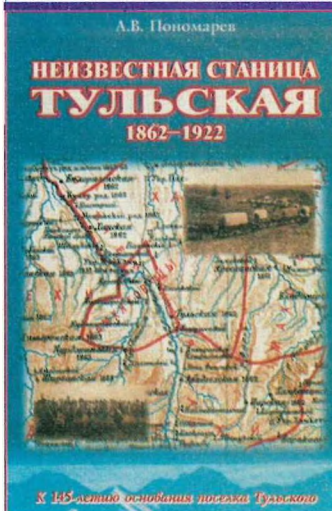
Значительное место в исследовании уделено судьбам отдельных казаков в двух войнах начала XX века и в эмиграции; имена многих из них были известны всему Русскому зарубежью. В приложениях (списки офицеров и Георгиевских кавалеров, приказы) и биографических справках - более 600 имён офицеров и 700 казаков полков трёх казачьих войск. Книга содержит много редких фотографий, в том числе впервые представленных в России.

**Заказать книгу можно:** в Москве - в издательстве (103051, а/я 116) или в редакции “Станицы”;

на Тереке - 362040, РСО, Владикавказ, пр. Мира, д. 34, Штаб ТКВ, Лозовой Д.Д.;

на Урале - 417000, РК, Западно-Казахстанская обл., Уральск, ул. Фрунзе, 49, книжный магазин “Оптим”;

на Кубани - Краснодар, ул. Горького, д. 88, магазин “Кубанец”.



## “Неизвестная станица Тульская. 1862 - 1922 и.”

В Майкопе к 145-летию основания станицы Тульский выпущена книга местного краеведа А.В. Пономарёва - “Неизвестная станица Тульская. 1862-1922”. Рассказывает она о самом малоизвестном периоде в истории этого казачьего поселения (основанного в мае 1862 года, на завершающем этапе Кавказской войны, как станица Егерухаевская) - первых шестидесяти годах его существования, вплоть до окончательного утверждения на Кубани советской власти.

Основанная на архивных документах и публикациях дореволюционного периода, книга содержит много интереснейших сведений о жизни станицы в мирное время и в годы Великой и Гражданской войн. В ней приведены также редкие фотографии казаков, списки жителей станицы за разные годы, сведения о репрессированных в первые годы большевицкого правления и эмигрировавших казаках...

Особо хочется отметить качество работы - как автора-составителя книги, так и местного майкопского издательства. Чаще ведь, к сожалению, приходится подобные издания на местах встречать в мягких переплётах, с блёклыми фотографиями. Здесь же - и твёрдый переплёт, и хорошая бумага, и отличное качество изображений... И, самое главное - достаточно подробный и интересный рассказ на 150 страницах о станице и её жителях. Жаль, тираж маловат - всего 500 штук. Но, наверное, больше сегодня в Адыгее и не надо?..

## Станица

газета зарегистрирована  
в Министерстве печати РФ  
регистрационный N 1527

учредитель - коллектив редакции

адрес для писем: Москва, 117335,  
до востребования Стрелянову П.Н.

тел. 8-916-9114935.

E-mail: stanitsa@rambler.ru;

архив - www.kubankazak.ru

Главный редактор -

Георгий Кокунько

Редактор -

Павел Стрелянов (Кулабухов)

Редколлегия :

Александр Азаренков

Юрий Аверьянов

Игорь Борисов, Виктор Карпов

Олег Мраморнов, Андрей Серба

Юрий Сухарев

Мнение редакции  
может не совпадать  
с позицией авторов  
публикаций

При перепечатке  
материалов просьба  
ссылаться на нашу  
газету и её авторов

Компьютерная верстка -  
Г. Кокунько